

Кафедра Истории Церкви Исторического факультета
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

Russian Journal of Church History

Источник изображения:
Cotton MS Claudius B IV 2nd
quarter of the 11th century-
2nd half of the 12th century,
The manuscript, f.29r

2(4) 2021

**Кафедра истории Церкви
исторического факультета
Московского государственного
университета имени
М. В. Ломоносова**

**Рекомендовано Ученым советом
исторического факультета
Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова,
протокол N 4 от 16.09.2020.**

**Научный рецензируемый
исторический журнал**

Зарегистрирован Комитетом РФ
по печати 26.05.2010 г.
ПИ № ФС77-40041

Периодичность: 4 номера в год
Установочный тираж — 1 000 экз.

Полнотекстовые версии всех номеров
размещены на сайте Научной
Электронной Библиотеки:
www.elibrary.ru

Сайт журнала:
<https://churchhistory.elpub.ru/jour>

Информация о подписке:
www.ros cardio.ru/ru/subscription.html

**Открытый доступ к архивам
и текущим номерам**

**Индексируется в НЭБ (РИНЦ),
КиберЛенинка, ИСТИНА**

**Перепечатка статей возможна только
с письменного разрешения издательства**

**Ответственность за достоверность
рекламных публикаций несет
рекламодатель**

Дизайн, верстка Звездыкина В. Ю.,
Морозова Е. Ю., Перст М.

Отпечатано: типография "OneBook",
ООО "Сам Полиграфист",
129090, Москва,
Протопоповский пер., 6.
www.onebook.ru

© Российский журнал истории Церкви

Лицензия на шрифты № 180397
от 21.03.2018

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

Том 2, № 4 2021

издается с 2020 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. В. Симонов (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Н. А. Белякова (Москва, Россия)
И. Н. Бузыкина (Москва, Россия)
Ю. Н. Бузыкина (Москва, Россия)
Е. В. Журбина (Москва, Россия)
З. Ю. Метлицкая (Москва, Россия)
М. С. Киселев (Москва, Россия)
Марина Перст (Ройтлинген, Германия)
Ю. В. Родионова (Москва, Россия)
М. Д. Тасалова (Москва, Россия)
И. А. Фадеев (Москва, Россия)*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

*А. Л. Баталов (Москва, Россия)
Катрин Бёк (Регенсбург, Германия)
Томас Бремер (Мюнстер, Германия)
Т. А. Ваграменко (Йена, Германия)
С. С. Ванеян (Москва, Россия)
Т. В. Гимон (Москва, Россия)
И. П. Давыдов (Москва, Россия)
Мириам Добсон (Шеффилд,
Великобритания)
Дорота Евдокимов (Познань, Польша)
О. Е. Казьмина (Москва, Россия)
Надежда Киценко (Олбани, США)
Ныгусие Кассае Вольде Микаэль
(Москва, Россия)
А. А. Паламарчук (Санкт-Петербург,
Россия)
В. Г. Суворов (Москва, Россия)
Иван Фолетти (Брно, Чехия)
Штефан Хайд (Рим, Италия)
Н. П. Шок (Нижний Новгород, Россия)*

Адрес Редакции:

Кафедра истории Церкви
Тел.: +7(495)939-52-64
e-mail: journal@churchhistory.ru

Издательство:

ООО "Силицея-Полиграф"
e-mail: cardio.nauka@yandex.ru

**Department of Church History,
Faculty of History,
M. V. Lomonosov Moscow
State University**

**Recommended by the Academic
Council of the Faculty of History,
M. V. Lomonosov Moscow State
University, Journal No. 4
of 16.09.2020.**

**Academic peer-reviewed
historical journal**

Mass media registration certificate
26.05.2010 г. ПИ № ФС77-40041

Periodicity — 4 issues per year
Circulation — 1 000 copies

Complete versions of all issues
are available: www.elibrary.ru

**Instructions for authors,
Submit a manuscript:**
<https://churchhistory.elpub.ru/jour>

Subscription:
www.roscardio.ru/ru/subscription.html

Open Access

Indexed: e-library, CyberLeninka, ISTINA

**To request permission to reproduce materials
(articles/information) from the Journal,
please contact the publisher**

**The mention of trade names, commercial
products or organizations,
and the inclusion of advertisements
in the journal do not imply endorsement
by editors, editorial board or publisher**

Design, desktop publishing
Zvezdkina V. Yu.,
Morozova E. Yu., Perst M.

Printed: OneBook, Sam Poligraphist, Ltd.
129090, Moscow, Protopopovskiy per., 6.
www.onebook.ru

© Russian Journal of Church History

Font's license № 180397 or 21.03.2018

RUSSIAN JOURNAL OF CHURCH HISTORY

Vol 2 № 4 2021

Established in 2020

EDITOR-IN-CHIEF

V. V. Simonov (Moscow, Russia)

EDITORIAL TEAM

*N. A. Beliakova (Moscow, Russia)
I. N. Buzykina (Moscow, Russia)
Yu. N. Buzykina (Moscow, Russia)
E. V. Zhurbina (Moscow, Russia)
Z. Yu. Metlitzkaya (Moscow, Russia)
M. S. Kiselev (Moscow, Russia)
Marina Perst (Reutlingen, Germany)
Yu. V. Rodionova (Moscow, Russia)
M. D. Tasalova (Moscow, Russia)
I. A. Fadeyev (Moscow, Russia)*

EDITORIAL/ADVISORY BOARD

*A. L. Batalov (Moscow, Russia)
Katrin Boeckh (Regensburg, Germany)
Thomas Bremer (Münster, Germany)
T. A. Vagramenko (Jena, Germany)
S. S. Vaneyan (Moscow, Russia)
T. V. Gimon (Moscow, Russia)
I. P. Davydov (Moscow, Russia)
Miriam Dobson (Sheffield,
United Kingdom)
Dorota Jewdokimow (Poznan, Poland)
O. E. Kazmina (Moscow, Russia)
Nadieżda Kizenko (Albany, USA)
Nigusie Kassaye Wolde Michael
(Moscow, Russia)
A. A. Palamarchuk (St. Petersburg, Russia)
V. G. Suvorov (Moscow, Russia)
Ivan Foletti (Brno, Czech Republic)
Stefan Heid (Rome, Italy)
N. P. Shok (Nizhny Novgorod, Russia)*

Editorial Office:

Department of Church History
Tel.: +7(495)939-52-64
e-mail: journal@churchhistory.ru

Publisher:

Silicea-Poligraf
e-mail: cardio.nauka@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателям	4
-----------------------	---

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

<i>Грегори Ли Фриз</i>	5
Американская католическая пресса: от изоляционизма к воинствующему антикоммунизму	
<i>Ныгусие Кассая В. Микаэль, Морозова Н. Н.</i>	26
Взаимодействие России и Русской Православной Церкви с христианскими общинами Египта и Эфиопии во второй половине XIX — начале XX в.	

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

<i>Беглов А. Л.</i>	37
Обновленцы и советская власть в 1923 году в освещении экзарха русских католиков	
<i>Hubertus R. Drobner</i>	66
Проповеди Августина — “свидетельства бурлящей жизни”: вдохновение для нового прочтения	

CONTENTS

Address to the readers	4
------------------------	---

CHURCH HISTORY

<i>Gregory L. Freeze</i>	5
American Catholic Press: From Isolationism to Militant Anti-Communism, 1939-1945	
<i>Nigusie Kassae V. Michael, Nadezhda N. Morozova</i>	26
Interaction of Russia and the Russian Orthodox Church with Christian communities in Egypt and Ethiopia in the second half of the 19 th — early 20 th century	

RELEASING SOURCES

<i>Alexey L. Beglov</i>	37
Renovationists and the Soviet government in 1923 in the coverage of the Exarch of Russian Catholics	
<i>Hubertus R. Drobner</i>	66
Augustins Predigten: “Dokumente prallen Lebens”. Animation zu frischer Lektüre	

Уважаемые читатели,

в четвертом номере Российского журнала истории Церкви вашему вниманию представлены статьи, посвященные новым исследовательским вопросам.

В статье Грегори Л. Фриза, профессора из Брандейского университета (США), предлагается оригинальный взгляд на религиозный фактор (и особенно роль религиозных репрессий) в международных отношениях, после проведенного анализа архивов Католического агентства новостей (КАН). Исследование показывает эволюцию американских католиков от анти-военных изоляционистов в воинствующих антикоммунистов и насколько неэффективно, или даже контрпродуктивно, советские власти вели свою религиозную политику на дипломатическом фронте. Данная статья также предлагает новый взгляд на так называемое “молчание” папы Пия XII, в частности на его отказ назвать конкретные страны в качестве виновников в военных преступлениях, его готовность говорить только абстрактно. КАН являлось проводником взглядов папы, которые он не мог выражать публично.

Сотрудники кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов Ныгусие Кассае Вольде Микаэль и Надежда Н. Морозова рассматривают историю взаимоотношений Русской Православной Церкви (РПЦ) с христианскими общинами Египта и Эфиопии во второй половине XIX в. — начале XX в. Отмечены первые контакты представителей РПЦ и Александрийской Православной Церкви, которые позволили египетским христианам ознакомиться с деятельностью РПЦ, а представителям РПЦ — с реальным состоянием религиозной, политической и культурной ситуации в Египте.

В статье Алексея Л. Беглова, д.и.н., ведущего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН, вводятся в научный оборот три документа 1923 г., выявленные в архиве главы Папской миссии помощи голодающим в России о. Эдмунда Уолша, хранящемся в библиотеке Джорджтаунского университета (США). Центральный документ публикуемой подборки — письмо католического священника Леонида Федорова, который в 1921–1935 гг. был главой Апостольского экзархата католиков византийского обряда в России.

Публикация перевода открытого доклада немецкого профессора Хубертуса Р. Дробнера, исследователя гомилетического наследия св. Августина, выполненный И. Н. Бузыкиной и М. Перст, представляет перспективу интерпретации некоторых из проповедей Августина, в которых наиболее ярко проявились подробности живой и бурной повседневности христианской общины Северной Африки. Особенно акцентируется важность этих проповедей в качестве исторического и богословского источника по истории Церкви начала V в.

Сердечно надеемся на ваш научный интерес!

Редакторы Российского журнала истории Церкви

American Catholic Press: From Isolationism to Militant Anti-Communism, 1939-1945

Gregory L. Freeze^{1,2}

The archives of the Catholic News Agency (CNA) shed valuable light on the transition of American Catholics from antiwar isolationists to militant anticommunists. Until December 1941 most Catholics opposed American intervention in the European military conflict, but after the Japanese attack on Pearl Harbor they patriotically supported American troops and silently tolerated the alliance with the Soviet Union. But from the spring of 1943 American Catholics began to speak out openly against the communist ally. The news feeds from CNA shed light on this transformation: they underscore the role of religion (and especially the role of religious repression) in international relations, which to a significant degree explain the shift in Soviet religious policy during the war. The CNA archives also show how ineffective, or even counterproductive, was Moscow's religious policy on the diplomatic front, above all with regard to Catholics. This article also offers a new perspective on the so-called "silence" of Pope Pius XII — his refusal to name specific countries as perpetrators of war crimes, his willingness to speak only in abstract terms. CNA in effect served as his surrogate: it expressed what the pope himself could not publicly say without violating his neutrality.

Keywords: Roman-Catholic Church, Soviet Union, World War II, religious repression, anticommunism, American Catholics.

Relationship and Activities. This article is part of a project supported by the Russian Science Foundation (No. 19-18-00482), "Entangled Histories: Russia and the Holy See, 1917-1958".

¹Brandeis University, Waltham, MA, United States; ²Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Gregory L. Freeze, historian, specialist in the history of the Russian Church, Professor at Brandeis University, researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. Special interests — History of Russia, history of the Russian Church, social history, history of everyday life. ResearcherID: AAV-1601-2020, ORCID: 0000-0003-2831-336X.

Corresponding author: freeze@brandeis.edu

Received: 05.10.2021

Revision Received: 12.11.2021

Accepted: 10.12.2021

For citation: Gregory L. Freeze. American Catholic Press: From Isolationism to Militant Anti-Communism, 1939-1945. *Russian Journal of Church History*. 2021;2(4):5-25. (In Russ.) doi:10.15829/2686-973X-2021-72

Американская католическая пресса: от изоляционизма к воинствующему антикоммунизму

Грегори Ли Фриз^{1,2}

Архивы Католического агентства новостей (КАН) показывают эволюцию взглядов католиков в США от анти-военного изоляционизма к воинствующему антикоммунизму. До 1941 г. большинство католиков в США противостояло вмешательству в европейский военный конфликт, а после нападения Японии на Пёрл-Харбор они патриотически поддержали американские войска и молчаливо согласились на союз с СССР. Однако с весны 1943 г. американские католики стали открыто выступать против коммунистического союзника. Сообщения КАН отражают эту эволюцию. Материалы КАН показывают роль религиозного фактора (и особенно роль религиозных репрессий) в международных отношениях, что во многом объясняет и изменение в советской религиозной политике во время войны. Но архивы КАН также показывают, насколько неэффективно, или даже контрпродуктивно, советская власть вела свою религиозную политику на дипломатическом фронте, прежде всего относительно католиков. Статья также предлагает новый взгляд на так называемое молчание папы Пия XII, в частности на его отказ назвать конкретные страны в качестве виновников военных преступлений, его готовность высказываться только абстрактно. КАН по сути дела служило его замещением: оно выражало то, что папа сам не смог публично сказать, не нарушая своего нейтралитета.

Ключевые слова: Римско-католическая церковь, Советский Союз, Вторая мировая война, антикоммунизм, американские католики.

Отношения и деятельность. Данная статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного РНФ (№19-18-00482) "Entangled Histories: Россия и Ватикан, 1917-1958 гг.".

¹Brandeis University, Waltham, MA, United States; ²Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.

Грегори Ли Фриз — историк-руссист, специалист в области истории Русской церкви, профессор Брандейского университета, научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук. Сфера научных интересов: История России, история Русской церкви, социальная история, история повседневности. ResearcherID: AAV-1601-2020, ORCID: 0000-0003-2831-336X.

Автор, ответственный за переписку (Corresponding author): freeze@brandeis.edu

Рукопись получена 05.10.2021

Рецензия получена 12.11.2021

Принята к публикации 10.12.2021

Для цитирования: Грегори Ли Фриз. Американская католическая пресса: от изоляционизма к воинствующему антикоммунизму. *Российский журнал истории Церкви*. 2021;2(4):5-25. doi:10.15829/2686-973X-2021-72

Catholics represented a significant political force in American politics. As their numbers increased between the First and Second World Wars¹, they constituted the single largest confession in the country (comprising 36 percent

¹ Between 1920 and 1945 the Catholic population in America increased from 17.7 million to 23.9 million (35 percent). The number of Catholic clergy increased at an ever higher rate — from 21,019 to 38,451 (82 percent), reflecting the continuing strength and appeal of the Church. Carey, P. W. (2004). *Catholics in America. A History*. Westport, 79. Текст печатается в авторской редакции.

of all registered believers)². Despite the tradition of anti-Catholicism³, Protestant political elites were very attentive to the Catholic voting bloc; that was especially true of the Democratic Party — for which Catholics voted in overwhelming numbers⁴. Franklin D. Roosevelt, an Episcopalian but politically savvy, was careful to cater to the Catholic electorate⁵. Although limited to a personal representative (not an ambassador) at the Vatican, Roosevelt worked behind the scenes to win papal support for his campaign to transform American Catholics from diehard isolationists into patriotic supporters of intervention in the European conflict. But anticommunism remained deeply embedded in the views of most Catholics and indeed resurfaced midway through the war.

The scholarship on wartime diplomacy is prodigious but has focused on the high politics (the Vatican and its relationship to the Allied and Axis powers)⁶. Far less attention has been given to Catholic public opinion. Although American scholarship has been archivally intensive and illuminating, it has done little to cast light on the Catholic media that shaped Catholic attitudes toward the hot-button issues of war and peace.

To fill that gap in the scholarship, this study examines the “news feeds” of the Catholic News Agency (CNA). Established in 1920 as a department in the National Catholic Welfare Council (NCWC)⁷, this news agency collected and

² Bureau of the Census (1941). *Religious Bodies 1936: Selected Statistics*. Washington D.C., 40.

³ For a recent overview, see: Massa, M. (2003). *Anti-Catholicism in America: The Last Acceptable Prejudice*. New York. For a broader treatment, see: *European Anti-Catholicism in Comparative and Transnational Perspective* (2013). Werner, Y. and Harvard, J., eds. Amsterdam; Roulin, S., van Dongen L. and Scott-Smith G. (2014). *Transnational Anticommunism and the Cold War: Agents, Activities, Networks*. New York; Kirby, D. (2013). *The Religious Cold War*. Oxford Handbook of the Cold War. Ed. R. Immerman and Peter Goedde. Oxford, 540-564.

⁴ Indeed, they voted for Democrats at a disproportionately higher rate than did Protestants. According to some surveys, they were 27 to 31 percent more likely to vote Democrat than their Protestant countrymen. Carey, P. W. (2004). *Catholics in America. A History*. Westport, 88. See also: Sirgiovanni, G. (1990). *An Undercurrent of Suspicion: Anti-Communism and Anti-Soviet Opinion in World War II America*. New Brunswick.

⁵ For well-informed overviews, see: Barone, M. (2003). *Franklin D. Roosevelt: A Protestant Patrician in a Catholic Party. FDR, the Vatican, and the Roman Catholic Church in America, 1933–1945*. ed. David Woolner and Richard Kurial. New York, 3-10; Fogarty, G. (2003). *Roosevelt and the American Catholic Hierarchy. FDR, the Vatican, and the Roman Catholic Church in America, 1933–1945*. ed. David Woolner and Richard Kurial. New York: Palgrave Macmillan, 11-43. After the war, Roosevelt's special emissary published the correspondence between the president and pope: *Wartime Correspondence between President Roosevelt and Pope Pius XII* (1947). Taylor, M., ed. New York.

⁶ By contrast, the scholarship on Soviet religious policy during the war is immense, consisting of both documentary publications and scholarly monographs. Excellent examples include: Васильева, О. Ю. (2001). *Русская православная церковь и политика советского государства в 1943–1948 гг.* М.; Шкаровский, М. В. (1999). *Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве*. М.; Одинцов, М. И. (2005). *Власть и религия в годы войны*. М.; *Русская православная церковь в годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг.* (2009). Васильева, О. Ю., Кудрявцев, И. И., Лыкова, Л. А., ред. Сборник документов. М.

⁷ The NCWC began as an episcopal organ during World War I, with the task of mobilizing support and resources for American armed forces. Established in 1917, it was the first collective episcopal organ since 1884 and attracted scores of bishops and religious organizations to its first meeting. After the war it shifted the focus to issues like prohibition and parochial schools, but soon encountered opposition from Rome: the Holy See feared a resurgence of “Americanism” — demands that American Catholicism be allowed to follow its own needs and adapt to the special circumstances of the New World. Influential prelates eventually persuaded the Vatican to relent, enabling NCWC to become the principal voice for American Catholicism. It also established a Press and Publicity Department, which became the organizational basis of the Catholic News Agency. For a richly detailed account of NCWC and its leadership, see Boyea, E. (1987). *The National Catholic Welfare Conference: An Experience*

disseminated reports about Catholics around the world and worked to overcome the narrow parochialism of most Catholic journals and diocesan newspapers. And that Catholic press had enormous influence, with a wartime circulation of approximately 9 million subscribers⁸. Relying on dispatches from its own in-country correspondents and from other newspapers and radio broadcasts, CNA sent weekly “news feeds” to a plethora of Catholic papers in America as well as to some abroad. Prior to World War II, CNA provided substantial coverage of the Soviet Union: despite the downturn in Soviet-Catholic relations from the late 1920s, CNA reporting on the Stalinist antireligious campaign served to fuel a deepening anticommunist sentiment.

Problems of Wartime Journalism

World War II, however, posed a major challenge to CNA’s capacity to gather news, especially from Eastern Europe and the Soviet Union. A month after the outbreak of the war, Frank Hall (director of CNA) described the agency’s plight in a letter to its correspondent in France: “With the German occupation or threat in central Europe, we find correspondents of ours in some countries either eliminated or handicapped.” At this point, he emphasized, CNA was keen to obtain information through “articles and publications, refugees, or travelers”⁹. He certainly did not exaggerate the difficulties. The long-term correspondent in Vienna, Dr. Friedrich Funder, was arrested and sent to Dachau shortly after the Anschluss (German annexation of Austria) in March 1938¹⁰. CNA also lost its Paris correspondent of twenty years who had been “called to colors”. In October 1939 Hall hastily sought to train a replacement who could serve CNA’s Catholic readership. He instructed the new correspondent to avoid dispatches on military questions or “the progress of the war”. Instead, Hall emphasized that “we are much interested in developments relating to communism, a power which has as a leading purpose the elimination of religion”¹¹. Even when CNA had correspondents in Europe, communications proved increasingly difficult; diplomats complained that it took a full seven days for a dispatch to go from Rome (via Switzerland) to Washington, and the time required steadily increased¹². In the “fog” of war, compounded by deliberate disinformation, it was exceedingly

in Episcopal Leadership, 1935–1945. Ph.D. diss. Catholic University of America. See also Fogarty, G. (1985). *The Vatican and the American Hierarchy from 1870 to 1965*. Wilmington.

⁸ Sirgiovanni, G. (1990). *An Undercurrent of Suspicion: Anti-Communism and Anti-Soviet Opinion in World War II America*. New Brunswick, 241-242.

⁹ Catholic University of America [hereafter CUA], Collection 10, Box 18, file 7, unpaginated (Frank Hall to M. Massiani, 6.X.1939).

¹⁰ Funder began serving as a correspondent in 1920 and over the next eighteen years submitted 741 dispatches (the last on 19 March 1938), shortly after the Anschluss (12 March) and before the Nazi confiscation of all Catholic media in Austria (28 March 1938). CNA’s Paris correspondent, M. Massiani, reported in a letter of August 1938 that Funder had been arrested and had appeared in a photograph from Dachau. CUA, Collection 10, Box 18, File 18, unpaginated (M. Massiani to [Hall], 15.VIII.1938).

¹¹ CUA, Collection 10, Box 18, file 7, unpaginated (Frank Hall to Paul de la Borie, 6.X.1939).

¹² *Inside the Vatican of Pius XII; the Memoirs of an American Diplomat during World War II* (2004). Tillmann, H., ed. New York, 85. On the delays in communications to the Vatican (up to 5 months for a dispatch from Slovakia to Rome), see Alvarez, D. and Graham R. (1997). *Nothing Sacred: Nazi Espionage against the Vatican, 1939–1945*. London: Frank Cass, 145.

difficult to assess the accuracy of reports, whether from combatants or neutral parties¹³.

CNA experienced a sharp decrease in reports, especially after the German invasion of the Soviet Union on 22 June 1941. Measured by the citations in CNA news feeds, between 1939 and 1942 references to European countries dropped 59 percent and even more in the case of Russia (69 percent). Having reached bottom in 1942, CNA slowly returned to prewar levels: between 1942 and 1945 dispatches increased for European countries (62 percent) and still more for Russia (72 percent).

Country References in CNA News Feeds

Country	1939	1942	1945
England	231	135	246
France	346	113	350
Germany	393	132	520
Italy	300	102	392
Poland	231	127	378
Russia	222	68	244
Vatican	699	355	606
Total	2,422	1,032	2,736

The decline was not only quantitative, but also qualitative: CNA had to rely on second-hand reports, often of dubious accuracy. In the case of Russia, CNA received its last in-country report on 11 November 1940¹⁴. Thereafter CNA carried reports about antireligious campaigns and repression in the occupied territories, with virtually nothing about the situation in Russia itself. Nor did the dispatches meet Hall's requirement of accuracy. The most famous failure was the reliance on Monsignor Enrico Pucci¹⁵. A long-standing CNA correspondent (filing his first dispatch on 25 October 1920), Pucci claimed to be a semi-official press agent for the Holy See and even had a tiny office on Vatican premises. Over the next twenty-two years he filed 3,405 dispatches, with a peak of 363 in 1941. But the various news agencies that employed him (including the *New York Times*) became increasingly suspicious when his postings proved false and in early 1942 terminated contact. So too did CNA, with Pucci's last dispatch appearing on 19 January 1942. It later turned out that Pucci was also in the employ of the German and Italian secret services, operating as one of their "moles" in the Vatican. Pucci was not the only source of fake news. No less infamous was Virgilio Scattolini, who managed to bamboozle America's wartime intelligence agency

¹³ On wartime propaganda see the observations by Robert Graham, one of the editors of the classic twelve-volume set of documents on the Vatican in World War II: Graham, R. (1996). *The Vatican and Communism during World War*. San Francisco, 107-120.

¹⁴ Until that last dispatch CNA still carried some reports about Soviet antireligious policy and the resistance of believers in Russia itself. In 1939, for example, CNA distributed reports from Moscow about an underground convent in Moscow. CNA 29.IV.1939, P, 5 (Moscow, 24.IV.1939). Another dispatch from the capital in June describes the dissemination of anonymous letters with extensive Biblical quotations. CNA, 12.VI.1939, P. 52 (Moscow, 5.V.1939).

¹⁵ Alvarez, D. (2002). *Spies in the Vatican. Espionage & Intrigue from Napoleon to Holocaust*. Lawrence, Kansas, 156-157; Alvarez, D. and Graham R. (1997). *Nothing Sacred: Nazi Espionage against the Vatican, 1939-1945*. London: Frank Cass.

(Office of Strategic Services) and drew a handsome monthly income of \$500 for fake news before he was finally exposed and dismissed¹⁶.

For lack of regular correspondents in most of Europe, CNA had to rely upon a hodgepodge of sources. Particularly prominent was the semi-official newspaper of the Vatican, *L'Osservatore Romano*, as well as broadcasts from Vatican Radio¹⁷, both of which — presumably with papal consent-disseminated views far more candid than the circumspect statements from the pope himself. The German government, predictably, took exception¹⁸. In an attempt to gather information about Eastern Europe, CNA had to draw upon sundry, but often suspect sources. For example, in the case of German- and Soviet occupied Poland, CNA recycled reports from a Polish newspaper¹⁹, the Polish embassy²⁰, the Polish Information Center in New York²¹, and the Polish Catholic Press Agency²² — none of which could be characterized as a disinterested party. For the prewar areas of Russia CNA had to be content with materials from a white-Russian émigré newspaper *Rossii*²³ and a German agency called Ost-Express²⁴.

In 1943, faced with competition from other agencies (including one that claimed to have a correspondent in Moscow²⁵), CNA sought Soviet permission to station a correspondent in Moscow. By then a Russian victory in the East seemed inevitable, and American Catholics — concerned about the postwar menace of Soviet communism — wanted reliable reports from within the USSR itself. CNA met with a representative of the Soviet embassy in Washington, but this initiative came to naught²⁶. CNA also attempted to recruit the American Assumptionist priest serving in Moscow, Fr. Leopold Braun, to provide information. Although the priest's superior gave his assent, Braun himself — faced with growing Soviet pressure — refused, fearing that such activities would only make his position even more untenable²⁷. Given the dearth of reliable news reports, CNA shifted its focus

¹⁶ Levack, A. P. (1974). Virgilio Scattolini, the Prince of Vatican Misinformers. *Catholic Historical Review*, 59, 719-735.

¹⁷ For example, CNA, 5.IV.1943, p. 5.

¹⁸ *Inside the Vatican of Pius XII: the Memoirs of an American Diplomat during World War II* (2004). Tillmann, H., ed. New York, 40-41.

¹⁹ CNA, 1.V.1939, p. 10.

²⁰ CNA, 2.X.1939, p. 25.

²¹ CNA, 21.VII.1941, p. 12.

²² CNA, 16.XI.1942, p. 47.

²³ CNA, 29.VII.1940, p. 26 and 9.VI.1941, p. 15.

²⁴ CNA, 13.III.1939, p. 6. The full name was Der Ost-Express: Nachrichtendienst für Politik, Wissenschaft, Kultur; it operated out of Berlin between 1920 and 1943.

²⁵ The Religious News Service, supported by a Jewish and Christian coalition, had been competing with CNA for several years, first trying to enlist CNA as a subscriber and later directly appealing to CNA's base of diocesan papers to collaborate and subscribe. Hall resisted the competition and appealed directly to 159 diocesan papers (CUA, Collection 10, Box 30, Folder 48, unpaginated (Frank Hall — editors, 9.VIII.1944)).

²⁶ Citing a *New York Times* article based on an article from the Religious News Service about religious life in Russia (with claims to have a correspondent in Moscow), Hall arranged a meeting at the Soviet embassy in Washington, but his efforts were to no avail. CUA, Collection 10, Box 31, Folder 32, unpaginated (Hall to I. Anderson, 11.X.1944).

²⁷ An appeal to Braun through the U.S. embassy did not even reach its target; the letter was "returned from the State Department" (CUA, Collection 10, Box 31, Folder 32, unpaginated [Hall to Braun, 23.I.1943]. A year later Hall appealed to Braun's superior, the Rev. C. Armanet, emphasized the need for information about religious life

from religious life to religious policy, especially in the territories occupied by Germany and the Soviet Union.

From Isolationism to Intervention

Throughout the 1930s CNA had contributed to the growing anti-communism among American Catholics²⁸. This sentiment reflected the confrontation between the Vatican and Moscow from the late 1920s in response to the latter's antireligious campaign²⁹. The repression of Catholic clergy and believers, along with the massive closing of churches, occupied a central place in CNA reporting and helped to fuel the growing anticommunism³⁰. But it was not only a matter of repression in the USSR: communism posed an international threat, promoting atheist movements around the world³¹ and posing the threat of political subversion, even in the United States³². A leading exponent of the need to contain and combat Soviet communism was Edmund Walsh of Georgetown University, who had headed the Papal mission for famine relief in 1922–1923. He returned to America with an extremely negative view of the Soviet regime that he expressed in numerous publications and public lectures about the menace of Soviet communism³³.

in Russia, adding that a competitor, Religious News Service, claimed that it will be receiving regular information directly from Russia (CUA, Collection 10, Box 31, Folder 22, unpaginated [Hall to Armanet, 21.VI.1944]). Armanet replied that he could not be of any assistance: "Father Braun has urged us to keep his name out of the newspapers, and never to allow any part of his letters to me to appear in print," since this "would increase the difficulty of his already delicate position". At the most Armanet could only cull excerpts from Braun's papers and any news that he sends (CUA, Collection 10, Box 31, Folder 22, unpaginated [Armanet — Hall, 22.VI.1944]). But Armanet later wrote to Hall that CNA should take this up with Braun, who can do as he sees fit (CUA, Collection 10, Box 31, Folder 22, unpaginated [Armanet to Hall, 29.VI.1944]). The most that CNA ever received, through Armanet, was a radiogram from Braun about a special mass held in honor of Franklin Roosevelt's fourth term (CUA, Collection 10, Box 31, Folder 22, unpaginated [radiogram, dated Moscow, 19 January 1945]). Hall was grateful, reiterating that "we have no news channels from Russia" (CUA, Collection 10, Box 31, Folder 22, unpaginated [Hall to Armanet, 2.II.1945]).

²⁸ For a substantive accounts, see: Frank, R. (1992). Prelude to the Cold War: American Catholics and Communism. *Journal of Church and State*, 34, 39-56; Gribble, R. (2008). Roman Catholicism and U. S. Foreign Policy, 1919-1935: A Clash of Policies. *Journal of Church and State*, 50, 73-99.

²⁹ Freeze, G. L. (2020). The American Catholic Press: Religious NEP, Repression, and Laicization (1925-1939). *Новая и новейшая история*, 64(6), 121-139.

³⁰ On the closing of Catholic churches, see the summary data in Zugger, C. L. (2001). *The Forgotten: Catholics of the Soviet Empire from Lenin through Stalin*. Syracuse, p. 237.

³¹ Edwards, B. (2013). The Godless Congress of 1938: Christian Fears about Communism in Great Britain. *Journal of Religious History*, 37, 1-19.

³² In 1937 NCWC sponsored a project to study "communism in the United States," drawing upon data from 53 dioceses. Moreno, L. (1999). *The National Catholic Welfare Conference and Catholic Americanism, 1919-1966*. Ph.D. diss. University of Maryland, 63-64.

³³ In a typical speech Walsh portrayed "world control as the Soviet aim". CNA, 15.XI.1932, pp. 3-4. During the period 1924-1952 Walsh published four books and dozens of articles and delivered 2,000 lectures on the Soviet threat. McNamara, P. (2006). Russia, Rome, and Recognition: American Catholics and Anticommunism in the 1920s. *U.S. Catholic Historian*, 24, 71-72. See also McNamara, P. (2005). *Edmund A. Walsh, S. J., and the Politics of American Catholic Anticommunism*. New York. 46-174. Walsh had played a key role in the Vatican aid program in the early 1920s and came away with an abiding distrust of the Soviet regime. See: Tokareva, E. S. (2021). The Adventures of a Jesuit in Russia: How the Soviet government fought with fr. Edmund Walsh (1922-1923). *Electronic scientific and educational journal "History"*, 12, Issue 8 (106) [Electronic resource]. About Walsh and his role, see: Tokareva, E. S. (2020). Edmund Walsh, Vatican Plans and Russian Reality 1922-1923. *Russian*

But the interwar period also brought the specter of a second adversary: fascism, first in Italy, then in Germany. The Vatican sought a *modus vivendi* with the regimes in both countries, concluding concordats with Italy (1929) and Germany (1933). The Vatican saw the concordats as a means to secure Church interests, but soon found that they provided scant protection of its rights and prerogatives. In March 1937 Pius XI castigated both fascism and communism in major encyclicals — the anti-fascist *Mit Brennender Sorge* and the anti-communist *Divini Redemptoris*³⁴.

Despite the Vatican's even-handed repudiation of both forms of "totalitarianism" (a term increasingly popular at the time), the American Catholic press directed most of its attention toward Soviet communism. In the months preceding the outbreak of war in September 1939, CNA distributed multiple reports about Soviet anti-religious policy and especially its impact on Catholics. One dispatch, for example, described the near total decimation of Catholic clergy in the USSR (with 135 of 137 priests in prison or labor camps), thereby making it all but impossible for the faithful to observe even the high holy days³⁵. As earlier, CNA seized upon the self-criticism of the League of Militant Atheists to show that lay piety persisted in unofficial, underground forms³⁶. CNA also drew attention to the continuing Soviet campaign to promote atheism abroad, including plans for a world congress of 2,500 godless³⁷. The Molotov-Ribbentrop Nonaggression Pact of 23 August 1939 provided a golden opportunity to argue that Nazism and communism were bedfellows, and to pronounce the pact as an alliance of "the two greatest anti-Christian forces in the world"³⁸.

Despite the fascist and communist threats, most American Catholics remained isolationist and strenuously opposed involvement in yet another European conflict. In a statement on "Peace and War" (November 1939), a conclave of American bishops openly opposed intervention in the war and pleaded "for a spirit of calm deliberation in our nation"³⁹. Indeed, that

History, (4), 188-204; Dommarco, M. C. (2020). *Un compito eccezionale e rischioso. Il governo bolscevico e la missione della Santa Sede al tempo della carestia degli anni Venti*. Mosca e Seriate.

³⁴ *Wider den Rassismus* (2001). Rauscher, A., ed. Paderborn; Passelc, G. and Suchesky, B. (1997). *The Hidden Encyclical of Pius XI*. New York.

³⁵ CNA, 13.III.1939, p. 6 (report from Geneva, 6.III.1939).

³⁶ A dispatch from Moscow in June 1939 cited the LMA publication *Bezbozhnik*, which admitted that underground convents had increased in recent years (CNA, 3.VII.1939, p. 4 [Moscow, 26.VI.1939]). *Pravda* reported that numerous anonymous letters with Biblical quotations were circulating and complained about LMA, declaring that "there is not the least enthusiasm here for the anti-religious fight." (CNA, 12.VI.1939, p. 52 [Moscow, 5.VI.1939]). One of the last reports from Moscow cited LMA publications, confirming that the catacomb church relied upon wandering priests and clandestine convents to sustain religious life (CNA, 18.III.1940, p. 18 [Moscow, 11.III.1940]).

³⁷ CNA, 5.VI.1939, p. 7 (Geneva, 29.V.1939).

³⁸ CNA, 28.VIII.1939, P. 61 (New York, 28.VIII.1939). The author, Fr. John LaFarge, was an American Jesuit active in the final years of Pius XI, for whom he drafted a papal encyclical against racist and totalitarian ideologies, entitled *Humani generis unitas*. Pius XI, however, had not promulgated the encyclical before his death on February 10, 1939, and his successor, Pius XII, chose not to issue the document.

³⁹ Huber, R. M. (1952). *Our Bishops Speak*. Milwaukee, 225-226; *Pastoral Letters of the United States Catholic Bishops* (1984). Nolan, H., ed. 4 vols. Washington. 1, 433-434.

isolationism persisted despite the persecution of Catholic co-religionists in Poland by German and Soviet occupation forces⁴⁰. A CNA staff writer cited the Soviet-German collaboration as proof that fascism and communism were only two forms of “totalitarianism”⁴¹, and CNA pointed out a striking similarity in their anti-religious tactics: “In almost every respect Soviet persecution follows the example set by Hitler: the Church is not openly outlawed but the life of everyone who openly remains faithful to the Church is made a misery”⁴². Some, however, portrayed Moscow as the principal enemy. Edmund Walsh, for example, blamed “Russian communism for the present world strife”⁴³, emphasized the need for “cool heads”, and warned that a long war of attrition would give communists an opportunity to exploit⁴⁴. Bishop Fulton Sheen, a popular figure in the media, blamed Moscow for causing the war and assailed the idea of “U.S.-Soviet friendship”⁴⁵. A Soviet campaign vilifying the Vatican only intensified anti-Soviet sentiment⁴⁶.

Roosevelt, increasingly inclined toward intervention, had to overcome resistance in the general public, but especially among Catholics. To ensure America’s noninvolvement in foreign conflicts, the Neutrality Acts of 1935–1937 had imposed an embargo on the arms sales to belligerents. Roosevelt managed to make some inroads against the strict neutrality (notably, the “cash-and-carry” provision), but was rebuffed in his efforts to provide support for Britain and France. Only in March 1941 did the president succeed in persuading Congress to pass the Lend Lease Act allowing the United States to sell or give arms to Great Britain and France. After the German invasion of the Soviet Union on 22 June 1941 and the devastating Blitzkrieg that ensued, Roosevelt lobbied to extend Lend Lease to the USSR, but encountered strong resistance from American Catholics⁴⁷. To overcome opposition among American Catholics, Roosevelt turned to the Vatican for assistance and, in

⁴⁰ On the impact of the Soviet occupation of Poland and the “winter war” with Finland, see: Moreno, L. (1999). *The National Catholic Welfare Conference and Catholic Americanism, 1919–1966*. Ph.D. diss. University of Maryland, 75, 79–80.

⁴¹ Immediately after the German invasion of the Soviet Union, a staff writer for CNA, Elmer Murphy, showed no sympathy for the Soviets. He condemned both Nazism and communism as anti-democratic and concluded that there was little difference between the two. CNA, 30.VI.1941 (Washington, 30.VI.1941).

⁴² CNA, 3.VI.1940, P. 5 (London, 27.V.1940).

⁴³ CNA, 18.XII.1940, P. 49 (Washington, 18.XI.1940).

⁴⁴ Dr. Walsh Stresses Need of ‘Cool Heads’ to Preserve Peace in America (CNA, 9.IX.1939, p. 58 [New York, 9.X.1939]).

⁴⁵ CNA, 9.XII.1940. P. 55 (New York, 8.XII.1940). Sheen was a prominent radio (and later television) personality. See: Farney, K. D. (2016). *Golden Mouths, Ethereal Pulpits: The Remarkable Radio Success of Reverend Walter A. Maier, Ph.D. and Monsignor Fulton J. Sheen, Ph.D.* Ph.D. diss., University of Notre Dame, 57–147; Epple, M. (2001). *American Crusader: Bishop Fulton J. Sheen’s Campaign against Germany*. Ph.D. diss. University of Akron, P. 42–100.

⁴⁶ In response to the death of Pius XI, the Soviet press — as CNA reported — had denounced the pope as an archenemy of communism and a “defender of capitalism.” CNA, 6.III.1939, P. 9 (Moscow, 28.II.1939); 14.II.1939, P. 13 (Moscow, 12.II.1939).

⁴⁷ Cardinal Francis Spellman of New York wrote to Pius XII to warn him of the intense debate about aid to the Soviets, with the vast majority of Catholic prelates firmly opposed. See *Actes es documents du Saint-Siège relatifs à la seconde guerre mondiale* [hereafter ADDS]. (1969). Ed. Blet, P., Graham, R., Martini, A., Schneider, B. 12 vols. Vatican City, 1965–1981. 5, 181–182.

a letter of 3 September 1941, assured Pius XII that “Russia may as a result of the present conflict recognize freedom of religion”⁴⁸. In October Roosevelt created a public furor when he cited article 124 in the Stalin constitution of 1937, guaranteeing religious freedom, as though it described actual conditions⁴⁹. The president, through his personal representative, urged the pope to persuade American bishops to support Lend Lease for the Soviet Union⁵⁰. Pius XII did so, through private communications to the Apostolic Delegate in Washington, but with strict orders to keep his intercession confidential⁵¹. The Catholic bishops acceded, but without enthusiasm. That was evident in their collective statement, “Crisis in Christianity,” which reaffirmed opposition not only to fascism but also to communism⁵². Archbishop Michael Curley of Washington was unrestrained, calling Stalin “the greatest murderer of men the world has ever known”⁵³. Walsh supported the expansion of Lend Lease but insisted on “plain talk” to avoid deluding Americans about the true nature of the Stalin regime⁵⁴.

The Japanese attack on Pearl Harbor (7 December 1941) put an end to isolationist sentiment among American Catholics. The chair of NCWC, Archbishop Edward Mooney of Detroit, wrote to Roosevelt that “we will do our part”⁵⁵. American bishops signed a joint declaration vowing to support the war effort and earned an immediate letter of gratitude from the president. It was not a matter of mere words: Catholics comprised 31 percent of the army and even higher proportions in the air force and navy. Several thousand priests served as chaplains; some perished at the front and a number earned medals for their valor and self-sacrifice⁵⁶.

From Reticent to Vociferous Anticommunism

Support for the war initially led CNA to avoid hostile rhetoric about the Soviet ally. Yet that reticence stood in marked contrast to the pro-Soviet exuberance of the time, a mood reflected in an American journalist’s account, *We’re in This*

⁴⁸ ADDS, 5, 180. The Vatican had a very different picture of conditions in Russia. In a note to Roosevelt’s personal emissary, Domenico Tardini (a key papal aide) provided a devastating picture of religious repression in the Soviet Union (ADDS, 5, 241-244). The Vatican asked the State Department for evidence of greater religious tolerance, but the latter candidly admitting that it had none. *Inside the Vatican of Pius XII; the Memoirs of an American Diplomat during World War II* (2004). Tillmann, H., ed. New York, 58.

⁴⁹ For the speech and fierce criticism, see CNA, 6.X.1941, P. 1-3 (Washington, 3.X.1941). See the trenchant critique by the normally tactful Walsh: CNA, 6.X.1941, P. 3-5 (Washington, 2.X.1941).

⁵⁰ According to Amleto Cicognani (Apostolic Delegate to the United States), by September 1941 a majority of American bishops supported aid for the Soviet Union, but still opposed intervention. Blet, P. (1997). *Pius XII and the Second World War. According to the Archives of the Vatican*. New York: Paulist Press, 110-121. See also ADDS, Vol. 5, P. 199-200, 240-441.

⁵¹ Graham, R. (1996). *The Vatican and Communism during World War*. San Francisco. 34-40 (with a reference to the confidential instructions to American bishops, p. 38).

⁵² *Pastoral Letters of the United States Catholic Bishops* (1984). Nolan, H., ed. 4 vols. Washington. 2, 28-35.

⁵³ Sirgiovanni, G. (1990). *An Undercurrent of Suspicion: Anti-Communism and Anti-Soviet Opinion in World War II America*. New Brunswick, 53.

⁵⁴ CNA, 3.XI.1941, P. 28 (New York, 31.X.1941).

⁵⁵ *Pastoral Letters of the United States Catholic Bishops* (1984). Nolan, H., ed. 4 vols. Washington. 2, 36-37.

⁵⁶ *Pastoral Letters of the United States Catholic Bishops* (1984). Nolan, H., ed. 4 vols. Washington. 2, 13.

with Russia⁵⁷. But Catholics remained distrustful and understandably so, given the flood of new details about Soviet religious repression in the occupied territories of Poland⁵⁸, Baltics, Belorussia, and Ukraine). Reports on Russia, though rare, confirmed that the regime continued to persecute Catholics; a dispatch from Canada, for example, reported that 110 to 150 priests from the Catholic dioceses of Mogilev and Saratov were currently in prison or labor camps⁵⁹ — rough estimates that reflect the poor quality of available information. American bishops thus continued to equate Nazism and communism; a declaration of 16 November 1942, signed by 102 bishops, repudiated both Nazi and communist “totalitarianism”⁶⁰. This antipathy toward the Soviet Union was not unique: one opinion poll showed that 45 percent of the general population deemed the Soviet ally to be immoral, and 30–40 percent declared it untrustworthy⁶¹.

Open criticism of the Soviet regime, ironically, resumed after the appearance of a Soviet propaganda volume, purportedly from the Russian Orthodox Church, called *The Truth about Religion in Russia*⁶². In 1942 the regime had arranged the preparation and publication of the Russian text (which was then translated into English), the goal being to counteract the opposition of Western believers to providing aid to the Soviet Union because of its record of persecuting religion⁶³. The English translation began to attract attention in early 1943 and by March the Catholic media were actively engaged in rebutting this apologia. CNA first published a Swiss newspaper critique and later carried a stream of highly critical commentaries. One article identified falsehoods and the patently propagandistic purpose, noting that it had been published almost entirely for distribution in Great Britain and the United States⁶⁴. Despite the Vatican’s policy of neutrality, the papal yearbook for 1943 (*Annuario pontificio per l’anno 1943*) pointed out that all six Catholic ecclesiastical jurisdictions in the USSR were still without a bishop⁶⁵.

The renewed attacks on the Soviet regime were no doubt due to a shift in the fortunes of war: after the Battle of Stalingrad, Moscow seemed increasingly

⁵⁷ Carroll, W. (1942). *We’re in This with Russia*. Boston: Houghton Mifflin.

⁵⁸ In March 1941, for example, Catholics in London published a report by the ranking prelate in Poland: Hlond, A. (1941). *The Persecution of the Catholic Church in German Occupied Territories*. New York.

⁵⁹ CNA, 23.11.1942 (Quebec, 20.XI.1942).

⁶⁰ CNA, 16.XI.1942, P. 31–45; *Pastoral Letters of the United States Catholic Bishops* (1984). Nolan, H., ed. 4 vols. Washington. 2; Hlond, A. (1941). *The Persecution of the Catholic Church in German Occupied Territories*. New York. 38–45.

⁶¹ McNamara, P. (2005). Edmund A. Walsh, S. J., and the Politics of American Catholic Anticommunism. New York, 107–108.

⁶² *Правда о религии в России* (1942). Под ред. Николая (Ярушевича). М. The English translation, bearing the title *The Truth about Religion in Russia, Issued by the Moscow Patriarchate*, was published in London, 1942 (with multiple reprintings in subsequent years). A German edition, *Die Wahrheit über die Religion in Rußland*, was published in Zurich, 1944. For an overview, see Sirgiovanni, G. (1990). *An Undercurrent of Suspicion: Anti-Communism and Anti-Soviet Opinion in World War II America*. New Brunswick, 252–253.

⁶³ For a concise summary see: Фирсов, С. Сталинский конкордат. *Независимая газета*, 3 сент. 2003. Available: https://www.ng.ru/ng_religii/2003-09-03/6_konkordat.html (accessed: 10 July 2021).

⁶⁴ CNA, 1.III.1943, P. 1–9 (Lisbon, 22.II.1943). The lengthy article bore the title: “Soviet Volume Misrepresents Religious Situation in Russia.”

⁶⁵ CNA, 3.V.1943, P. 1 (Washington, 30.IV.1943).

certain to defeat the Nazis. CNA's mother organization, NCWC, continued to disseminate attacks on the Nazis⁶⁶, but CNA's focus — with the rising probability of a Soviet victory — shifted toward the menace of communism. While Soviet victories on the battlefield promised a favorable outcome to the war, Catholics saw a growing fear of Soviet domination. CNA took its cue from the Holy See, such as a broadcast from Vatican Radio in April 1943 repudiating reports that the pope had directed the archbishop of Westminster to invoke prayers for Bolshevism. The dispatch emphasized that Pius XI in *Divini Redemptoris* and Pius XII in his Christmas eve message of 1942 had expressed a love for the Russian people but explicitly repudiated "atheistic communism". Hence the archbishop's remarks had been misconstrued, for he had referred only to the Russian people, not Bolshevism⁶⁷. In June 1943 CNA published a blistering critique of a new American feature film, *Mission to Moscow*, based on the memoir of the American ambassador, Joseph Davies⁶⁸. Given its sympathetic portrayal of the Stalin regime, a staff writer at CNA called it nothing other than a "propaganda film" and asked why it was ever made⁶⁹. That same month CNA reported about a broadcast from Vatican Radio describing the Vatican's frustration over the Soviet refusal to provide information about prisoners of war — one of the pope's key "neutral" initiatives to mitigate the hardships on both sides⁷⁰.

Stalin's apparent volte-face in religious policy in 1943 did not impress American Catholics, given the steady flow of CNA reports about religious persecution. A CNA dispatch of April 1943, for example, summarized a talk by the senior correspondent of Time-Life in Russia, who described the multifarious methods used to repress religious life — exorbitant taxes, discrimination against churchgoers, and inability to train new ordinands. Even without direct repression, these measures served to cause a significant decline in churches, not only Catholic, but also Orthodox⁷¹.

When Stalin famously authorized the reestablishment of the patriarchate and made other concessions to the Orthodox Church in September 1943, the news feeds from CNA remained highly skeptical. The agency noted, for example, that the British Catholic press was "cautious" about the purported shift in policy. The *Catholic Herald* (London) dismissed the shift as a maneuver "to counteract hostility from Christian quarters, especially in the United States," and warned

⁶⁶ For example, in 1943 NCWC published a volume detailing the Nazi persecution in Europe along with some other key anti-Nazi documents: National Catholic Welfare Council (1943). *The Nazi War against the Catholic Church*. Washington, DC.

⁶⁷ CNA, 5.IV.1943, p. 5 (Vatican City, 30.III.1943). The broadcast spoke on behalf of Hinsley, who had died shortly earlier (17.III.1943).

⁶⁸ Sirgiovanni, G. (1990). *An Undercurrent of Suspicion: Anti-Communism and Anti-Soviet Opinion in World War II America*. New Brunswick, 256-257.

⁶⁹ The headline ran: "Mission to Moscow film Receives Deluge of Adverse Criticism". CNA, 7.VI.1943, P. 33-34 (Washington, 7.VI.1943).

⁷⁰ CNA, 14.VI.1943, P. 21 (London, 7.VI.1943). Earlier CNA wrote that the Soviet side had "something to hide" and offered a dark reference to Katyn. CNA, 3.V.1943, P. 33-34 (Washington, 3.V.1943). On the Vatican's initiative to assemble information about prisoners of war, see: Alvarez, D. and Graham R. (1997). *Nothing Sacred: Nazi Espionage against the Vatican, 1939-1945*. London: Frank Cass. 140.

⁷¹ CNA, 19.IV.1943, P. 40-41 (New York, 20.IV.1943).

that a revived Orthodox Church may renew “its traditional hostility to Rome” and thus undermine “Catholic missions to convert Russia”⁷². A staff writer for CNA pointed out that the Stalin’s apparent shift did not apply to the Catholic Church and reported that politicians in Washington looked askance at the sincerity of the new religious tolerance⁷³. Secular papers likewise took a cautious, “wait-and-see” view⁷⁴. When Moscow established a new council on the religious affairs of non-Orthodox confessions, the CNA published dispatches expressing continuing doubts about the purported liberalization in policy⁷⁵.

By early 1944, the Cold War between the Soviet Union and Catholicism was in full gear. A major confrontation occurred in February 1944, when Catholic papers declared that the Soviet regime had launched a full-scale campaign against the Vatican “as a menace to future peace”. Indeed, Soviet media cited a publication from the Foreign Policy Association in the United States, which — it asserted — supported the view that Pius XII was sympathetic to the fascist cause⁷⁶. CNA distributed the response of British Catholic papers, such as the *Universe*, which denounced *Izvestiia*⁷⁷ for seeking to “drag up the history of the past few years” and added a sarcastic remark that, given recent Soviet history, “nobody has more reason to wish for oblivion of this period”⁷⁸. The diocesan paper in Portland Oregon characterized the Soviet regime as “a completely totalitarian government”⁷⁹. Bishop Fulton Sheen invoked the authority of the Vatican, citing the papal pronouncements against all forms of totalitarian government, communist as well as fascist⁸⁰. No less acerbic was the *Witness* (the diocesan newspaper in Dubuque, Iowa): “Communism is the death and destruction of peace, justice, freedom, civilization for which we are fighting”⁸¹. CNA also recycled critical comments in the leading secular papers, such as the *New York Times* and the *Washington Post*⁸².

⁷² CNA, 13.IX.1943, P. 41 (London, 21.IX.1943).

⁷³ CNA, 27.IX.1943, P. 32-33 (Washington, 27.IX.1943).

⁷⁴ CNA, 27.IX.1943, P. 37.

⁷⁵ CNA, 3.VII.1944, P. 50.

⁷⁶ The publication (Hayden, Sh. (1944). Foreign Policy of the Vatican. *Foreign Policy Reports*, 19(21), 277-288), in fact affirmed that neither Pius XI nor Pius XII favored fascism or wanted to see the triumph of “modern dictatorships.” Nevertheless, Hayden did qualify this statement, declaring that Pius XII “is not a supporter of democracy but just what he claims to be—indifferent to political forms.” See also the report in CNA, 14.I.1944, P. 42 (Washington, 17.I.1944).

⁷⁷ The *Izvestiia* article portrayed the Vatican as fascist. See Powers, R. G. (1995). *Not without Honor; the History of American Anticommunism*. New York: Free Press, 174.

⁷⁸ CNA, 7.II.1944, P. 53 (London, 7.II.1944). Another dispatch in CNA castigate the *Izvestiia* article as nothing but a “lie”. CNA, 7.II.1944, P. 3-04 (n.p., n.d.). Secular papers in the United States joined in this denunciation of the Soviet anti-Vatican claim; see CNA, 8.II.1944, P. 6 (Philadelphia, 8.II.1944). Almost simultaneously a newly published book also came to the pope’s defense: Sharkey, D. (1944). *White Smoke over the Vatican*. Milwaukee: Bruce Publishing Co. See also the report in CNA, 21.II.1944, P. 23 (18.II.1944, Milwaukee).

⁷⁹ CNA, 7.II.1944, P. 6 (n.p., n.d.).

⁸⁰ CNA, 8.II.1944, P. 9-10 (Washington, 8.II.1944). Sheen did not mince words: “No country in the world has contributed as much to Fascism as Russia,” and cited the 1939 Molotov-Ribbentrop Pact. Sheen added that “fascism is really communism in its dotage. Communism is the Asiatic form of fascism, and fascism is the European form of communism.” CNA, 2.II.1944, P. 1-3 (Washington, 2.II.1944).

⁸¹ CNA, 7.II.1944, P. 55-56 (n.p., n.d.).

⁸² CNA, 7.II.1944, P. 4, 34. (n.p., n.d.).

The visit of an American priest in April 1944, organized by Moscow as a propaganda stunt, did not quell the criticism but ignited a storm of protests⁸³. The priest, Stanislaus Orlemanski, journeyed to Moscow at Stalin's invitation and met with him twice to discuss the religious situation in Poland⁸⁴. Fr. Orlemanski evidently made the trip with the approval of the White House and U. S. State Department, which were loath to spurn a request from the Kremlin⁸⁵. Once news broke about Orlemanski's visit and his apparent endorsement of Soviet policy, the result was an explosion of furious denunciations in the Catholic press. The priest (who evidently hoped to extract concessions for co-religionists in Poland) was suspended from parish service and consigned to a monastery for an indefinite period⁸⁶. Although Orlemanski soon apologized⁸⁷, the episode deepened Catholic suspicions and distrust of the Kremlin machinations and its attempt to manipulate naïve Western opinion⁸⁸.

CNA continued to report shocking evidence of antireligious repression in the newly occupied territories. One CNA dispatch, for example, cited "reliable reports from Lithuania" that the Soviets were continuing to subject Catholic clergy to repression, even execution⁸⁹. The only functioning Catholic church in Moscow, manned by an American Assumptionist priest, was formally tolerated because of an earlier agreement with Roosevelt, but the priest served tens of thousands of Soviet Catholics denied access Catholic churches in their own area⁹⁰. CNA also reported the multiple robberies at the church, which was literally

⁸³ The visit of an Anglican prelate in October 1943 had elicited similar criticism. CNA, 11.X.1943, P. 13 (dispatch by George Barnard, the London correspondent of NCWC, dated 5.X.1943). Key documents on the Orlemanski visit include: Father Stanislaus Orlemanski at News Conference (<https://www.gettyimages.com/detail/video/father-stanislaus-orlemanski-at-news-conference-exterior-news-footage/504408159>); Запись беседы И. В. Сталина с ксендзом Ст. Орлеманским (1997). *Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953 гг.* Редкол.: Г. П. Мурашко (отв. ред.) и др. Новосибирск. 36–42; Record of a Conversation between I. V. Stalin and the Roman Catholic Priest Stanislaus Orlemanski (<https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/123130>).

⁸⁴ On the Orlemanski affair, see: Moreno, L. (1999). *The National Catholic Welfare Conference and Catholic Americanism, 1919–1966*. Ph.D. diss. University of Maryland, 108–109; Sirgiovanni, G. (1990). *An Undercurrent of Suspicion: Anti-Communism and Anti-Soviet Opinion in World War II America*. New Brunswick, 268–274; Stehle, H. (1981). *Eastern Politics of the Vatican 1917–1979*. Athens, Ohio. 320–321.

⁸⁵ См.: Токарева, Е. С. (2019). *Ватикан в фокусе советской политики (1938–1988)*. Россия в мире. М., Весь мир. 405–437.

⁸⁶ CNA, 15.V.1944, P. 44 (Springfield, 15.V.1944).

⁸⁷ CNA, 16.V.1944, P. 7 (Springfield, 16.V.1944).

⁸⁸ For the protest by a delegation of "six million Polish-Americans" along with the claim that Orlemanski was a communist sympathizer, see CNA, 8.V.1944, P. 33, 43. The American Catholic press published numerous complaints that Fr. Orlemanski had been "used as a tool of policy-makers in the Kremlin" (CNA, 15.V.1944, P. 41–42 [Washington, 13.V.1944]). For Orlemanski's apology and restoration to his parish, see CNA, 16.V.1944, P. 7 (Springfield, MA, 16.V.1944).

⁸⁹ CNA, 13.XI.1944, P. 5 (Zurich, 10.XI.1944).

⁹⁰ The Moscow parish of Fr. L. Braun, according to a report from April 1943, serviced 25,000–30,000 of the faithful. CNA, 19.IV.1943, P. 40–41 (19.IV.1943). The Assumptionist archive in Boston, significantly, holds a large number of baptism, marriage, and confirmation certificates for the years of 1942–1949. Assumptionist Center, Russian files (uncatalogued). In early 1945 CNA still carried reports about the flood of provincial Catholics coming to Braun's parish. CNA, 5.II.1945, P. 4 (n.p., n.d.). See also: Жданова, Е. С. (2021). Установление контроля советской власти над католическим храмом св. Людовика в Москве в 1947–1950 гг. (по документам Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР). *Электронный научно-образовательный журнал "История"*, 12, 8(106) [Available: <https://history.jes.su/issue.2021.3.8.8-106/> (restricted access)].

in the shadows of Lubianka, making Soviet claims of ordinary criminal activity incredible.

As the victorious allies began laying postwar plans, the Catholic press became increasingly concerned about Soviet annexation of territories to the West, especially Catholic Poland and Lithuania⁹¹. In November 1943 NCWC adopted a statement on “Essentials of a Good Peace”, which expressed fears that the American government might “compromise on the ideals of the Atlantic Charter”, especially the mandate for religious freedom⁹². In March 1944 CNA reported the earlier mass deportation of 1.2 million Poles⁹³ and the continuing religious persecution in Lithuania⁹⁴. Such complaints drew support from the Vatican newspaper *L'Osservatore Romano*, which published a recent address by Pius XII to Polish soldiers⁹⁵ and raised the question of Polish territorial boundaries⁹⁶. In November 1944 American bishops adopted an extremely caustic denunciation of the Soviet government (characterized as a regime of “cruel inhuman aggressors”) and demanded unqualified defense of Poland: “American Catholics would ever resent this country’s being made a party for the de-Christianization of historic Catholic peoples”⁹⁷. The Vatican newspaper later took exception to statements by British leaders (Winston Churchill and Antony Eden) and warned that any territorial settlement could profoundly affect Europe’s future⁹⁸. CNA offered its own warnings about “the insatiable demands of Soviet Russia” and the need to defend Poland⁹⁹. Suspicion that Western leaders were preparing to betray Polish — and Catholic — interests found incontrovertible evidence in the Yalta agreement¹⁰⁰. The Polish diaspora in America was especially vociferous in denouncing Yalta “as a betrayal of Poles”¹⁰¹. Yalta was indeed a central target of Catholic outrage and denounced as “a surrender to Russia” that turned nine million Polish Catholics over to the Soviet Union¹⁰². The Jesuit Sovietologist, Walsh, delivered a speech berating the Soviet triumph at Yalta and decrying its decision on Poland as “a highly dangerous precedent”¹⁰³.

A further important dynamic was the open confrontation between the Vatican and Moscow. In May 1944 *Pravda* distributed a declaration from the Russian

⁹¹ The CNA staff writer, Elmer Murphy, made multiple postings about the growing concern over Soviet ambitions after the war: CNA, 15.III.1943, P. 54 (Washington, 15.III.1943); 30.VIII.1943, P. 39 (Washington, 30.VIII.1943); 15.X.1943, P. 32 (Washington, 15.X.1943).

⁹² *Pastoral Letters of the United States Catholic Bishops* (1984). Nolan, H., ed. 4 vols. Washington. 2, 44-49.

⁹³ CNA, 15.V.1944, P. 36.

⁹⁴ CNA, 13.III.1944, P. 6.

⁹⁵ CNA, 14.VIII.1944, P. 40.

⁹⁶ CNA, 4.XII.1944, P. 4-5 (Vatican City, 1.XII.1944).

⁹⁷ Huber, R. M. (1952). *Our Bishops Speak*. Milwaukee, 234-235; *Pastoral Letters of the United States Catholic Bishops* (1984). Nolan, H., ed. 4 vols. Washington. 2, 52.

⁹⁸ CNA, 1.I.1945, P. 32 (Vatican City, 29.XII.1944).

⁹⁹ CNA, 15.I.1945, P. 16 (London, 8.I.1945).

¹⁰⁰ CNA, 5.III.1945, P. 1-2 (Glasgow, 2.III.1945).

¹⁰¹ CNA, 19.II.1945, P. 5 (Washington, 16.II.1945). For another denunciation by a Polish exile leader, see CNA, 13.II.1945, P. 1 (n.p., n.d.).

¹⁰² CNA, 13.II.1945, P. 1 (n.p., n.d.) See also the discussion and references in Sirgiovanni, G. (1990). *An Undercurrent of Suspicion: Anti-Communism and Anti-Soviet Opinion in World War II America*. New Brunswick, 261-263.

¹⁰³ CNA, 12.III.1945, P. 61 (Boston, 11.III.1945).

Orthodox Church attacking the pope's claim to be the "vicar" of Christ¹⁰⁴. The apparent willingness of the Orthodox Church leaders to serve the communist state led to a dispatch describing it "as a tool of policy-makers in the Kremlin"¹⁰⁵. The chair of the NCWC issued a similar denunciation¹⁰⁶. Rumors in the summer of 1944 — reportedly emanating from Moscow — claimed that the Vatican and Soviets were actively coordinating plans for the postwar era. In response, *L'Osservatore Romano* indignantly repudiated such reports as totally unfounded¹⁰⁷.

The acrimony became especially intense after the Soviet press launched a full-scale attack on the Holy See in early 1945. In response to the pope's attempt (in the Christmas address of 1944) to ensure a just peace and avoid the vindictive reparations of Versailles, the Soviet press portrayed his speech as tantamount to giving refuge to Nazi war criminals. CNA distributed a rebuttal by *L'Osservatore Romano*, which accused the Soviet press of grossly distorting the pope's words¹⁰⁸ and raised anew the issue of Soviet war guilt — for causing for the outbreak of the war through the Molotov-Ribbentrop pact¹⁰⁹. The Orthodox Church, presumably at the Kremlin's instigation, reiterated such accusations, much to the fury of Catholics in the West¹¹⁰. In April Ilya Ehrenburg published a piece in *Pravda*, asserting that the pope was seeking to "whitewash the [Nazi] criminals"¹¹¹. The famous writer provoked a torrent of fierce criticism and a warning that American cooperation in making a peaceful postwar Europe was being "made difficult by Soviet propaganda attacks"¹¹². NCWC did not spare its own rhetoric: in March it published a pamphlet with the title *Communism Today, or Red Fascism*¹¹³. In short, by 1945 American Catholics had emerged as the leading anti-communist force — a role that it would continue to play in the first decade of the Cold War¹¹⁴.

The Pius War: Neutrality and News

After his death in 1958, the pope's wartime reticence — his refusal to name specific countries guilty of war crimes — became the focus of acrimonious historiographic debates, aptly described as the "Pius War"¹¹⁵. That criticism,

¹⁰⁴ CNA, 16.V.1944, P. 1 (London, 16.V.1944), citing an Orthodox Church article in *Zhurnal moskovskoi patriarkhii* by the late patriarch Sergii.

¹⁰⁵ CNA, 15.V.1944, P. 38 (London, 13.V.1944).

¹⁰⁶ CNA, 8.V.1944, P. 1 (London, 5.V.1944).

¹⁰⁷ CNA, 14.VIII.1944, P. 40 (Vatican City, 14.VIII.1944).

¹⁰⁸ CNA, 30.I.1945, P. 5 (Vatican City, 30.I.1945).

¹⁰⁹ CNA, 19.II.1945, P. 38 (Vatican City, 17.II.1945). See also: CNA, 19.II.1945, P. 45 (Vatican City, 19.II.1945).

¹¹⁰ CNA, 26.II.1945, P. 22 (Msg. Edward Hawks, special contribution to NCWS).

¹¹¹ Эренбург, И. (1945). Сказка про белого бычка. *Правда*, 25.III.1945.

¹¹² CNA, 2.IV.1945, P. 26 (Washington, 2.IV.1945).

¹¹³ Feely, R. (1945). *Communism Today, or Red Fascism*. New York.

¹¹⁴ Chamedes, G. (2019). *A Twentieth-Century Crusade: The Vatican's Battle to Remake Christian Europe*. Cambridge MA.

¹¹⁵ The literature on the "Pius War" is enormous. For a balanced overview see: Sanchez, J. (2002). *Pius XII and the Holocaust: Understanding the Controversy*. Washington, DC; Doyno, W. Jr. (2004). An Annotated Bibliography of Works on Pius XII, the Second World War and the Holocaust. *The Pius War: Responses to the Critics of Pius XII*. Ed. Bottum, J. and Dalin, D. Lanham, 97-280; Kösters, Ch. (2018). Catholics in the Third Reich: An Introduction to the Scholarship and Research History. *Catholics and the Third Reich*. Boston. 37-60; Johnson, W. (2020). Blood Libel and the Pius War. *Journal of Religious and Theological Information*, 19, 57-69.

however, was not new; it arose during the war among the Allies, who sought a forceful papal denunciation of the Axis powers that would serve to mobilize public opinion. The pope's defenders argue that Pius XII did denounce atrocities (as in his Christmas eve message of 1942), with the identity of the perpetrators obvious to all, but left unnamed for a host of legitimate reasons: fear that such denunciations would only provoke vicious Nazi retribution, that they would subject the Vatican itself to direct assault, that they would alienate the patriotic German and Italian Catholics, that they should also include the crimes committed by the Allies (whether by Soviet occupation forces or by Allied aerial attacks on civilian populations), that they would violate the political neutrality mandate of the 1929 Lateran Concordat, and that they would compromise the pope's impartiality and eliminate any hope of mediating the conflict. Hence Pius XII offered only general statements about atrocities and avoided declarations that might be construed as pro-Ally or pro-Axis.

Still, even if personally silent, the pope did speak indirectly through Catholic media¹¹⁶. He tolerated acerbic rhetoric in the semi-official Vatican newspaper *L'Osservatore Romano* and in broadcasts from Vatican Radio, provoking criticism from both sides of the conflict¹¹⁷. Catholic media outside the Vatican were far more vociferous. Contrary to the myth of all-encompassing Vatican control, Pius not only tolerated but encouraged independent journalism. This corresponded to his strategy of "glocalizing" power and empowering bishops to use their own best judgement — partly to avoid compromising Vatican neutrality, partly to recognize that local authorities knew best what was possible and effective¹¹⁸. In the case of CNA, the Vatican facilitated the rising crescendo of anticommunism, not least by providing a major source of news. It was therefore no accident that the Holy See turned a blind eye to the escalation of anticommunist, anti-Soviet rhetoric in the last two years of the war. It is not as though the Vatican remained ignorant of the American Catholic press and its strident anticommunism: the NCWC regularly reported on its meetings and decisions to the Vatican¹¹⁹. In effect, CNA and the American diocesan press were able to articulate views that the pope himself, given his commitment to neutrality, could not. This was precisely the same strategy that Pius XII exercised with respect to the German hierarchs¹²⁰. The enormous literature about the alleged "silence" of Pius XII, significantly,

¹¹⁶ The popular view that the papacy had total control over Catholics around the world was indeed widespread. But that has long since been contested; see, for example, Sanchez, J. (2002). *Pius XII and the Holocaust: Understanding the Controversy*. Washington, DC. 137.

¹¹⁷ On Allied criticism of the papacy's silence, see *Inside the Vatican of Pius XII; the Memoirs of an American Diplomat during World War II* (2004). Tillmann, H., ed. New York, 115-116.

¹¹⁸ Repgen, K. (1995). Die deutschen Bischöfe und der zweite Weltkrieg. *Annuario de historia de la Iglesia*, 4, 131. The "localization" strategy was explicit in a letter from Pius XII to Bishop Konrad Preysing of 30 April 1943, published in: *Die Briefe Pius XII an die deutschen Bischöfe 1939–1944*. (1966). Schneider, B., Blet, P., and Martini, A., Eds. Mainz. 240.

¹¹⁹ Boyea, E. (1987). *The National Catholic Welfare Conference: An Experience in Episcopal Leadership, 1935–1945*. Ph.D. diss. Catholic University of America. 222-230.

¹²⁰ See the correspondence from Pius XII in: *Die Briefe Pius XII an die deutschen Bischöfe 1939–1944*. (1966). Schneider, B., Blet, P., and Martini, A., Eds. Mainz. A close analysis of the interaction between Pius XII and a German prelate is to be found in: Wolf, H. (2009). Papst Pius XII. und die Juden. *Theologische Revue*, 105(4), 265-280. For an excellent case study, see: Brodie, Th. (2018). *German Catholicism at War, 1939–1945*. Oxford.

has failed to recognize how the pope used surrogates like CNA to address the travesties and atrocities of the war¹²¹. By tacitly permitting the Catholic press (like the German prelates) to act independently, the Vatican enabled the pope to maintain his “neutrality” even while permitting the Catholic media and national clergy to articulate what he could not. To be sure, this is contrary to the “centralized” stereotype widely shared by contemporaries and still prevalent in the historiography. But precisely for this reason it was the perfect solution to the papal quandary. In effect, the papacy practiced what is now a commonplace in globalization studies: to survive and thrive, adapt to the local conditions — what is commonly called “glocalization.” In the case of Pius XII, it enabled him to maintain the myth of supranational neutrality, yet unleash Catholics at the local level to act as circumstances permitted.

Relationship and Activities. This article is part of a project supported by the Russian Science Foundation (No. 19-18-00482), “Entangled Histories: Russia and the Holy See, 1917–1958”.

Литература

1. Васильева, О. Ю. (2001). *Русская православная церковь и политика советского государства в 1943–1948 гг.* М.
2. *Русская православная церковь в годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг.* (2009). Васильева, О. Ю., Кудрявцев, И. И., Лыкова, Л. А., ред. Сборник документов. М.
3. Запись беседы И. В. Сталина с ксендзом Ст. Орлеманским (1997). *Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953 гг.* Редкол.: Г. П. Мурашко (отв. ред.) и др. Новосибирск. 36–42.
4. Одинцов, М. И. (2005). *Власть и религия в годы войны.* М.
5. Токарева, Е. С. (2020). Эдмунд Уолш, планы Ватикана и российская действительность 1922–1923 гг. *Российская история*, (4), 188–204.
6. Токарева, Е. С. (2021). Приключения иезуита в России: Как советская власть боролась с о. Эдмундом Уолшем (1922–1923 гг.). *Электронный научно-образовательный журнал “История”*, 12, Выпуск 8 (106) [Электронный ресурс]
7. Фирсов, С. Сталинский конкордат. *Независимая газета*, 3 сентября 2003. Available: https://www.ng.ru/ng_religii/2003-09-03/6_konkordat.html. (accessed: 10 July 2021).
8. Шкаровский, М. В. (1999). *Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве.* М.
9. Эренбург, И. (1945). Сказка про белого бычка. *Правда*, 25.III.1945.
10. *Actes es documents du Saint-Siège relatifs à la seconde guerre mondiale* [hereafter ADDS]. (1969). Ed. Blet, P., Graham, R., Martini, A., Schneider, B. 12 vols. Vatican City, 1965–1981. 5.
11. Alvarez, D. (2002). *Spies in the Vatican. Espionage & Intrigue from Napoleon to Holocaust.* Lawrence, Kansas.
12. Alvarez, D. and Graham R. (1997). *Nothing Sacred: Nazi Espionage against the Vatican, 1939–1945.* London: Frank Cass.
13. Barone, M. (2003). Franklin D. Roosevelt: A Protestant Patrician in a Catholic Party. *FDR, the Vatican, and the Roman Catholic Church in America, 1933–1945.* ed. David Woolner and Richard Kurial. New York. 3–10.
14. Blet, P. (1997). *Pius XII and the Second World War. According to the Archives of the Vatican.* New York: Paulist Press.
15. Boyea, E. (1987). *The National Catholic Welfare Conference: An Experience in Episcopal Leadership, 1935–1945.* Ph.D. diss. Catholic University of America.
16. Brodie, Th. (2018). *German Catholicism at War, 1939–1945.* Oxford.
17. Bureau of the Census (1941). *Religious Bodies 1936: Selected Statistics.* Washington D.C.
18. Carey, P. W. (2004). *Catholics in America. A History.* Westport.
19. Carroll, W. (1942). *We're in This with Russia.* Boston: Houghton Mifflin.
20. Chamedes, G. (2019). *A Twentieth-Century Crusade: The Vatican's Battle to Remake Christian Europe.* Cambridge MA.
21. Doyno, W. Jr. (2004). An Annotated Bibliography of Works on Pius XII, the Second World War and the Holocaust. *The Pius War: Responses to the Critics of Pius XII.* Ed. Bottum, J. and Dalin, D. Lanham, 97–280.
22. Edwards, B. (2013). The Godless Congress of 1938: Christian Fears about Communism in Great Britain. *Journal of Religious History*, 37, 1–19.
23. Epple, M. (2001). *American Crusader: Bishop Fulton J. Sheen's Campaign against Germany.* Ph.D. diss. University of Akron.

¹²¹ For a recent overview of the literature see: Feldkamp, M. (2018). *Pius XII. Ein Papst für Deutschland, Europa und die Welt.* Aachen.

24. Farney, K. D. (2016). *Golden Mouths, Ethereal Pulpits: The Remarkable Radio Success of Reverend Walter A. Maier, Ph.D. and Monsignor Fulton J. Sheen, Ph.D.* Ph.D. diss., University of Notre Dame.
25. Feldkamp, M. (2018). *Pius XII. Ein Papst für Deutschland, Europa und die Welt.* Aachen.
26. Father Stanislaus Orlemanski at News Conference (Available: <https://www.gettyimages.com/detail/video/father-stanislaus-orlemanski-at-news-conference-exterior-news-footage/504408159>).
27. Fogarty, G. (2003). Roosevelt and the American Catholic Hierarchy. *FDR, the Vatican, and the Roman Catholic Church in America, 1933-1945.* ed. David Woolner and Richard Kurial. New York: Palgrave Macmillan. 11-43.
28. Fogarty, G. (1985). *The Vatican and the American Hierarchy from 1870 to 1965.* Wilmington.
29. Frank, R. (1992). Prelude to the Cold War: American Catholics and Communism. *Journal of Church and State*, 34, 39-56.
30. Freeze, G. L. (2020). The American Catholic Press: Religious NEP, Repression, and Laicization (1925-1939). *Новая и новейшая история*, 64(6), 121-139.
31. Graham, R. (1996). *The Vatican and Communism during World War.* San Francisco.
32. Gribble, R. (2008). Roman Catholicism and U. S. Foreign Policy, 1919-1935: A Clash of Policies. *Journal of Church and State*, 50, 73-99.
33. Hayden, Sh. (1944). Foreign Policy of the Vatican. *Foreign Policy Reports*, 19(21), 277-288.
34. Hlond, A. (1941). *The Persecution of the Catholic Church in German Occupied Territories.* New York.
35. Huber, R. M. (1952). *Our Bishops Speak.* Milwaukee.
36. Johnson, W. (2020). Blood Libel and the Pius War. *Journal of Religious and Theological Information*, 19, 57-69.
37. Kirby, D. (2013). *The Religious Cold War.* Oxford Handbook of the Cold War. Ed. R. Immerman and Peter Goedde. Oxford, 540-564.
38. Küsters, Ch. (2018). Catholics in the Third Reich: An Introduction to the Scholarship and Research History. *Catholics and the Third Reich.* Boston. 37-60.
39. Levack, A. P. (1974). *Virgilio Scattolini, the Prince of Vatican Misinformers.* Catholic Historical Review, 59, 719-735.
40. Massa, M. (2003). *Anti-Catholicism in America: The Last Acceptable Prejudice.* New York.
41. McNamara, P. (2005). *Edmund A. Walsh, S. J., and the Politics of American Catholic Anticommunism.* New York.
42. McNamara, P. (2006). Russia, Rome, and Recognition: American Catholics and Anticommunism in the 1920s. *U. S. Catholic Historian*, 24, 71-88.
43. Moreno, L. (1999). *The National Catholic Welfare Conference and Catholic Americanism, 1919-1966.* Ph.D. diss. University of Maryland, 75.
44. National Catholic Welfare Council (1943). *The Nazi War against the Catholic Church.* Washington, DC.
45. *Pastoral Letters of the United States Catholic Bishops* (1984). Nolan, H., ed. 4 vols. Washington.
46. Passelecq, G. and Suchesky, B. (1997). *The Hidden Encyclical of Pius XI.* New York.
47. Powers, R. G. (1995). *Not without Honor; the History of American Anticommunism.* New York: Free Press.
48. *Wider den Rassismus* (2001). Rauscher, A., ed. Paderborn.
49. Record of a Conversation between I. V. Stalin and the Roman Catholic Priest Stanislaus Orlemanski (Available: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/123130>).
50. Roulin, S., van Dongen L. and Scott-Smith G. (2014). *Transnational Anticommunism and the Cold War: Agents, Activities, Networks.* New York.
51. Sanchez, J. (2002). *Pius XII and the Holocaust: Understanding the Controversy.* Washington, DC.
52. *Die Briefe Pius XII an die deutschen Bischöfe 1939-1944.* (1966). Schneider, B., Blet, P., and Martini, A., Eds. Mainz.
53. Sharkey, D. (1944). *White Smoke over the Vatican.* Milwaukee: Bruce Publishing Co.
54. Sirgiovanni, G. (1990). *An Undercurrent of Suspicion: Anti-Communism and Anti-Soviet Opinion in World War II America.* New Brunswick.
55. Stehle, H. (1981). *Eastern Politics of the Vatican 1917-1979.* Athens, Ohio.
56. *Wartime Correspondence between President Roosevelt and Pope Pius XII* (1947). Taylor, M., ed. New York.
57. *Inside the Vatican of Pius XII; the Memoirs of an American Diplomat during World War II* (2004). Tillmann, H., ed. New York.
58. *European Anti-Catholicism in Comparative and Transnational Perspective* (2013). Werner, Y. and Harvard, J., eds. Amsterdam.
59. Wolf, H. (2009). Papst Pius XII. und die Juden. *Theologische Revue*, 105(4), 265-280.
60. Zuger, C. L. (2001). *The Forgotten: Catholics of the Soviet Empire from Lenin through Stalin.* Syracuse.

References

1. Vasilyeva, O. Yu. (2001). *The Russian Orthodox Church and the Policy of the Soviet State in 1943–1948*. M.
2. *The Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War of 1941–1945* (2009). Vasilyeva, O. Yu., Kudryavtsev, I. I., Lykova, L. A., ed. Collection of documents. M.
3. Recording of the conversation of I. V. Stalin with the priest of St. Orleans (1997). *Eastern Europe in the documents of the Russian Archives, 1944–1953*. Editor: G. P. Murashko (ed.), etc. Novosibirsk. 36-42.
4. Odintsov, M. I. (2005). *Power and religion during the war*. M.
5. Tokareva, E. S. (2020). Edmund Walsh, Vatican Plans and Russian Reality 1922–1923. *Russian History*, (4), 188–204.
6. Tokareva, E. S. (2021). The Adventures of a Jesuit in Russia: How the Soviet government fought with fr. Edmund Walsh (1922–1923). *Electronic scientific and educational journal "History"*, 12, Issue 8 (106) [Electronic resource].
7. Firsov, S. Stalin's Concordat. *Nezavisimaya Gazeta*, September 3, 2003. Available: https://www.ng.ru/ng_religii/2003-09-03/6_konkordat.html. (accessed: 10 July 2021).
8. Shkarovsky, M. V. (1999). *The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev*. M.
9. Ehrenburg, I. (1945). The tale of the white bull. *Pravda*, 25.III. 1945..
10. *Actes es documents du Saint-Siège relatifs à la seconde guerre mondiale* [hereafter ADDS]. (1969). Ed. Blet, P., Graham, R., Martini, A., Schneider, B. 12 vols. Vatican City, 1965–1981. 5.
11. Alvarez, D. (2002). *Spies in the Vatican. Espionage & Intrigue from Napoleon to Holocaust*. Lawrence, Kansas.
12. Alvarez, D. and Graham R. (1997). *Nothing Sacred: Nazi Espionage against the Vatican, 1939–1945*. London: Frank Cass.
13. Barone, M. (2003). Franklin D. Roosevelt: A Protestant Patrician in a Catholic Party. *FDR, the Vatican, and the Roman Catholic Church in America, 1933–1945*. ed. David Woolner and Richard Kurial. New York. 3–10.
14. Blet, P. (1997). *Pius XII and the Second World War. According to the Archives of the Vatican*. New York: Paulist Press.
15. Boyea, E. (1987). *The National Catholic Welfare Conference: An Experience in Episcopal Leadership, 1935–1945*. Ph.D. diss. Catholic University of America.
16. Brodie, Th. (2018). *German Catholicism at War, 1939–1945*. Oxford.
17. Bureau of the Census (1941). *Religious Bodies 1936: Selected Statistics*. Washington D.C.
18. Carey, P. W. (2004). *Catholics in America. A History*. Westport.
19. Carroll, W. (1942). *We're in This with Russia*. Boston: Houghton Mifflin.
20. Chamedes, G. (2019). *A Twentieth-Century Crusade: The Vatican's Battle to Remake Christian Europe*. Cambridge MA.
21. Doyno, W. Jr. (2004). An Annotated Bibliography of Works on Pius XII, the Second World War and the Holocaust. *The Pius War: Responses to the Critics of Pius XII*. Ed. Bottum, J. and Dalin, D. Lanham, 97–280.
22. Edwards, B. (2013). The Godless Congress of 1938: Christian Fears about Communism in Great Britain. *Journal of Religious History*, 37, 1–19.
23. Epple, M. (2001). *American Crusader: Bishop Fulton J. Sheen's Campaign against Germany*. Ph.D. diss. University of Akron.
24. Farney, K. D. (2016). *Golden Mouths, Ethereal Pulpits: The Remarkable Radio Success of Reverend Walter A. Maier, Ph.D. and Monsignor Fulton J. Sheen, Ph.D.* Ph.D. diss., University of Notre Dame.
25. Feldkamp, M. (2018). *Pius XII. Ein Papst für Deutschland, Europa und die Welt*. Aachen.
26. Father Stanislaus Orlowski at News Conference (Available: <https://www.gettyimages.com/detail/video/father-stanislaus-orlowski-at-news-conference-exterior-news-footage/504408159>).
27. Fogarty, G. (2003). Roosevelt and the American Catholic Hierarchy. *FDR, the Vatican, and the Roman Catholic Church in America, 1933–1945*. ed. David Woolner and Richard Kurial. New York: Palgrave Macmillan. 11–43.
28. Fogarty, G. (1985). *The Vatican and the American Hierarchy from 1870 to 1965*. Wilmington.
29. Frank, R. (1992). Prelude to the Cold War: American Catholics and Communism. *Journal of Church and State*, 34, 39–56.
30. Freeze, G. L. (2020). The American Catholic Press: Religious NEP, Repression, and Laicization (1925–1939). *Новая и новейшая история*, 64(6), 121–139.
31. Graham, R. (1996). *The Vatican and Communism during World War*. San Francisco.
32. Gribble, R. (2008). Roman Catholicism and U. S. Foreign Policy, 1919–1935: A Clash of Policies. *Journal of Church and State*, 50, 73–99.
33. Hayden, Sh. (1944). Foreign Policy of the Vatican. *Foreign Policy Reports*, 19(21), 277–288.
34. Hlond, A. (1941). *The Persecution of the Catholic Church in German Occupied Territories*. New York.
35. Huber, R. M. (1952). *Our Bishops Speak*. Milwaukee.
36. Johnson, W. (2020). Blood Libel and the Pius War. *Journal of Religious and Theological Information*, 19, 57–69.
37. Kirby, D. (2013). *The Religious Cold War*. Oxford Handbook of the Cold War. Ed. R. Immerman and Peter Goedde. Oxford, 540–564.
38. Kösters, Ch. (2018). Catholics in the Third Reich: An Introduction to the Scholarship and Research History. *Catholics and the Third Reich*. Boston. 37–60.
39. Levack, A. P. (1974). *Virgilio Scattolini, the Prince of Vatican Misinformers*. Catholic Historical Review, 59, 719–735.
40. Massa, M. (2003). *Anti-Catholicism in America: The Last Acceptable Prejudice*. New York.
41. McNamara, P. (2005). *Edmund A. Walsh, S. J., and the Politics of American Catholic Anticommunism*. New York.
42. McNamara, P. (2006). Russia, Rome, and Recognition: American Catholics and Anticommunism in the 1920s. *U. S. Catholic Historian*, 24, 71–88.
43. Moreno, L. (1999). *The National Catholic Welfare Conference and Catholic Americanism, 1919–1966*. Ph.D. diss. University of Maryland, 75.

-
44. National Catholic Welfare Council (1943). *The Nazi War against the Catholic Church*. Washington, DC.
 45. *Pastoral Letters of the United States Catholic Bishops* (1984). Nolan, H., ed. 4 vols. Washington.
 46. Passelecq, G. and Suchesky, B. (1997). *The Hidden Encyclical of Pius XI*. New York.
 47. Powers, R. G. (1995). *Not without Honor; the History of American Anticommunism*. New York: Free Press.
 48. *Wider den Rasismus* (2001). Rauscher, A., ed. Paderborn.
 49. Record of a Conversation between I. V. Stalin and the Roman Catholic Priest Stanislaus Orlemanski (Available: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/123130>).
 50. Roulin, S., van Dongen L. and Scott-Smith G. (2014). *Transnational Anticommunism and the Cold War: Agents, Activities, Networks*. New York.
 51. Sanchez, J. (2002). *Pius XII and the Holocaust: Understanding the Controversy*. Washington, DC.
 52. *Die Briefe Pius XII an die deutschen Bischöfe 1939–1944*. (1966). Schneider, B., Blet, P., and Martini, A., Eds. Mainz.
 53. Sharkey, D. (1944). *White Smoke over the Vatican*. Milwaukee: Bruce Publishing Co.
 54. Sirgiovanni, G. (1990). *An Undercurrent of Suspicion: Anti-Communism and Anti-Soviet Opinion in World War II America*. New Brunswick.
 55. Stehle, H. (1981). *Eastern Politics of the Vatican 1917–1979*. Athens, Ohio.
 56. *Wartime Correspondence between President Roosevelt and Pope Pius XII* (1947). Taylor, M., ed. New York.
 57. *Inside the Vatican of Pius XII; the Memoirs of an American Diplomat during World War II* (2004). Tillmann, H., ed. New York.
 58. *European Anti-Catholicism in Comparative and Transnational Perspective* (2013). Werner, Y. and Harvard, J., eds. Amsterdam.
 59. Wolf, H. (2009). Papst Pius XII. und die Juden. *Theologische Revue*, 105(4), 265-280.
 60. Zugger, C. L. (2001). *The Forgotten: Catholics of the Soviet Empire from Lenin through Stalin*. Syracuse.

Взаимодействие России и Русской Православной Церкви с христианскими общинами Египта и Эфиопии во второй половине XIX — начале XX в.

Ныгусие Кассае В. Микаэль, Морозова Н. Н.

В статье рассматривается история взаимоотношений Русской Православной Церкви (РПЦ) с христианскими общинами Египта и Эфиопии. Статья также освещает вопросы контактов между РПЦ и Коптской церковью Египта во второй половине XIX в. — начале XX в. Отмечены первые контакты представителей РПЦ и Александрийской Православной Церкви, которые позволили египетским христианам ознакомиться с деятельностью РПЦ, а представителям РПЦ — с реальным состоянием религиозной, политической и культурной ситуации в Египте. В статье также рассматриваются попытки представителей РПЦ установить связи с Эфиопской церковью, находившейся до 1959 г. в составе Александрийского Патриархата.

Ключевые слова: Александрийский Патриархат, Коптская церковь, Русская духовная миссия, Синай, Эфиопская ортодоксальная церковь, Святая земля, епископ Порфирий (Успенский), Синайский монастырь.

Отношения и деятельность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-41002 "Взаимодействие России и Русской Православной Церкви с мусульманскими и христианскими общинами на Ближнем Востоке".

Ныгусие Кассае В. Микаэль, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, Москва, Россия. ORCID: 0000-0002-2792-6634.

Морозова Надежда Николаевна*, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, Москва, Россия. ORCID: 0000-0003-0111-5160.

*Автор, ответственный за переписку (Corresponding author): morozova-nn@rudn.ru

Рукопись получена 12.09.2021

Рецензия получена 02.11.2021

Принята к публикации 10.12.2021

Для цитирования: Ныгусие Кассае В. Микаэль, Морозова Н. Н. Взаимодействие России и Русской Православной Церкви с христианскими общинами Египта и Эфиопии во второй половине XIX — начале XX в. *Российский журнал истории Церкви*. 2021;2(4):26-36. doi:10.15829/2686-973X-2021-68

Interaction of Russia and the Russian Orthodox Church with Christian communities in Egypt and Ethiopia in the second half of the 19th — early 20th century

Nigusie Kassae V. Michael, Nadezhda N. Morozova

The article presents the history of the relationship of the Russian Orthodox Church with the Christian communities of Egypt and Ethiopia. The article is also concerned with the issue of contacts between the Russian Orthodox Church and the Coptic Church of Egypt in the second half of the 19th and early 20th century. The first almost informal contacts between representatives of the Russian Orthodox Church and the Alexandria Patriarchate allowed Egyptian Christians to get acquainted with the activities of the Russian Orthodox Church, and representatives of the Russian Orthodox Church — with the real state of the religious, political and cultural situation in Egypt. The article also examines the attempts of representatives of the Russian Orthodox Church to establish ties with the Ethiopian Orthodox Church, which was part of the Alexandria Patriarchate until 1959.

Keywords: Alexandria Patriarchate, Coptic Church, Russian Spiritual Mission, Sinai, Ethiopian Orthodox Church, Holy Land, bishop Porphyrius (Uspensky), Sinai Monastery.

Relationship and Activities. The research was funded by RFBR according to the scientific project No. 20-014-41002 "Interaction between Russia and the Russian Orthodox Church with Muslim and Christian communities in the Middle East".

Nigusie Kassae V. Michael, DSc. in history, professor, Department of theory and history of international relations, RUDN University, Moscow, Russia. ORCID: 0000-0002-2792-6634.

Nadezhda N. Morozova*, PhD in history, senior lecturer, Department of foreign languages, Faculty of humanities and social sciences, RUDN University, Moscow, Russia. ORCID: 0000-0003-0111-5160.

*Corresponding author: morozova-nn@rudn.ru

Received: 12.09.2021

Revision Received: 02.11.2021

Accepted: 10.12.2021

For citation: Nigusie Kassae V. Michael, Nadezhda N. Morozova. Interaction of Russia and the Russian Orthodox Church with Christian communities in Egypt and Ethiopia in the second half of the 19th — early 20th century. *Russian Journal of Church History*. 2021;2(4):26-36. (In Russ.) doi:10.15829/2686-973X-2021-68

“Говорим чистосердечно, что для Эфиопии нет других помощников, кроме Бога и России: мы — братья по вере и истинные неизменные друзья”¹.

Естественной основой многолетних отношений и диалога с представителями других христианских конфессий для Русской Православной Церкви (РПЦ) всегда было и остается осознание принадлежности к общей христианской цивилизации с единым базисом моральных норм, проистекающих из заповедей Христовых. Отношения РПЦ с христианами других конфессий формировались и продолжают развиваться на основе сотрудничества в таких областях, как защита традиционных христианских цен-

¹ Из письма, адресованного государю императору России Николаю II, от 10 февраля 1900 г. *Российско-Эфиопские отношения в XIX — начале XX в.* (1988). Сборник документов. М., 373-374.

ностей, отстаивание прав христиан, в том числе прав на свободу вероисповедания, миротворчество.

Началом установления отношений между РПЦ и Александрийской Патриархией можно считать визит в Александрию архимандрита Порфирия (Успенского) (1804—1885), интересовавшегося историческими корнями христианства и стремившегося к восстановлению единства церквей [Аджбан 2015:62]. Епископ Чигиринский Порфирий — викарий Киевской епархии, выдающийся русский ученый-востоковед, византист и археолог, почетный член Императорского православного палестинского общества, — был инициатором и организатором Русской духовной миссии в Иерусалиме [Александрийская патриархия 1898, Савва (Михеев) 2017]. Как писал А. А. Дмитриевский: “Большой удачей надо признать, что для этой цели был избран архимандрит (впоследствии епископ) Порфирий — не только „по довольному им знанию греческого языка и по опытности в обращении с заграничными единоверцами нашими“, как представлял Синод, но и как человек особой духовной широты, выдающийся византист и востоковед, историк и археолог, книголюб и бесребренник” [Дмитриевский 1910].

Несмотря на то, что архимандрит Порфирий не сумел восстановить единство РПЦ и Александрийской Патриархии, он вернулся в Россию на пароходе, нагруженном великим множеством древних реликвий, манускриптов, икон и прочих редкостей [Аджбан 2015:63]. Это способствовало оживлению интереса не только религиозных деятелей, но и ученых (лингвистов, историков, искусствоведов и др.) к Египту, в частности, к Коптской церкви, а также к Эфиопской империи.

До начала XX в. нынешние независимые государства Ближнего Востока, Аравийского полуострова и Северной Африки, включая Египет, являлись частью Османской империи. Осознав свою отсталость от европейских держав — России, Франции, Великобритании и др., в 1840-е гг. правители Османской империи начинают реформы, получившие название “танзимат” — упорядочение. В этот период все великие европейские державы настойчивее обращают свои взоры к Иерусалиму и Ближнему Востоку, зачастую маскируя политические намерения религиозными интересами. В 1841 г. в Иерусалим был назначен англиканский епископ из Лондона, а в 1846 г. латинский патриарх Иерусалима (титул, дарованный архиепископу Иерусалима латинского обряда из Рима). В аналогичном положении находилась Сирия, где в рассматриваемый период Антиохийская Православная Церковь также подвергалась натиску католических и протестантских проповедников [Лисовой 2000].

В Петербурге понимали, что восточные патриархи для успешного противостояния инославной пропаганде и прямой униатской опасности остро нуждались в поддержке православной России². При этом проблема рус-

² В 1834 г. были восстановлены контакты Александрийского Патриархата с Россией. Император Николай I пожаловал значительную сумму на нужды Александрийской Православной Церкви, возобновились выплаты по “палестинскому штату”, начали поступать средства от частных благотворителей. Благодаря пожертвованиям в 1839 г. патриарх Иерофей I (1825–1845) построил в Каире новую резиденцию с храмом святого великомученика Георгия в Старом городе. См. Христианство в Египте (эл. ресурс): <http://www.rusmissionafrica.com/> [Дата обращения 25.11.2021].

ского присутствия на Востоке была из разряда сугубо деликатных. Нужно было не только противостоять в дипломатическом и культурном соперничестве европейским державам, не только подтверждать постоянно словом и делом перед турецкими властями отсутствие с русской стороны каких-либо империалистических поползновений, но и строго блюсти церковно-каноническую норму отношений с древними патриархатами. Любой неосторожный, и даже вполне доброжелательный по намерениям, жест легко мог быть истолкован обидчивыми греками как вмешательство в дела иной автокефальной церкви [Лисовой 2000].

13 июня 1842 г. граф К. В. Нессельроде, глава российского Министерства иностранных дел, представил императору Николаю I программу крайне осторожных по характеру российских церковно-дипломатических мероприятий за рубежом. В Иерусалим по предложению главы российского внешнеполитического ведомства должен был быть направлен архимандрит, который, по инструкции, даже не является официальным представителем, а едет как частное лицо и к тому же инкогнито [Лисовой 2000].

В первый раз архимандрит Порфирий провел в Иерусалиме около восьми месяцев — достаточно, чтобы разобраться в местных делах, войти в доверие к Святогробскому братству, в ведении которого находятся не только Храм Гроба Господня, но и все епархии и монастыри Палестины. Подробный отчет был представлен архимандритом 6 января 1845 г. по субординации константинопольскому послу: Порфирий был в двойном подчинении Министерства иностранных дел и Синода [Лисовой 2000].

Главным в отчете архимандрита Порфирия был вывод о необходимости создания в Иерусалиме духовной миссии как постоянного представительства Русской церкви при патриархатах Востока. После еще двух лет дипломатических формальностей и министерских проволочек доклад об учреждении миссии, представленный императору по-прежнему не Синодом, а все тем же Нессельроде, был утвержден резолюцией Николая I от 11 (23) февраля 1847 г. Эту дату Церковь и отмечала в 1997 г. как день основания миссии. 26 июня Синод признал полезным возложить исполнение означенного высочайше одобренного предположения на находящегося при Русской миссии в Вене архимандрита Порфирия [Лисовой 1999].

Постоянная Русская духовная миссия в Иерусалиме была основана архимандритом Порфирием в 1847 г. Задача миссии заключалась в том, чтобы представлять Русскую церковь в Палестине и других странах Востока, а также в том, чтобы осуществлять пастырское служение, культурно-просветительскую и воспитательную работу среди арабской молодежи и всего арабоязычного христианского населения. Образование Русской духовной миссии в Иерусалиме послужило также укреплению контактов между клириками миссии и клириками Коптской церкви, пребывавшими в Иерусалиме.

Став официальным руководителем Русской духовной миссии в Иерусалиме, Порфирий продолжил оказывать поддержку Коптской церкви.

Известно, что в 1851 г. греческий патриарх Александрийский Иерофей II (1847–1858) при посредничестве архимандрита Порфирия полу-

чил высочайшее разрешение на отправку в Российскую империю епископа Фиваидского Никанора для сбора пожертвований. По сообщению архимандрита Порфирия патриарх Иерофей II создал библиотеку из 1877 печатных греческих изданий и 287 рукописей, улучшил положение монастырей святого Саввы и великомученика Георгия, александрийской больницы, начал строительство в Александрии Благовещенского храма (1847–1857) и намеревался построить женский пансион в Каире и храмы в Дамiette, Розетте, Суэце и Фиваиде. Помимо полученных епископом Никанором пожертвований, Александрийский Патриархат получил 21 мая 1855 г. от митрополита Московского святителя Филарета (Дроздова) храм святителя Николая, ставший подворьем Александрийской Церкви³. Подворье Александрийской Православной Церкви действовало в России с 1855 г. и размещалось в Москве, в Никольской церкви в Подкопаевском переулке. После революции 1917 г. оно было закрыто. Александрийское подворье вновь открылось лишь в октябре 1956 г., и 28 декабря того же года под храм подворья была определена Троицкая церковь в Одессе. Здесь подворье размещалось вплоть до 1 апреля 1999 г., когда подворье Александрийского Патриархата было вновь перенесено в Москву, в храм Всех святых на Кулишках⁴.

Как известно, до 1959 г. в административном отношении Эфиопская церковь являлась одной из епархий Александрийского Патриархата, который поставлял египетского епископа в абуну (главы Эфиопской церкви). Деятельность Порфирия косвенно затрагивала и эфиопских христиан. Будучи главой Русской духовной миссии в Иерусалиме, он уделял большое внимание изучению истории Эфиопской церкви и ее литургического наследия. Своими публицистическими и богословскими трудами он внес значительный вклад в ознакомление российской общественности с Эфиопией [*Российско-Эфиопские отношения* 1998].

Помимо задач изучения национального уклада Эфиопии и подготовки благоприятной почвы в стране для ее последующего церковного сближения с Россией, Порфирий указывал и на необходимость политического союза с эфиопами. После возвращения из Иерусалима он представил в правительственные инстанции докладную записку “Участие России в судьбе Абиссинии”, в которой содержался подробный план установления российско-эфиопских отношений [*Российско-Эфиопские отношения* 1998:5].

Подчеркивая, что эфиопы подготовлены к дружбе с Россией близостью религии, особенностями духовной и политической культуры, наконец самой историей, стержнем которой стала многолетняя борьба с враждебным мусульманским окружением, архимандрит Порфирий доказывал, что Эфиопия — то здоровое ядро христианства в Африке, откуда оно могло бы быть распространено в глубь Черного континента [*Российско-Эфиопские отношения* 1998:6].

³ См. Христианство в Египте. (эл. ресурс): <http://www.rusmissionafrica.com/> [Дата обращения 15.12.2021].

⁴ См. Александрийское подворье в России. (эл. ресурс): <https://drevo-info.ru/articles/12226.html> [Дата обращения 15.12.2021].

Архимандрит Порфирий сформулировал те задачи, которые можно было бы поставить перед представителями РПЦ в случае успешного развития отношений с Эфиопской церковью:

1. Возобновление догматического союза Абиссинской церкви с нашей, и через нее со всюю православно-кафолической церковью при неизменяемости наружного богослужения, какое где есть;

2. Учреждение независимой Эфиопской иерархии посредством единовременного рукоположения двух-трех абиссинцев в сан епископский в одном из епархиальных городов России, дабы Абиссинская церковь не стесняема была невежеством и корыстолюбием коптского архиепископа, который есть раб египетского паши и игрушка европейских консулов, состоящих при этом наместнике турецкого султана;

3. Преобразование существующих в Абиссинии семинарий и открытие новых училищ для распространения просвещения в тамошнем клире и народе в духе православия и самодержавия и для развития в них вкуса к изящным искусствам, воспринятым Православной Церковью;

4. Содействие распространению христианства в сопредельных с Абиссинией странах, именно, в Нубии, Сеннааре, Кордофани, Дарфуре, Камбате, Адале и далее посредством абиссинских миссионеров и диаконов;

5. Поощрение к устройению благотворительных и богоугодных заведений;

6. Наконец, приготовление африканских крещеных племен к совместному с прочими христианскими народами соборованию в Константинополе, который, рано или поздно, будет свободным градом Божиим и местом нового, постоянного собора Вселенского, необходимого для оживления божественного чувства в народах и для возжжения света истины там, где его нет еще [*Архимандрит Августин (Никитин)* 2016].

Осуществить предложения архимандрита Порфирия в министерстве оказались не готовы из-за поражения России в Крымской войне 1853–1856 гг. Но основные его идеи были продолжены позднее российским генеральным консулом и дипломатическим агентом в Каире (1884–1886) действительным статским советником М. А. Хитрово, отмечавшим: “Почитая себя православными, абиссинцы с давних времён смотрят на православную Россию как на естественную покровительницу всего православия. В горах полудикой Абиссинии, как и на всем Востоке, живет смутное народное предание о могущественном белом царе, имеющем прийти, рано или поздно, с отдаленного Севера на защиту и освобождение всего восточного христианства. ... Вовлечение Абиссинии в сферу нашего политического влияния, не вводя нас ни в какие расходы и не представляя для нас никакой опасности ... могло бы сделаться весьма серьезным подспорьем для нашей общей политики” [*Российско-Эфиопские отношения* 1998]. Указывал М. А. Хитрово и на важное для России стратегическое положение Эфиопии: “Рано или поздно Массауа должна сделаться портом Абиссинии, которая до сих пор не имеет морских дебуше. В этом случае при сближении с Абиссинией мы могли бы обеспечить для себя в будущем благонадежный угольный склад и прекрасную стоянку в Черном море для

наших военных судов дальнего плавания” [*Российско-Эфиопские отношения* 1998:77-78].

В сближении двух стран — России и Эфиопии, — кроме представителей РПЦ, заметную роль в сборе информации об Эфиопии сыграла “Русская православная духовная миссия” Н. И. Ашинова, а также экспедиции В. Ф. Машкова, А. В. Елисеева, Н. С. Леонтьева, А. К. Булатовича, Л. К. Артамонова. Некоторые участники экспедиций, прежде всего Н. С. Леонтьев, А. К. Булатович и Л. К. Артамонов, не только стали советниками императора и эфиопских военачальников по вопросам укрепления и усиления централизации и обороноспособности империи, но и помогли дальнейшему расширению Эфиопской империи на юг и юго-запад [*Ныгусие Кассе, Дейч* 2019:25]. Эти слова подтверждает М. В. Райт, которая пишет: “Эти люди много сделали для укрепления отношений между обеими странами” [*Райт* 1956].

Кроме того, Н. С. Леонтьев был инициатором отправки официального посольства Эфиопии в Россию с целью заручиться ее поддержкой в преддверии неминуемой войны с Италией. В апреле 1895 г. эфиопское посольство в сопровождении членов российской экспедиции отбыло в Россию. Формально целью его было почтить память усопшего российского монарха Александра III, скончавшегося в декабре 1894 г., возложением на его могилу золотого венца, и поздравить с восшествием на престол нового монарха России [*Российско-Эфиопские отношения* 1998:20-21]. 13 июля 1895 г. эфиопское посольство было принято⁵ в Петербурге императором Николаем II [*Цыпкин* 1980:21], оно находилось в Петербурге 43 дня. По словам Ч. Есмана, посольству никакой другой, даже европейской, державы в России не оказывали такого внимания [*Ješman* 1958:87].

Пребывание эфиопской миссии в Петербурге получило доброжелательный отклик в прессе, что, в свою очередь, сыграло большую роль в формировании положительного образа Эфиопии в российском общественном сознании [*Григорьева* 2010].

Безусловно, приезд официального посольства Эфиопии в Россию стал еще одним шагом к установлению постоянных дипломатических отношений между двумя странами. Тем не менее, важнейшим стимулом стала победа эфиопов над итальянцами 1 марта 1896 г. в битве при Адуа, после которой все европейские страны поспешили установить дипломатические отношения с Эфиопией. Все крупнейшие газеты Российской империи приветствовали победу Эфиопии. Победа над итальянцами далась нелегко. Потери эфиопов составляли 4 тысяч убитыми и 6 тысяч ранеными. В прессе публиковались материалы о необходимости оказания медицинской помощи раненым эфиопам. Это событие стало толчком для выдвижения идеи послать в Эфиопию отряд Российского общества красного креста. Российское правительство оказало этой инициативе прежде всего финансовую поддержку и дипломатическое содействие [*Российско-Эфиопские отношения* 1998:20-21]. Отряд в составе 41 человека проработал

⁵ Миссия была принята 4 июля 1895 г.

в Эфиопии 2,5 месяца, оказав помощь почти 5 тысячам больных и раненых, в том числе итальянских⁶.

Деятельность российского отряда Российского общества красного креста, которая продолжалась с 26 мая по 5 октября 1896 г., подготовила базу для установления официальных дипломатических отношений между двумя странами. Значительное место в них отводилось гуманитарно-культурным отношениям, в том числе медицинской помощи.

В феврале 1898 г. с прибытием в Аддис-Абебу первой официальной дипломатической миссии России были установлены официальные отношения между двумя государствами на уровне временного представительства. С 1902 г. в Эфиопии появилось постоянное российское представительство.

С установлением дипломатических отношений открывались возможности для развития разнообразных, в том числе, духовных и культурных российско-эфиопских связей. Через несколько месяцев после открытия в Эфиопии официальной дипломатической миссии России в Аддис-Абебе начал работу постоянный русский госпиталь, в котором работали врачи и младший медицинский персонал из России. Деятельность русских врачей весьма способствовала высокому авторитету России в эфиопском обществе и при дворе императора Менелика II.

К началу XX в. весь африканский континент оказался под колониальным гнетом европейских держав (Египет также на полвека был превращен в колонию Великобритании), и Эфиопская империя сохраняла статус единственной свободной страны в Африке благодаря военной и дипломатической помощи России.

Тем временем, в 1902 г. император Менелик II с целью расширения двусторонних отношений, в том числе межцерковных, отправил в Россию со специальной миссией эфиопского первосвященника абуну Матауса. Ему поручалось ускорить в Петербурге принятие решения о назначении в Эфиопию нового полномочного представителя России, добиться выделения Россией Эфиопии восьмимиллионного кредита, а также содействия со стороны российского императора в решении болезненного для Эфиопии вопроса о ее владениях в Иерусалиме [*Российско-Эфиопские отношения* 1998:26–27].

Исхак Ибрахим Аджбан, профессор Новой и современной истории Института коптских исследований, составитель книги “Отношения между двумя Церквами — Коптской и Русской — в XIX–XXI веках”, описывает визит эфиопского посольства следующим образом: “Авва Матаус (Матфей) XI, митрополит Абиссинский 110-й (1902–1926) — коптский митрополит и египетский подданный, предпоследний митрополит в ряду коптских митрополитов Абиссинии (Эфиопии). Посетил Российскую Империю через несколько месяцев после возведения своего на Абиссинскую митрополицию кафедру по поручению Императора Абиссинского Мене-

⁶ Подробнее о деятельности отряда Российского общества красного креста см. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 150: Дело главного управления Российского общества красного креста о снаряжении санитарных отрядов для оказания помощи раненым и больным войнам абиссинской и итальянской армии.

лика II (1889—1913). Цель визита заключалась в том, чтобы передать благодарственное послание Абиссинской (Эфиопской) империи Российской империи и Всероссийскому Императору Николаю II (1894—1917) за заботу и попечение, выразившиеся в отправке врачей и медицинских братьев в Абиссинию. Русское государство пожаловало митрополита несколькими орденами и знаками отличия” [Аджбан 2015].

В 1914 г. Османская империя вступила в Первую мировую войну. В декабре 1914 г. турецкие власти в Палестине распорядились всему русскому мужскому населению покинуть Святую Землю и выехать в Александрию. Начальник миссии архимандрит Леонид (Сенцов), весь состав миссии и старшие сестры обителей были высланы из Палестины⁷. Храмы были закрыты, а помещения миссии, монастыри и паломнические приюты были заняты турецкими войсками.

В конце 1914 г. по инициативе Русской духовной миссии в Египте был основан первый русский православный храм. Одновременно в Александрию прибыла группа русских православных паломников, собиравшихся посетить святыне места. Русское консульство сняло особый дом на улице Эр-Рамла (ныне улица Саада Заглула) в Александрии⁸. Впоследствии это здание стало называться Русским Домом. Одну из квартир второго этажа приспособили для устройства храма, который был освящен в честь св. Александра Невского.

Заключение

Начало XX в. стало эпохой испытания для трех стран: России, Египта и Эфиопии. События русско-японской войны и последовавшей за ней революции 1905 г. ослабили политику России по африканскому направлению. Во внешнеполитических отношениях России на первый план выходит европейское направление. Произошла существенная переориентация российской внешней политики от конфронтации с европейскими державами, в частности Великобританией, к союзу с ней в рамках Антанты.

В 1882 г. Египет был оккупирован британскими войсками и, хотя формально продолжал считаться автономной частью Османской империи, но фактически стал колонией Англии. Несмотря на то, что он имел свое правительство и представительные учреждения, вся полнота власти сосредоточилась в руках британского генерального консула, непосредственно контролировавшего финансы, полицию и вооруженные силы, и английских советников, находившихся во всех министерствах и ведомствах.

Что касается Эфиопии, в декабре 1906 г. три державы — Великобритания, Франция и Италия — подписывают Лондонское тройственное соглашение, согласно которому Эфиопская империя была поделена на сферы влияния. Соглашение было заключено за спиной Эфиопии, которая узнала о нем лишь после его подписания. Чтобы выйти из создавшей-

⁷ Леонид (Сенцов). Открытая православная энциклопедия. (Эл. ресурс): <https://drevo-info.ru/articles/19496.html> [Дата обращения 25.11.2021].

⁸ Беляков В. В. *Русская православная церковь в Египте*. (эл. ресурс): <https://www.ippo.ru/ipporu/article/russkaya-pravoslavnaya-cerkov-v-egipte-vv-belyakov-201748#3> [Дата обращения 25.11.2021].

гося положения, руководство Эфиопии попыталось привлечь в качестве союзников-покровителей Германию, Австрию, США, Бельгию, Швейцарию и даже Турцию. Но перечисленные державы не могли заменить Россию, которая в силу принадлежности к восточно-христианской культурной и духовной традиции неоднократно в истории Эфиопии возвращалась к ней как спасительница. С нашей точки зрения, можно согласиться с мнением императора Менелика II относительно того, какую значительную роль сыграла поддержка России на протяжении рассматриваемого периода в судьбе Эфиопии.

Отношения и деятельность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-41002 “Взаимодействие России и Русской Православной Церкви с мусульманскими и христианскими общинами на Ближнем Востоке”.

Литература

1. Александрийская патриархия 1898 — Александрийская патриархия. Сборник материалов, исследований и записок, относящихся до истории Александрийской патриархии. Санкт-Петербург: т. 1. <https://azbyka.ru/otechnik/Porfirij/Uspenskij/aleksandrijskaja-patriarhija-sbornik-materialov-issledovanij-i-zapisok-otnosjashhihsja-do-istorii-aleksandrijskoj-patriarhii/>
2. Григорьева 2010 — Григорьева, С. В. (2010). Мифологизированные стереотипы в межкультурных коммуникациях: Эфиопская империя глазами русских. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 4 (1), 202-208.
3. Дмитриевский 1910 — Дмитриевский, А. А. (1906). Епископ Порфирий Успенский как инициатор и организатор первой Русской духовной миссии в Иерусалиме и его заслуги на пользу православия и в деле изучения христианского Востока. *Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского*. СПб., т. 1-2.
4. Аджбан 2015 — Исхак Ибрахим Аджбан (2015). *Отношения между двумя Церквями — Коптской и Русской — в XIX — XXI веках*. Каир.
5. Архимандрит Августин (Никитин) 2016 — Архимандрит Августин (Никитин) (2016). История Поместных Церквей Епископ Порфирий (Успенский) и Эфиопская церковь. *Христианское чтение*, 6, 99-117.
6. Ныгусие Кассаяе, Дейч 2019 — Кассаяе Ныгусие В. Микаэль и Дейч, Т. Л. (2019). *Российско-эфиопские отношения — 120 лет. Африка в контексте формирования новой системы международных отношений. Сборник научных статей*. Москва, 22-42.
7. Савва (Михеев) 2017 — митр. Савва (Михеев) и Виденеева, А. Е. (2017). К биографии настоятеля Новоспасского монастыря епископа Порфирия (Успенского). *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. М., 3-1, 69-72.
8. Лисовой 1999 — Лисовой, Н. Н. (1999). Русская духовная миссия в Иерусалиме: история и духовное наследие. *К 150-летию РДМ в Иерусалиме (1847-1997). Богословские труды*. Сб. 35. М., 36-51.
9. Лисовой 2000 — Лисовой, Н. Н. (2000). Русское духовное присутствие в святой земле в XIX — начале XX в. *Россия в Святой Земле: документы и материалы*. М., т. I, 12-42.
10. Райт 1956 — Райт, М. В. (1956). Русские экспедиции в Эфиопии в середине XIX — начале XX в. и их этнографические материалы. *Африканский этнографический сборник*. Л., 1, 220-282.
11. Российско-Эфиопские отношения 1998 — *Российско-Эфиопские отношения в XIX — начале XX в.* (1998). Сборник документов. М. 584 с.
12. Цыпкин 1980 — Цыпкин, Г. В. (1980). Эфиопия от раздробленности к политической централизации. М., с. 201.
13. Ješman 1958 — Ješman, C. (1958). *The Russians in Ethiopia*. L., p. 87.

References

1. The Patriarchate of Alexandria 1898 — The Patriarchate of Alexandria. *A collection of materials, studies and notes relating to the history of the Patriarchate of Alexandria*. St. Petersburg. vol. 1. https://azbyka.ru/otechnik/Portirij_Uspenskij/aleksandrijskaja-patriarhija-sbornik-materialov-issledovanij-i-zapisok-otnosjashhihsja-do-istorii-aleksandrijskoj-patriarii/
2. Grigorjeva 2010 — Grigorjeva, S. V. (2010). Mythologized stereotypes in intercultural communications: The Ethiopian Empire through the eyes of Russians. *Bulletin of the N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University*, 4 (1), 202-208.
3. Dmitrievsky 1910 — Dmitrievsky, A. A. (1906). Bishop Porphyrius Uspensky as the initiator and organizer of the first Russian ecclesiastical mission in Jerusalem and his merits for the benefit of Orthodoxy and in the study of the Christian East. *Materials for the biography of Bishop Porphyrius Uspensky*. St. Petersburg, vol. 1-2.
4. Ajban 2015 — Ishaq Ibrahim Ajban (2015). *Relations between two Churches — Coptic and Russian — in the XIX — XXI centuries*. Cairo.
5. Archimandrite Augustine (Nikitin) 2016 — Archimandrite Augustine (Nikitin) (2016). The History of the Local Churches Bishop Porphyry (Uspensky) and the Ethiopian Church. *Christian Reading*, 6, 99-117.
6. Nigusie Kassae, Deitch 2019 — Nigusie Kassae W. Michael and Deitch, T. L. (2019). Russian-Ethiopian relations — 120 years. *Africa in the context of the formation of a new system of international relations. Collection of scientific articles*. Moscow, 22-42.
7. Savva (Mikheev) 2017 — mitr. Savva (Mikheev) and Videneeva, A. E. (2017). To the biography of the rector of the Novospassky Monastery, Bishop Porfiry (Uspensky). *Actual problems of humanities and natural sciences*. M., 3-1, 69-72.
8. Lisovoy 1999 — Lisovoy, N. N. (1999). The Russian Spiritual Mission in Jerusalem: History and Spiritual Heritage. On the 150th anniversary of the RDM in Jerusalem (1847-1997). *Theological works*. Col. 35. M., 36-51.
9. Lisovoy 2000 — Lisovoy, N. N. (2000). Russian spiritual presence in the Holy Land in the XIX — early XX century. *Russia in the Holy Land: documents and materials*. M., vol. I, 12-42.
10. Wright 1956 — Wright, M. V. (1956). Russian expeditions in Ethiopia in the middle of the XIX — early XX century and their ethnographic materials. *African Ethnographic Collection*. L., 1, 220-282.
11. Russian-Ethiopian relations 1998 — *Russian-Ethiopian relations in the XIX — early XX century* (1998). Collection of documents. M. 584 p.
12. Tsyarkin 1980 — Tsyarkin, G. V. (1980). *Ethiopia from fragmentation to political centralization*. M., p. 201.
13. Ješman 1958 — Ješman, C. (1958). *The Russians in Ethiopia*. L., p. 87.

Обновленцы и советская власть в 1923 году в освещении экзарха русских католиков

Беглов А. Л.

В публикации вводятся в научный оборот три документа 1923 г., выявленные в архиве главы Папской миссии помощи голодающим в России о. Эдмунда Уолша, хранящемся в библиотеке Джорджтаунского университета (США). Центральный документ публикуемой подборки — письмо католического священника Леонида Федорова, который в 1921–1935 гг. был главой Апостольского экзархата католиков византийского обряда в России. Письмо посвящено характеристике политики советской власти в отношении религии на примере политики в отношении обновленческого движения. О. Л. Федоров подчеркивает ложность заверений властей о свободе совести в СССР и делает вывод, что политика направлена на искоренение всякой религии. Он подкрепляет свое мнение письмом одного из лидеров обновленчества митр. Антонина (Грановского) с жалобами на налоговую политику властей. Документы публикуются впервые на языке оригинала и в переводе на русский язык.

Ключевые слова: История России (СССР) в XX в., история Католической церкви, история Православной церкви, обновленческое движение, политика советской власти в отношении религии, налогообложение духовенства и верующих, отец Эдмунд Уолш, экзарх Леонид Федоров, митр. Антонин (Грановский).

Отношения и деятельность. Данная статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного РНФ (№19-18-00482) "Entangled Histories: Россия и Ватикан, 1917-1958 гг."

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия.

Беглов А. Л. — д.и.н., ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Автор монографий: В поисках "безгрешных катакомб". Церковное подполье в СССР. (М., 2008; 2-е изд.: 2018); Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы. (М., 2021). Сфера научных интересов: социальное измерение религиозности и его деформация под воздействием государственной политики, ORCID: 0000-0001-8656-1615.

Автор, ответственный за переписку (Corresponding author): beglov.al@yandex.ru

Рукопись получена 10.11.2021

Рецензия получена 03.12.2021

Принята к публикации 10.12.2021

Для цитирования: Беглов А. Л. Обновленцы и советская власть в 1923 году в освещении экзарха русских католиков. *Российский журнал истории Церкви*. 2021;2(4):37-65. doi:10.15829/2686-973X-2021-74

Renovationists and the Soviet government in 1923 in the coverage of the Exarch of Russian Catholics

Alexey L. Beglov

The publication introduces into scientific circulation three documents of 1923, identified in the archive of the head of the Papal Mission to help the hungry in Russia, fr. Edmund Walsh, stored in the library of Georgetown University (USA). The central document of the published collection is a letter from the Catholic priest Leonid Fedorov, who in 1921-1935 was the head of the Apostolic Exarchate of Catholics of the Byzantine Rite in Russia. The example of the policy in relation to the Renovationist movement is used in the letter to characterize the policy of the Soviet government in relation to religion. Fedorov emphasizes the falsity of the authorities' assurances about freedom of conscience in the USSR and concludes that the policy is aimed at eradicating all religion. He backs up his opinion with a letter from one of the leaders of the renovationism Mitr. Antonin (Granovsky) with complaints about the tax policy of the authorities. The documents are published for the first time in the original language and translated into Russian.

Keywords: The history of Russia (USSR) in the twentieth century, the history of the Catholic Church, the history of the Orthodox Church, the Renovationist movement, the policy of the Soviet government in relation to religion, taxation of clergy and believers, Father Edmund Walsh, exarch Leonid Fedorov, Mitr. Antonin (Granovsky).

Relationship and Activities. This article is part of a project supported by the Russian Science Foundation (No. 19-18-00482), "Entangled Histories: Russia and the Holy See, 1917-1958".

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Alexey L. Beglov — Doctor of Historical Sciences, Leading Research Fellow at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. Author of the monograph: *In search of "sinless catacombs". The Church underground in the USSR.* (Moscow, 2008; 2nd ed.: 2018); *Orthodox parish at the end of the Russian Empire: status, discussions, and reforms.* (Moscow, 2021). Special interests — the social dimension of religiosity and its deformation under the influence of state policy, ORCID: 0000-0001-8656-1615.

Corresponding author: beglov.al@yandex.ru

Received: 10.11.2021

Revision Received: 03.12.2021

Accepted: 10.12.2021

For citation: Alexey L. Beglov. Renovationists and the Soviet government in 1923 in the coverage of the Exarch of Russian Catholics. *Russian Journal of Church History*. 2021;2(4):37-65. (In Russ.) doi: 10.15829/2686-973X-2021-74

Документы, созданные партийными и государственными органами в СССР, активно используются исследователями истории религиозных объединений советского периода прежде всего для реконструкции их отношений с государством. Между тем, как отечественными, так и зарубежными историками осознана проблема недостаточности данных категорий источников для решения ряда исследовательских задач, например, при изучении повседневной жизни, поведенческих стратегий и общественных настроений представителей духовенства и рядовых верующих. В связи с этим историки обращают все большее внимание на ценность зарубежных архивов для реконструкции истории Русской Православной Церкви XX в. [Косик 2013; Беглов 2019:135-152; Фриз 2020; Freeze, Beglov, Beliakova, Tokareva 2020:477-489; Белякова 2021:97-104]. Одной из категорий таких архивов являются собрания документов представителей като-

лической иерархии в России, которые регулярно, часто по закрытым для советских властей каналам информировали свое руководство о положении в СССР. Ниже мы публикуем перевод трех документов, выявленных в архиве главы Папской миссии помощи голодающим в России о. Эдмунда Уолша, хранящемся в библиотеке Джорджтаунского университета в США.

Центральной документ публикуемой подборки (документ № 2) — письмо католического священника отца Леонида Федорова (1879—1935), который в 1921—1935 гг. был главой Апостольского экзархата католиков византийского обряда в России¹. Оно было написано 10 мая 1923 г.² в московской Сокольниковской тюрьме и адресовано главе Папской миссии помощи голодающим в России о. Эдмунду Уолшу (1885—1956)³. Последний направил его при своем отчете от 17 мая 1923 г. (документ № 1) государственному секретарю Ватикана кардиналу Пьетро Гаспарри. К письму о. Л. Федорова было приложено “Донесение” обновленческого митрополита Антонина (Грановского)⁴ во ВЦИК от марта 1923 г. (документ № 3) с жалобами на налоговую политику советской власти в отношении духовенства и верующих.

¹ Л. И. Федоров родился в православной семье и некоторое время учился в Санкт-Петербургской духовной академии, но в 1902 г. принял католичество, учился в Италии и Швейцарии. В 1911 г. о. Леонид был рукоположен во священника и стал одним из помощников митрополита Андрея Шептицкого. Последний в 1921 г. назначил о. Л. Федорова экзархом русских католиков византийского обряда на территории Советской России. 23 февраля 1923 г. о. Л. Федоров был арестован и через месяц стал одним из подсудимых на судебном процессе над католическим духовенством в Москве; был приговорен к десяти годам заключения, каковое отбывал сначала в Сокольниковской, затем в Лефортовской тюрьмах. Несмотря на свое положение, о. Л. Федоров вел достаточно активную переписку. Именно в Сокольниковской тюрьме им был написан публикуемый документ. В 1926 г. он был освобожден, но вскоре снова арестован и до своей кончины находился в ссылках и заключении. В 2001 г. папа Иоанн Павел II причислил о. Л. Федорова к лику блаженных Католической церкви. См. о нем: Юдин 2002; Парфентьев 2004; Mailleux 1964; Бурман 1966. Описание процесса над католическим духовенством в Москве о. Э. Уолшем см. в: Беглов, Токарева 2018.

² В этом документе автор упоминает об обновленческом соборе, проходившем в Москве с 29 апреля по 9 мая 1923 г., как о “завершившемся вчера”. На основании этого письмо экзарха русских католиков можно датировать 10 мая.

³ Отец Эдмунд Алоизиус Уолш — католический священник-иезуит, основатель Школы дипломатической службы Джорджтаунского университета, с 1922 по 1923 гг. возглавлял Папскую миссию помощи голодающим в России и, фактически, был неофициальным представителем Ватикана в РСФСР. См. о нем и его деятельности в России: Токарева 2020:188-204.

⁴ Обновленческий митрополит Антонин (Грановский) (1865—1927) происходил из духовного сословия и до 1900-х гг. делал более или менее типичную карьеру “ученого монаха”, в 1903 г. он стал епископом, одним из викариев Санкт-Петербургской епархии, но в 1908 г. был уволен на покой в связи со своими политическими высказываниями. В 1913 г. епископ Антонин был возвращен к управлению одной из епархий, но в начале 1917 г. снова уволен на покой, а в 1921 г. запрещен в священнослужении (уже патриархом Тихоном) за литургические новшества. В 1922 г. он поддержал позицию власти в отношении изъятия церковных ценностей и даже был включен в состав Центральной комиссии помощи голодающим в качестве “лояльного епископа”. В мае 1922 г. епископ Антонин встал во главе обновленческого Высшего церковного управления (ВЦУ) и в августе принял титул “митрополита Московского и всея России”. Тогда же он вступил в конфликт с другими деятелями обновленчества и организовал собственную группу — “Союз церковного возрождения”. Впрочем, потом он снова вернулся на пост председателя ВЦУ, и именно в этом статусе митрополит Антонин находился в момент написания публикуемого “донесения”. Полный разрыв между ним и другими представителями обновленчества произошел в июне 1923 г.

Письмо о. Л. Федорова посвящено характеристике политики советской власти в отношении религии, а приложенное “донесение” митрополита Антонина служит примером для иллюстрации тезисов о. Л. Федорова. Автор начинает свое письмо с характеристики митрополита Антонина, который, с точки зрения экзарха русских католиков, “в сравнении с другими вождями этого движения [...] отличается искренностью, бескорыстием и откровенностью”. Далее о. Л. Федоров подробно описывает обстановку в Православной Церкви в 1922 г. и первой половине 1923 г. [ср.: *Кривова* 1997]. Это был период торжества обновленчества, “живой церкви”, как именует движение автор письма. Он описывает практиковавшиеся обновленцами методы захвата храмов, их сотрудничество с властями; достаточно точно описывает обновленческий собор 1923 г. и осуждение на нем патриарха Тихона.

Однако уже на пике своего успеха обновленцы, как пишет о. Л. Федоров, сталкиваются с “жестокими разочарованиями”, вызывающими “слезливые мольбы” митрополита Антонина, поскольку власти считают их “мелкой группкой трусов и корыстолюбцев” и не собираются поддерживать постоянно. Власти лишь временно терпят обновленческое движение, но при этом ведут атеистическую пропаганду, делая ставку на умирание “живой церкви”. С точки зрения о. Л. Федорова, на примере обновленцев хорошо видно, что советская власть “открыто и бесстыдно” “уничтожает религию” вообще, а не только Католическую или старую Православную церковь.

Экзарх обстоятельно описывает методы этого уничтожения. Характерно, что в этой части своего письма он опирается не только на письмо обновленческого лидера и собственные наблюдения, но и цитирует ряд статей Уголовного кодекса советской республики 1922 г. Прежде всего он обращает внимание своего адресата, что с точки зрения советской власти всякая религия — это “предрассудок”, а значит, свобода совести — только “временная уступка” власти темным “народным массам”. Если религия предрассудок, то любое богослужebное действие, а тем более таинство может быть расценено “как обманное действие духовенства, а посему запрещенное”. Любые проповеди духовенства в защиту этого “предрассудка”, особенно апологетические высказывания против атеизма или в защиту церковного брака, а тем более такие дисциплинарные меры как епитимья, могут быть расценены властью как контрреволюционные деяния.

О. Л. Федоров пишет о практикующемся уничтожении книг не только собственно религиозных, но и философских, а также об искоренении упоминаний о Боге в светской литературе. Он останавливается на преследовании религиозного образования детей; на запрете взимания церковных сборов (со ссылкой на ст. 122 Уголовного кодекса); на налоговой политике власти, которая превращается в “давление на карманы верующих” с целью сделать невозможным содержание храмов и духовенства, а также на давлении на духовенство и его семьи как на “лишенцев”.

Особое внимание автор письма обращает на вмешательство со стороны советской власти во внутреннюю жизнь Церкви, на игнорирование властью

внутреннего законодательства религиозных общин. Так, о. Федоров указывает, что Уголовный кодекс (ст. 123) карает “присвоение себе религиозными или церковными организациями административных, судебных или иных публично-правовых функций”. Таким “присвоением” может оказаться отлучение от Церкви, церковное осуждение духовного лица или наложение покаяния. Вывод экзарха категоричен: “Это организованное искоренение всякой религиозной мысли, разрушение всякой религиозной организации”. Чтобы подкрепить свои выводы о. Л. Федоров, присовокупляет к своему посланию “доношение” митрополита Антонина.

О том, что митрополит Антонин писал во ВЦИК с резкой критикой налоговой политики власти в отношении духовенства, было известно еще современникам. Его письмо во ВЦИК первоначально было передано гласности, правда в искаженном виде, А. Э. Красновым-Левитиным и В. М. Шавровым [*Левитин-Краснов, Шавров* 1996:115-116]. В наши дни новосибирский исследователь С. Г. Петров опубликовал оригиналы двух писем митрополита Антонина — во ВЦИК и в НКЮ [*Петров* 2006а:85-89; см. также его исследование: *Петров* 2006б:57-62; *Петров* 2002]. Между тем текст, переданный о. Л. Федоровым о. Уолшу, не соответствует ни одному из писем, опубликованных С. Г. Петровым. Это некий третий документ, отличающийся от первых двух как объемом, так и содержанием. При этом русского оригинала данного письма Антонина обнаружить не удалось, и мы имеем дело только с французским текстом, отправленным о. Л. Федоровым о. Уолшу.

Опишем контекст его появления. Согласно реконструкции С. Г. Петрова, митрополит Антонин 1 февраля 1923 г. отправил во ВЦИК “ходатайство”, в котором в грубых выражениях просил приостановить “экономическую эксплуатацию культа” путем его репрессивного налогообложения. Это “ходатайство” было рассмотрено Антирелигиозной комиссией при ЦК РКП(б) 27 февраля 1923 г., которая приняла решение ослабить налоговый гнет и отменить “патентное и арендное обложение”. Митрополиту Антонину об этом, разумеется, сообщено не было, и 8 марта 1923 г. он направил, на этот раз в Наркомат юстиции, краткий запрос о том, какое последовало решение в связи с его первым письмом. Возможно, в ответ ему была сообщена резолюция ВЦИК на его первом письме о временной отмене всех налогов, “имеющих специфическое отношение к культу” [*Левитин-Краснов, Шавров* 1996:116; *Петров* 2006б:57-61].

Текст, находившийся в распоряжении о. Л. Федорова, был написан после этих двух документов. Мы заключаем это по тому, что в этом “донесении” митрополит Антонин упоминает свои обращения (во множественном числе) во ВЦИК и последовавшие в его адрес заверения П. Г. Смидовича⁵, что по крайней мере некоторые из упоминавшихся налогов будут отменены. Исходя из этого, публикуемое “донесение” должно было появиться между 8 марта 1923 г. (дата письма Антонина в НКЮ) и 17 мая 1923 г., когда было написано сопроводительное письмо о. Уолша,

⁵ П. Г. Смидович в этот момент — член Президиума ВЦИК и член Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б). Э. Левитин-Краснов и В. М. Шавров утверждали, что Антонин и Смидович были друзьями со школьных лет. См.: *Левитин-Краснов, Шавров* 1996:116.

с которым корреспонденция о. Федорова была направлена в Ватикан. Сам о. Федоров датирует “донесение” Антонина мартом 1923 г. В таком случае автор подготовил его в период между получением резолюции ВЦИК (мы не знаем ее точной даты, но это должно было произойти в ближайшие дни после 8 марта, когда Антонин обратился в НКЮ) и до 31 марта. То есть последние три декады марта 1923 г. можно считать наиболее вероятным промежутком времени, в котором было составлено “донесение”.

Остаются вопросы относительно археографического статуса данного документа. О. Федоров пишет, что получил “копию донесения, вероятно, сразу отправленного по месту назначения”. Из этого можно понять, что речь идет о копии черновика или отпуска (варианта документа, оставшегося у его автора после отправки подлинника адресату). Впрочем, мы не знаем, было ли “донесение” вообще отправлено. То, что Федоров имел дело с материалами Антонина, не вызывает сомнений. В переданном о. Уолшу “донесении” есть мотивы его февральского письма во ВЦИК. Например, утверждение, что налоговая политика властей изменилась с января 1923 г. Но есть и существенные отличия. Текст, переведенный о. Федоровым, значительно длиннее, характерный грубый стиль митрополита Антонина сглажен, упоминаются конкретные примеры налогового произвола. Такие конкретные примеры не приводились митрополитом Антонином в письме от 1 февраля. В публикуемом “донесении” упоминаются закрытие церквей в Муроме “из-за неплатежеспособности верующих”, “обобранные общины” Переславля, аресты священников в связи с неуплатой налогов в Павловском Посаде, попытки захватов церквей в Москве и др. Интересно, что ситуация в Муроме обсуждалась на заседании Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) еще 30 января 1923 г. [Петров 2006б:59]. Если верить “донесению”, оказавшемуся в распоряжении о. Федорова, то материалы об этой ситуации были переданы во ВЦИК также митрополитом Антонином. В “донесении” упоминаются и некие дополнительные материалы, приложенные к нему, которые, однако, в фонде о. Уолша отсутствуют.

Учитывая эти отличия, а также то обстоятельство, что мы имеем дело только с французским текстом, позволим себе предположить, что о. Л. Феодоров был не только переводчиком “донесения” обновленческого лидера, не только его редактором, смягчавшим его грубый стиль, но и в какой-то степени его соавтором. Напомним, что главным адресатом о. Л. Федорова был Ватикан. Очевидно, он опасался, что Папский престол слишком мягко смотрит на советский режим и пойдет на соглашение с ним⁶. Поэтому он был готов объяснить суть режима и его политики в отношении Церкви даже устами Антонина⁷. В этом контексте публику-

⁶ О переговорах Ватикана с советскими представителями см.: Токарева 2003:260-320; Токарева 2007: 147-180.

⁷ Отметим, что представители Ватикана в Советской России внимательно следили за развитием религиозной ситуации в нашей стране, и обновленцы, в 1922 и первой половине 1923 г. находившиеся, как казалось наблюдателям, на пике своего влияния, привлекали их пристальное внимание. О.Э. Уолш в течение 1923 г. по меньшей мере шесть раз сообщал в Ватикан различные сведения об обновленческом движении. Так, в начале мая он направил в Рим “Меморандум о соборе “Живой церкви” (большевистской), состояв-

емое письмо о. Л. Федорова и приложение к нему примыкают к другому тексту экзарха русских католиков от 23 мая 1923 г., направленному в Ватикан также через о. Э. Уолша. В этом письме о. Федоров, отталкиваясь от статьи коммуниста Р. Арского в газете “Петроградская Правда”, довольно пронизательно описывал суть советской (анти)религиозной политики⁸. Он одним из первых среди религиозных деятелей выявил особенности советского секуляристского проекта как *политической религии*, претендующей на монопольное господство не только в политической, но и идейной и религиозной сферах, и навязывающей традиционной религии свои нормы [ср.: *Фадеев, Шебалин* 2021:116]. Теперь мы видим, что это была не единственная его попытка вскрыть двуличие заявлений официальных лиц о свободе вероисповедания в Советской России.

Если наше предположение верно, то в случае с “донесением” марта 1923 г. мы, скорее всего, имеем дело не столько с переводом неизвестного нам черновика, а с компиляцией, выполненной самим о. Федоровым на основе переданных ему из окружения митрополита Антонина материалов. Впрочем, проверить эту догадку можно, лишь выявив оригиналы этих материалов или хотя бы какой-то их части.

* * *

Документы из фонда о. Эдмунда Уолша, хранящегося в библиотеке Джорджтаунского университета в США, были выявлены в рам-

шемся в Москве на неделе с 29 апреля по 5 мая 1923 года”, подготовленный членом миссии салезианцев из Словении о. П. Цигутом. В нем говорилось: “Этот “Собор” проводился под эгидой правительства и полным контролем советских властей. Кандидаты были тщательно отобраны большевистскими властями с заявленной целью “лишить сана Патриарха Тихона и заменить его лидером из представителей духовенства, перешедшего на сторону “Живой церкви”. Если героическая защита своей веры петроградскими католическими священниками навсегда останется актом чести и славы католического сообщества, то для протестантского сообщества позорным и скандальным эпизодом навеки будет тот факт, что епископ Американской методистской епископальной церкви по фамилии Блейк принял участие в соборе и выступил против Патриарха. Он полностью солидаризировался с группой, которая объявила Патриарха “изменником, заслуживающим смертного приговора”. Среди одобренных “реформ” было разрешение епископам вступать в брак — и даже дважды, в случае смерти первой жены” (*Edmund A. Walsh*, SJ Papers, Georgetown University Library Booth Family Center for Special Collections, Washington, D.C., Collection GTM-GAMMS239. Box 6. Folder 385).

24 мая в очередном отчете он писал кардиналу Гаспарри: “Политика государства в отношении “Живой церкви” просчитана таким образом, чтобы привлечь людей к этому решению проблемы, — фактически речь идет о создании советской государственной церкви, то есть возврате к тому положению, которое большевики начали устранять своими декретами об отделении церкви от государства. Я уже сообщал о результатах так называемого Всероссийского Поместного собора, который “сместил” Тихона. Комитету представителей Живой церкви, которые посетили Тихона и передали ему постановление о лишении сана и возвращении в мирское положение, Патриарх ответил: “Кто эти епископы? Я не признаю власти и законности этого Собора. Я не признаю юридической силы этого постановления. (Позднее он подписал документ об отказе.) Тихон, Патриарх Всея Руси”. Канонические доводы в пользу незаконности Собора заключаются в следующем: 1. На нем должны были присутствовать четверо других Патриархов (Константинопольский, Афинский и др.). Но никого из них не было. 2. Собор должен был быть одобрен и благословлен местным Патриархом, на канонической территории которого он проходил. Такого одобрения не было” (Там же).

⁸ Опубликовано по подлиннику из архива Государственного секретариата Ватикана: *Фадеев, Шебалин* 2021:109-122.

ках проекта “Entangled Histories: Россия и Ватикан, 1917–1958 гг.” (РНФ № 19-18-00482). Их перевод на русский язык также был выполнен в рамках этого проекта с английского языка — М. Коробочкиным, с французского языка — И. К. Мироненко. Названия документов (за исключением документа № 3) даны публикатором. В соответствующих папках фонда о. Эдмунда Уолша отсутствует архивная нумерация листов. Подчеркивания в оригинале заменены в публикации курсивом. Реконструкции публикатора помещены в квадратные скобки. Как документы, так и переводы публикуются впервые.

1.

Из отчета главы Папской миссии помощи голодающим в России отца Эдмунда Уолша государственному секретарю Ватикана кардиналу Пьетро Гаспарри

May 17, 1923

To His Eminence Cardinal Gasparri,
Secretary of State to His Holiness
The Vatican, Rome

Your Eminence,

Enclosed please find two more remarkable documents regarding the present situation of the Church and of religion in general. *Utrumque mihi mittebantur e carcere ab Exarcha Fedorov*⁹. They are self-explanatory and seem to me an unusually keen analysis of the tendencies of the Government at this time.

The “Report of Archbishop Antonin” with its bitter complaints against the official persecution of all religion is particularly significant in view of the recent protest sent by Archbishop Antonin to the Archbishop of Canterbury in which he denies that any religious persecution exists in Russia. No better proof is needed than this to demonstrate the absolute servility of the new group now in power in place of the Patriarch Tychon.

Enclosed Your Eminence will also find a recent number of the Atheistic paper “Bezbozhnik” maintaining many references to the “Sobor” or recent Church Council, described in my last report. I have marked and translated one article, the one dealing with the speech made by the Methodist Bishop Blake¹⁰.

It is indeed a sad commentary on the spirit of Methodism to realize that one of their Bishops deliberately lends his influence to a movement whose clear purpose is to stifle all religion and eventually make Russia the great atheistic land. <...>¹¹

⁹ Лат.: “Оба были отправлены мне из тюрьмы экзархом Федоровым”.

¹⁰ Данное приложение к письму отсутствует. О присутствовавшем на обновленческом соборе епископе Блейке см.: *Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг.* Кн. 1–2. М. Новосибирск, 1997–1998. Кн. 2. С. 420, 447.

¹¹ Опущены пересказ газетной статьи о соболезнаваниях иностранных послов в связи со смертью В. В. Воровского и переписки с Г. В. Чичериным по поводу цензуры проповедей со стороны советских властей.

Перевод**17 мая 1923 г.**

Его Высокопреосвященству кардиналу Гаспарри,
Статс-секретарю Его Святейшества,
Ватикан, Рим

Ваше Высокопреосвященство,

Прилагаю еще два примечательных документа относительно положения Церкви и религии в целом. *Utrumque mihi mittebantur e carcere ab Exarcha Fedorov*¹². Они говорят сами за себя и, на мой взгляд, содержат необычайно глубокий анализ текущих тенденций в политике правительства.

“Отчет Архиепископа Антонина” с горькими жалобами на преследование властями любой религии особенно примечателен в свете протеста, который Архиепископ Антонин недавно направил Архиепископу Кентерберийскому, отрицая сам факт гонений на религию в России. Это со всей наглядностью демонстрирует полную сервильность новой группы, оказавшейся у власти вместо Патриарха Тихона.

Прилагаю также недавний номер атеистической газеты “Безбожник”, где много раз упоминается о “Соборе” или церковном совете, о котором я рассказывал в последнем отчете. Я отметил и перевел одну статью — о речи методистского епископа Блейка.

Тот факт, что один из методистских епископов сознательно использует свое влияние в интересах движения, чья явная цель состоит в удушении любой религии и превращении России в гигантскую территорию атеизма — весьма прискорбное свидетельство о настрое Методистской церкви. <...>

Edmund A. Walsh, SJ Papers, Georgetown University Library Booth Family Center for Special Collections, Washington, D.C., Collection GTM-GAMMS239. Box 6. Folder 385. Отпуск. Правленая машинопись. Оригинал — на английском языке с латинскими вставками. Каждый лист — на бланке Папской миссии помощи голодающим. На первом листе справа машинописью: *Moscow, May 17, 1923*; слева впечатано в поле бланка: *Vatican* [, отчет №] 48, здесь же — рукописные пометы с перечислением приложений. На остальных листах, кроме последнего, в поле бланка вписано от руки: 48; на последнем листе — 49.

¹² Лат.: “Оба были отправлены мне из тюрьмы экзархом Федоровым”.

2.

**Письмо экзарха Леонида Федорова отцу Эдмунду Уолшу
об обновленческом движении и о политике советской власти
в отношении религии**

[10 мая 1923 г.]

A Sa révérence
le représentant de la Mission catholique
de l'aide aux affamés en Russie
p. Edmund Walsh

Très Révérend père,

J'ai reçu il n'y a pas longtemps la copie du "Rapport du Métropolite de Moscou Antonin au Vtzik", rédigé par lui au mois de mars 1923 et probablement aussitôt envoyé au lieu de sa destination, cela m'oblige de nouveau d'avoir recours à Votre Révérence en la priant de faire immédiatement parvenir à la connaissance du St Siège ce rapport du Métropolite Antonin ainsi que mes commentaires sur lui.

Le rapport mentionné ci-dessus est remarquable parce qu'il offre un tableau frappant de ces violations révoltantes de la liberté de la conscience religieuse qui ont eu lieu en Russie, malgré toutes les assurances du gouvernement soviétique au sujet de sa tolérance religieuse. Chaque mot, chaque comparaison dans ce rapport loin d'être exagérés ou faux ne sont qu'une photographie exacte de cette hypocrisie révoltante et de l'impudence effrontée avec lesquelles les agents du pouvoir soviétique se font justice des représentants des différents cultes religieux, surtout du clergé chrétien.

Le rapport acquiert un intérêt particulier grâce à la personnalité de l'auteur, le Métropol[olite] de Moscou Antonin. Il est le serviteur le plus fidèle du Gouvernement et le chef de ce mouvement révolutionnaire dans l'Église orthodoxe qui est connu sous le nom de "l'Église vivante". Comparé aux autres chefs de ce mouvement, il se distingue par sa sincérité, son désintéressement et sa franchise qui va quelquefois dans ses paroles, même prononcées en chaire, jusqu'à la grossièreté et au cynisme. Par ses convictions¹³ c'est un étrange moderniste orthodoxe ne vivant que par l'émotion religieuse, où sont entassés pêle-mêle les débris des canons de l'Église et des lambeaux des dogmes. Serviteur idéologique du pouvoir soviétique, il le sert honnêtement et sérieusement et il veut en réalité rajeunir l'Église à l'aide de l'idéal communiste. Il est naturel que les bolsheviks le croient, il est pour eux une personne importante, et ils font cas de lui espérant d'influer par lui les masses populaires. Ceci explique la liberté et âpreté de son rapport. Il s'estime être *un agent du gouvernement*, il s'efforce de le justifier aux yeux du peuple et prévenir toute possibilité de contre-révolution. C'est pourquoi dans son rapport il attire l'attention du Gouvernement sur le dommage que lui cause la politique anti-ecclésiastique qui revêt la forme d'une persécution ouverte de l'Église. Cette persécution a acquis de telles proportions que lui, le serviteur

¹³ В документе ошибочно: civictions.

fidèle du Gouvernement, il est impuissant à retenir les dispositions contre-révolutionnaires des fidèles.

On ne sait pas quel effet a été produit par ce rapport sur les bolsheviks. En attendant ils ont seulement cessé d'exiger que les prêtres payassent le prix du patent pour avoir le droit de procéder aux cérémonies religieuses, mais les autres "pressions et étouffement", selon l'expression d'Antonin, loin de cesser, augmentent.

Le pouvoir soviétique poursuit avec instance et méthodiquement *deux buts*: détruire à l'aide de l'Église Vivante l'ancienne organisation russe orthodoxe, et puis détruire toute religion. Quoique l'ancienne Église orthodoxe ne fut déjà qu'une organisation complètement pourrie, mais ses traditions et son union avec le peuple étaient encore assez fortes et elle pouvait lutter d'une manière ou d'une autre avec les bolsheviks, tandis que la nouvelle Église est définitivement asservie par le Gouvernement et ne peut offrir aucune résistance à l'athéisme. Elle est *temporelle*, tant qu'il y reste un certain nombre de croyants, paysans et ouvriers, pour qui un passage brusque à l'athéisme est impossible et excite l'hostilité contre le pouvoir soviétique. L'ancienne Eglise orthodoxe montrait décidément au peuple que le pouvoir soviétique était la source de l'athéisme et de la décadence de la vie religieuse. Pour paralyser ce coup, les bolsheviks organisent une Église qui vantera le gouvernement, en prouvant qu'il ne persécutait nullement l'Église. Le concile de Moscou, achevé hier, réalisa magnifiquement les espérances des bolsheviks. Le patriarche est destitué de sa charge, marqué du timbre de traître de l'Église et de la Patrie, les évêques de l'émigration russe à l'étranger sont excommuniés, on a permis le mariage des évêques, le second mariage aux prêtres, le pouvoir soviétique fut acclamé avec enthousiasme, comme le pouvoir le plus humain, le plus libéral, qui n'avait jamais songé à persécuter l'Église et combattait uniquement la contre-révolution ; il a été même dit que le communisme dans son programme pratique était plus rapproché du Christ que toute l'Église chrétienne qui adore Rockefeller... Les représentants de l'Église vivante veulent par cette basse servilité obtenir la bienveillance du nouveau gouvernement et être, quoique non officiellement, mais *du moins de facto l'Église de l'État*. Les bolsheviks ont parfaitement bien saisi cette tendance. Leurs agents arrêtaient brusquement et impunément et emprisonnaient tous les adversaires de l'Église vivante en remettant les temples aux partisans de cette dernière. Tous les gens d'idée ou simplement d'honnêtes prêtres orthodoxes qui ne risquaient pas de vendre leur conscience sont déportés en divers lieux éloignés dans la Russie du Nord, l'Oural et la Sibérie ou bien ils remplissent en masse les prisons. Il suffit d'une simple dénonciation faite par un représentant de l'Église vivante contre un prêtre ou évêque qui n'est pas de leur camp, pour que ce dernier soit aussitôt arrêté. Dans l'action sociale précédant le concile, l'élection des représentants pour le concile et en général toute la campagne préparatoire, le Gué-Pé-Ou (Administration politique de l'État) avait joué un rôle actif. Les journaux sont pleins de résolutions blâmant l'activité du patriarche Tichone, résolutions énoncées, à ce qu'il paraît, par des paysans d'un tel village ou hameau, des soldats de l'Armée Rouge dans un tel régiment, les ouvriers d'une telle usine, etc. Toutes ces comédies étaient jouées, ainsi que toutes les autres résolutions bolchévistes, à l'aide de terreur et de fraude les plus grossières. Le prêtre de l'Église vivante, accompagné de

milice et des agents du Gué-Pé-Ou (comme au temps du tsarisme, avec l'aide de la police) arrivait à l'église et l'enlevait aux croyants qui étaient fidèles au patriarche Tichone. Des bas-fonds de la société ou des éléments terrifiés et peu conscients organisaient une assemblée qui condamnait le patriarche; celui qui osait protester était qualifié de contre-révolutionnaire. L'un des représentants les plus typiques de l'Église vivante, l'archevêque Eudokime, arriva en retard pour le concile uniquement parce qu'on lui avait prescrit de "mettre en ordre" tout le diocèse de Viatka qui restait fidèle au patriarche. (V. Les "Nouvelles du Comité Exécutif Central des Soviets", 9 mai 1923, № 101). De même la semaine dernière étaient "mises en ordre" les 40 dernières paroisses (autocéphales) à Pétrograde. Le procès du patriarche Tichone fut ajourné afin de pouvoir au moyen de la hideuse comédie du "concile" le mettre en scène avec plus de pompe de Judas. Cela produisait l'effet que l'Église elle-même avait renié son patriarche, l'avait destitué de sa charge, ôté son sacerdoce et son froc, et du chef de l'Église russe orthodoxe, elle avait fait un simple citoyen Vassili Bellavine. Maintenant le pouvoir soviétique peut le juger "de conscience tranquille" et le condamner comme ennemi du peuple et de l'Église russe orthodoxe elle-même... Il arriva donc qu'aux maintes réunions les "croyants orthodoxes" demandaient même que le tribunal civil jugeât le patriarche qui était "l'ennemi du peuple".

Evidemment tout semble être favorable à l'Église vivante et elle devient une "*persona grata*" aux yeux du gouvernement, mais c'est ici que commencent les désenchantements cruels qui provoquent les protestations plaintives du métropol[olite] Antonin. Le pouvoir soviétique ne soutient guère l'Église vivante pour qu'elle puisse se développer librement. Les bolsheviks comprennent parfaitement bien que le clergé de la soi-disant nouvelle orientation "révolutionnaire" ne présente en effet qu'un petit tas de lâches et des gens intéressés qui sont prêts de servir n'importe qui si cela leur est profitable. Ils méprisent ces "gens de l'Église Vivante" et leur jettent des miettes de leur table. Ils trouvent qu'il suffit de permettre d'exister à ces gens, de se mouvoir librement et trouver tant bien que mal des moyens d'existence; ce sont des "charlatans" que le pouvoir soviétique ne peut pas encore détruire et qu'il est obligé de tolérer en attendant... Mais le même pouvoir ne peut laisser échapper aucune occasion favorable pour mener la propagande athéistique et détruire la religion. Le nouveau clergé sera déjà content s'il n'est pas mis aux arrêts, déporté en Sibérie ou privé de la paroisse. Ayant avoué sa bassesse en constatant officiellement qu'il n'y avait eu aucune persécution contre l'Église dans la Russie Soviétique, ces misérables créatures ne peuvent plus lutter avec les bolsheviks, protester, dire leur "*non possumus*", ils sont uniquement capables de s'humilier, d'implorer, de ruser et de mener quelque jeu diplomatique très subtil pour se sauver de manière quelconque dans cette destruction générale.

Et le gouvernement pendant ce temps agit ouvertement et effrontément, il déclare avec cynisme qu'après avoir exterminé l'ancienne Église, il s'en prendra à la nouvelle. Il donne à ses agents carte-blanche pour "étouffer" les Églises par tous les moyens. Ces moyens peuvent être divisés en groupes suivants :

1. Le Gouvernement se propose comme but la lutte avec les préjugés religieux, et le par[agraphe] 119 du Code pénal (chap[itre] III, de la violation des règles sur la séparation de l'Église et de l'État) punit "le profit des préjugés

religieux des masses” dans un but contrerévolutionnaire. On attribue ici le nom de “préjugé religieux” à la religion elle-même. Toute religion = préjugé religieux. Encore en 1918 les représentants du pouvoir soviétique m’expliquaient qu’ils ont ces opinions *en tant que communistes* et non pas comme représentants du gouvernement. Et maintenant, à ce qu’il paraît, le gouvernement qui accorde la liberté de la conscience et garantit à chacun l’inviolabilité de ses opinions religieuses, ne se gêne guère dans la législation (le Code pénal parut en 1922) pour marquer la religion du nom de “préjugés religieux” en offensant effrontément les 95% de la population croyante de la république. Dans l’accusation finale officielle au sujet de notre procès il est dit ouvertement “que le pouvoir soviétique prenant en considération que ces préjugés religieux séculaires pèsent sur la conscience des travailleurs et sachant qu’ils ne peuvent être dissipés seulement par des moyens physiques, il s’était proposé de lutter contre l’oppression religieuse uniquement par moyen de propagande et au surplus de dévoiler manifestement aux travailleurs les procédés trompeurs des représentants du clergé dans les cas où ces procédés pouvaient être sujets à un tel dévoilement” (l’ouverture des reliques). De la sorte, la liberté de la conscience n’est qu’*un fait passer* et accordé uniquement parce que la religion ne peut être détruite par des moyens “*seulement physiques*”. La religion, c’est un phénomène vital nuisible et seulement toléré, et contre lequel luttent déjà non plus les communistes en tant que partie, mais le gouvernement lui-même.

Lorsqu’en 1918-20 eurent lieu les dissections sacrilèges des reliques, le gouvernement soviétique s’était justifié en disant que les masses populaires avaient exigé ce procédé; à présent, le gouvernement déclare hautement que l’initiative de l’ouverture des reliques part de lui et était employé par lui comme moyen pour “dévoiler devant les travailleurs les procédés trompeurs du clergé dans les cas où ces procédés pouvaient être découverts”. Donc, si quelque agent du gouvernement se met dans la tête, *ce qui a été déjà dit maintes fois*, de prouver au moyen de l’analyse chimique que dans le St Calice se trouve non pas le sang du Sauveur mais le vin, ce sera aussi considéré par le gouvernement comme un procédé trompeur du clergé et défendu comme tel. Et il n’a rien d’étonnant que le commentaire du par[agraphe] 120 du Code, selon l’expression très juste du métrop[olite] Antonin, puisse¹⁴ taxer de “procédé trompeur” chaque cérémonie du culte; (par ex[emple], la bénédiction de l’eau, les prières devant les images miraculeuses, la consécration des maisons, des champs etc.); les agents du pouvoir local, *non retenus par aucune norme juridique ou commentaire de la loi*, en arrivent dans leur zèle communiste insensé jusqu’aux paradoxes dans leurs moyens d’“influer” sur le clergé.

2. Et lorsque de la part du clergé arrivent des réclamations contre ces mesures illégales, vu que la Constitution de la RSFSR accorde le droit de la propagande religieuse, on reçoit toujours la réponse toute prête sur la dictature du prolétariat. Quoique le gouvernement soviétique accorde par la loi le droit de la propagande religieuse, mais, à présent, il ne peut pas le permettre, car il faut auparavant préparer “les masses inconscientes du peuple” par voie de l’instruction et de culture d’esprit pour qu’elles puissent réagir contre les

¹⁴ В документе ошибочно: peut.

procédés trompeurs du clergé. Et jusqu'à ce que ces masses soient préparées, on permet uniquement la propagande antireligieuse (journaux athées, fêtes, processions, spectacles, réunions, conférences et clubs). On permet seulement, en qualité de propagande religieuse, l'enseignement aux croyants adultes des objets religieux, les sermons à l'église et les leçons. Mais ici comme ailleurs le gouvernement soviétique veille sans trêve sur le clergé. S'il remarque que les leçons apologétiques d'un prêtre doué de talent excitent un trop vif intérêt dans le peuple, elles sont défendues sous prétexte de "détourner les ouvriers et les paysans de leurs intérêts sociaux"... La prédication dans les églises contre l'athéisme, *ainsi qu'on nous l'a expliqué avec autorité à notre procès*, est une *agitation politique*, car elle sape les fondements de l'idéologie du communisme. Une telle prédication est possible dans les églises, mais à la condition que les assistants aient le droit de répliquer au prédicateur... De même on traite d'action politique et contrerévolutionnaire *l'excommunication des communistes*. Quoique le pouvoir soviétique pose la condition indispensable que les personnes qui entrent au parti communiste fussent complètement irréligieuses et pour la moindre trace de religion on les chasse sans pitié du parti, néanmoins la même manière d'agir de la part du clergé est considérée comme un despotisme exercé sur la liberté des croyants ; le prêtre n'a pas le droit de "terroriser" les paroissiens, il peut seulement les¹⁵ persuader. Si le clergé s'oppose en chaire au mariage civil et au divorce au nom des principes purement religieux, il commet une "action criminelle", car il excite "les masses inconscientes" contre la législation soviétique. Si le clergé démontre la persécution de l'Église et de la religion et la décadence des mœurs qui en est la suite, il commet un nouveau crime "en discréditant le pouvoir soviétique aux yeux du peuple". Si le clergé profitant du droit des citoyens libres, mène entre les fidèles une action pour la révocation par des moyens légaux (appels, pétitions, résolutions etc) d'une loi antireligieuse (ainsi que l'a fait l'archevêque Jean Tzepliak dans son circulaire, où il proposait aux fidèles d'insister par tous les moyens "légaux" pour obtenir la permission d'avoir des écoles paroissiales pour les enfants), alors cela est considéré comme un appel direct aux masses populaires afin de provoquer des actions contrerévolutionnaires.

3. Pour affaiblir parmi le peuple l'instruction religieuse et réduire la religion uniquement aux cérémonies religieuses, le pouvoir soviétique détruit partout les livres du contenu religieux (livres d'étude, catéchismes, œuvres de théologie, livres se rapportant au service divin, etc). On extermine même les œuvres philosophiques au caractère spirituel et mystique (par exemple, les œuvres de Descartes, Leibnitz, Jacobi, Solovieff, etc). Les livres théologiques que nous faisons venir de l'étranger sont confisqués par la douane et ne nous arrivent pas. Un organe spécial pour les affaires de la presse a publié un ordre défendant d'imprimer les livres "militaires, pornographiques, spirituels et mystiques". On extermine les livres enfantins où se trouve la moindre mention de Dieu. Un écrivain contemporain (quoique même irréligieux) a failli être jugé pour avoir placé dans la description des mœurs des paysans du Nord de la Russie un récit de 3 visions religieuses.

¹⁵ В документе ошибочно: leur.

4. Prenant pour point de départ le principe que les enfants sont “la propriété de la république”, le pouvoir soviétique, par le par[agraphe] 121 du Code pénal défend l’enseignement de la religion dans les écoles publiques et privées aux enfants au-dessus de l’âge de 18 ans. Cette loi est commentée de la sorte, que l’on défend d’enseigner la religion non seulement entre les 4 murs d’une école proprement dite, mais *de la même manière que cela se fait dans les écoles*. Par conséquent, le prêtre n’a pas le droit de réunir des enfants et de leur enseigner la religion même à l’église car ce sera déjà un “enseignement en groupe” défendu par rapport aux enfants au-dessus de l’âge de 18 ans. Un enseignement pareil de la religion à l’église aura “l’air d’une école”, ce qui n’est pas permis. En outre, on défend aux enfants (par un décret exprès des pouvoirs locaux) de servir dans l’autel et de chanter au chœur.

5. Voulant priver l’Église de toute possibilité d’une organisation extérieure et de soutien matériel, le gouvern[ement] soviétique dans le par[agraphe] 122 du même Code statue: “Toute contrainte pendant les quêtes en faveur des organisations ecclésiastiques et religieuses ou des groupes” est punie par différentes mesures. Si même une organisation religieuse quelconque désirât s’imposer *volontairement* une collecte, il suffit de la réclamation d’un mauvais membre qui voudrait nuire à cette organisation; s’il dénonce qu’on y fait une quête par contrainte, l’organisation est close sur le champ et ses représentants livrés au jugement.

6. De la vient le fait pénible de cette “pression” exercée sur les poches des croyants, selon l’expression très juste du métropolite Antonin, dans le but de rendre impossible l’entretien des temples et du clergé. *Les perceptions atteignent en effet des proportions colossales*. Cela a pour but d’irriter les fidèles contre le clergé, qui, réduit à une misère complète, est obligé de demander sans cesse des ressources à ces paroissiens, et même quelquefois de mendier dans les rues. Parfois le prêtre est surchargé d’un travail accessoire qu’il doit prendre pour pouvoir exister et cela au point qu’il ne peut plus vaquer à ses obligations pastorales. Mais les représentants du pouvoir le privent souvent même de ce dernier gagne-pain. Sous divers prétextes (dont le plus commun “réduction du personnel”) on le prive de l’emploi et de l’état. La même chose arrive aux fils et aux filles des prêtres. Il y a quelques jours que cela est arrivé à un de mes prêtres, le p[ère] Alexis Anissimoff¹⁶ à Saratoff.

7. Par le par[agraphe] 123 le pouvoir soviétique punit “l’usurpation de la part des organisations religieuses et ecclésiastiques des fonctions administratives, juridiques et publiques et des droits des personnes juridiques” (car le clergé et les sociétés religieuses n’ont pas les droits des personnes juridiques). Ainsi, même l’excommunication d’un paroissien ou le jugement sur une personne ecclésiastique, ou même une simple pénitence infligée à quelqu’un peuvent servir de motif pour accuser le clergé d’excès de son pouvoir. C’en est déjà assez des exemples.

8. Enfin, dans le par[agraphe] 123 le pouvoir soviétique a l’air même de vouloir paraître impartial et il décrète: l’empêchement des cérémonies religieuses en tant qu’elles “ne nuisent pas à l’ordre social” et ne sont pas accompagnées

¹⁶ В оригинале ошибочно: Anissimiff.

“d’attentats aux droits de citoyens” est puni de même. Mais ici comme ailleurs le gouvernement a plein pouvoir de régler et de commenter la signification des mots “nuire à l’ordre social” et “d’attentats aux droits de citoyens”. Quelquefois le son des cloches est défendu, parce qu’il empêche les occupations d’une réunion communiste quelconque, d’autres fois on défend des processions religieuses parce qu’elles peuvent exciter “l’explosion du fanatisme religieux”, etc.

9. En dernier lieu, la manière d’agir que j’ai déjà mentionnée, pour créer l’opinion publique dans l’affaire du patriarche Tichone, est de même employée avec succès, ainsi que l’a remarqué très bien le métropol[olite] Antonin, dans le procédé d’enlèvement de l’église aux croyants de toute société religieuse.

Une telle manière d’agir du gouvernement soviétique produit naturellement ces effets scandaleux et anormaux dont parle le rapport du métropol[olite] Antonin. C’est l’extermination organisée de toute idée religieuse, la destruction de toute société religieuse. Par les mains de la même Église Vivante le gouvernement veut creuser une fosse pour y enfouir ces esclaves en soutane qu’il a attirés à son service par le fantôme trompeur du soutien de l’État et le son de son or.

Перевод

Его преподобию
Представителю Католической миссии помощи
голодающим в России
o[тцу] Эдмунду Уолшу

Достопочтенный отец,

Недавно я получил копию донесения митрополита Московского Антонина во ВЦИК, составленного им в марте 1923 года и, вероятно, тотчас направленного по месту назначения. Это заставляет меня снова обратиться к Вашему преподобию с просьбой немедленно довести до сведения Св. Престола это донесение митрополита Антонина, а также мои комментарии к нему.

Вышеупомянутое донесение примечательно тем, что описывает поразительную картину всех тех возмутительных посягательств на свободу вероисповедания, которые имели место в России, несмотря на все заверения советского правительства насчет религиозной терпимости. Каждое слово, каждое сравнение в этом донесении — вовсе не преувеличение или ложь, а точная фотография того возмутительного лицемерия и наглого бесстыдства, с которыми агенты советской власти расправляются с представителями различных религиозных культов, в особенности с христианским духовенством.

Особый интерес донесение представляет из-за личности его автора, митрополита Московского Антонина. Он самый верный слуга правительства и глава того революционного движения в Православной церкви, которое известно под названием “Живой церкви”¹⁷. В сравнении с другими вождями этого движения он отличается искренностью, бескорыстием и откровенностью, которая в его словах, даже произнесенных с кафедры, порой доходит до грубости и цинизма. По своим убеждениям это странный православный модернист, живущий лишь религиозными переживаниями, в которых беспорядочно перемешаны обрывки церковных канонов и догм. Этот идеологический слуга советской власти служит ей честно и серьезно и действительно хочет омолодить Церковь при помощи коммунистического идеала. Естественно, большевики ему верят, он для них важное лицо, они прислушиваются к нему, надеясь через него влиять на народные массы. Это объясняет свободу и резкость его донесения. Он считает себя агентом правительства, старается оправдать его в глазах народа и предупредить любую возможность контрреволюции. Вот почему в своем донесении он обращает внимание правительства на ущерб, который наносит ему антицерковная политика, принявшая форму открытого преследования Церкви. Это преследование приобрело такие размеры, что он, верный слуга правительства, не способен сдерживать контрреволюционные настроения верующих.

¹⁷ Утверждение неточно. Митрополит Антонин был главой “Союза церковного возрождения”.

Нам неизвестно, какое впечатление это донесение произвело на большевиков. Пока они только перестали требовать, чтобы священники оплачивали патент, чтобы иметь право отправлять религиозные церемонии, однако другое “давление и удушение”, по выражению Антонина, не только не прекратилось, но и возросло.

Советская власть упорно и методически преследует *две цели*: с помощью Живой церкви разрушить древнюю православную церковную организацию в России, а затем уничтожить всякую религию. Хотя древняя Православная церковь уже была полностью прогнившей организацией, ее традиции и единение с народом были еще достаточно сильны, и она могла так или иначе бороться с большевиками, тогда как новая Церковь окончательно подчинена правительству и не может оказать никакого сопротивления атеизму. Она *временна*¹⁸, пока остается некоторое число верующих, крестьян и рабочих, для которых резкий переход к атеизму невозможен и вызывает враждебность к советской власти. Древняя Православная церковь решительно показывала народу, что советская власть является источником атеизма и упадка религиозной жизни. Чтобы противостоять этому, большевики организуют Церковь, которая будет превозносить правительство, доказывая, что оно никак не преследует Церковь. Завершившийся вчера Московский собор полностью оправдал чаяния большевиков¹⁹. Патриарх смещен и заклеен как предатель Церкви и Родины, находящиеся за рубежом епископы из русской эмиграции отлучены, епископам разрешено жениться, священникам — вступать во второй брак, советскую власть бурно приветствовали как самую гуманную и либеральную власть, которая никогда не помышляла о том, чтобы преследовать Церковь, а боролась исключительно с контрреволюцией. Сказали даже, что в своей практической программе коммунизм ближе к Христу, чем любая христианская Церковь, поклоняющаяся Рокфеллеру... Представители Живой церкви хотят таким низким раболепием снискать благосклонность нового правительства и стать, хоть и не официально, но, *по крайней мере де факто, Государственной церковью*. Большевики прекрасно поняли эти настроения²⁰. Их агенты грубо и безнаказанно арестовывали и бросали за решетку любых противников Живой церкви, а храмы передавали ее сторонникам. Все идейные люди или просто честные православные священники, которые не продают свою совесть, высланы в различные отдаленные места на Север России, на Урал или в Сибирь или же массово заполняют тюрьмы. Достаточно простого доноса от представителя Живой церкви на священника или епископа, не принадлежащего к их лагерю, чтобы того тотчас арестовали. В общественных мероприятиях перед собором, выборах представителей на собор и, в целом, во всей подготовительной кампании активную роль играло ГПУ (Государственное политическое управление). В газетах полно постановлений, осуждающих деятельность патриарха Тихона, постановлений, вынесенных, как кажется, крестьянами какой-то деревни или хутора, солдатами какого-то полка Красной Армии, рабочими какого-то завода и т.д. Все эти комедии были разыграны, как и все прочие большевистские постановления, при помощи самого грубого террора и обмана. Священник Живой церкви в сопровождении милиции и агентов ГПУ (в царские времена это делалось при помощи полиции) прибывал в церковь и отбирал ее у верующих, сохранявших верность патриарху Тихону. Низы общества или запуганные и несознательные элементы устраивали собрание, которое осуждало патриарха. Того, кто отваживался протестовать, объявляли контрреволюционером. Один из самых типичных представителей Живой церкви, архиепископ Евдоким, прибыл на собор с опозданием только потому, что ему предписали “привести в порядок” всю Вятскую епархию, которая сохраняла верность патриарху. (См. “Новости Центрального исполнительного комитета СССР”, 9 мая 1923 года, № 101). Точно так же на прошлой неделе были “приведены в порядок” 40 последних (автокефальных) приходов в Петрограде. Процесс патриарха Тихона отложили, чтобы при помощи отвратительной комедии с “собором” провести его с большей иудовой помпой. Сложилось впечатление, будто сама Церковь отвернулась от своего патриарха, лишила его полномочий, сана священника и монашеского облачения и из главы Русской православной церкви сделала простого гражданина Василия Беллавина. Теперь советская власть может судить его “со спокойной совестью” и вынести ему приговор как врагу народа и самой Русской православной церкви... Случалось даже, что на разных собраниях “православные верующие” требовали, чтобы патриарха, “врага народа”, судил гражданский суд.

¹⁸ Ср.: *Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг.* Кн. 1, 34–36, 161–164.

¹⁹ Имеется в виду обновленческий собор 1923 г.

²⁰ Из этого можно заключить, что о. Л. Федоров не понимает, что обновленческое движение *инспирировано* советской властью. Он полагает, что оно лишь *поддержано* ею.

Очевидно, кажется, что все благоприятствует Живой церкви и она становится “персоной грата” в глазах правительства, но именно тут начинаются жестокие разочарования, которые вызывают слезливые жалобы митрополита Антонина. Советская власть практически не поддерживает Живую церковь, чтобы та могла свободно развиваться. Большевики прекрасно понимают, что духовенство так называемой новой “революционной” ориентации на деле являет собой лишь мелкую группку трусов и корыстолюбцев, которые готовы служить неважно кому, лишь бы это приносило им выгоду. Они презирают этих “людей из Живой церкви” и бросают им крохи со своего стола. Они считают, что достаточно позволить этим людям существовать, свободно передвигаться и худо-бедно изыскивать средства к существованию; это “шарлатаны”, которых советская власть пока не может уничтожить и вынуждена еще какое-то время терпеть... Но та же власть не упускает никакой благоприятной возможности, чтобы вести атеистическую пропаганду и уничтожить религию. Новое духовенство будет довольно, если его просто не арестуют, не депортируют в Сибирь или не лишат прихода. Признав свою низость — когда они официально подтвердили, что в Советской России Церковь не подвергается никакому гонению, — эти жалкие создания уже не могут бороться с большевиками, протестовать, говорить им свое “*non possumus*”²¹, они способны только унижаться, умолять, хитрить и вести очень тонкую дипломатическую игру, чтобы хоть как-то спастись в этом всеобщем разрушении.

А правительство в это время действует открыто и бесстыдно, оно с цинизмом заявляет, что, разделавшись со старой Церковью, возьмется за новую. Оно дает своим агентам карт-бланш, чтобы “задушить” Церковь любыми средствами. Эти средства можно разделить на следующие группы:

1. Правительство ставит себе целью борьбу с религиозными предрассудками и в ст. 119 Уголовного кодекса (гл. III Нарушение правил об отделении церкви от государства) карает “использование религиозных предрассудков масс” с контрреволюционной целью. Здесь название “религиозного предрассудка” присваивают самой религии. Всякая религия = религиозный предрассудок. Еще в 1918 году представители советской власти объясняли мне, что считают так с позиции коммунистов, а не представителей правительства. А теперь, судя по всему, правительство, которое предоставляет свободу совести и гарантирует каждому неприкосновенность его религиозных убеждений, вовсе не смущается тем, что в законе (Уголовный кодекс был принят в 1922 году) именует религию “религиозным предрассудком” и тем самым бессовестно оскорбляет 95% верующего населения республики. В официальном финальном обвинении по нашему процессу²² открыто говорится, что “советская власть, учитывая, что эти вековые религиозные предрассудки отягчают сознание трудящихся, и понимая, что их нельзя развеять только физическими средствами, поставила себе целью бороться с религиозным гнетом исключительно средствами пропаганды, а также разоблачать перед трудящимися обманные действия представителей духовенства в тех случаях, когда такие действия могут быть разоблачены” (открытие мошей). Таким образом, свобода совести — есть лишь *временная уступка*, дарованная исключительно потому, что религия не может быть уничтожена “только физическими” средствами. Религия — это вредное жизненное явление, которое лишь терпят и против которого борются уже не коммунисты как партия, а само правительство.

Когда в 1918–1920 гг. имели место кощунственные вскрытия мошей, советское правительство оправдывалось, говоря, что этого потребовали народные массы; теперь правительство во всеуслышание заявляет, что инициатива вскрытия мошей исходит от него и была им использована как средство для того, чтоб “разоблачить перед трудящимися обманные действия духовенства в тех случаях, когда эти действия можно обнаружить”. Так что, если какой-нибудь правительственный агент вобьет себе в голову *то, что уже было неоднократно сказано*, — доказать посредством химического анализа, что в св. потире находится не кровь Спасителя, а вино, то правительство также расценит это как обманное действие духовенства, а посему запрещенное. И нет ничего удивительного в том, что поправка к ст. 120 Кодекса, по очень точному выражению митрополита Антонина, может определять как “обманное действие” каждую церемонию богослужения (например, благословение воды, молитвы перед чудотворными образами, освящение домов и полей, и т.п.); агенты местной власти, не сдерживаемые никакой юридической нормой или поправкой к закону, в своем безумном комму-

²¹ “Не можем” (лат.), форма категорического отказа, которая использовалась папским престолом с XVI в. при отказе исполнить требования светской власти. — *Прим. пер.*

²² Имеется в виду судебный процесс над католическим духовенством 1923 г.

нистическом рвении доходят до парадоксальных приемов, стараясь “оказывать влияние” на духовенство.

2. А когда со стороны духовенства раздаются жалобы на эти незаконные меры, поскольку Конституция РСФСР дает право на религиозную пропаганду, ответ всегда готов — диктатура пролетариата. По закону, советское правительство действительно дает право на религиозную пропаганду, но в настоящее время оно не может ее позволить, поскольку нужно подготовить “несознательные народные массы”, путем образования и воспитания культуры мышления, чтобы те смогли дать отпор обманам действиям духовенства. И пока эти массы не будут подготовлены, разрешается только антирелигиозная пропаганда (атеистические газеты, праздники, процессии, спектакли, собрания, конференции и клубы). В качестве религиозной пропаганды допускается только преподавание взрослым верующим религиозных предметов, проповеди в церкви и беседы. Но здесь, как и в остальном, советское правительство неустанно следит за духовенством. Если оно замечает, что апологетические беседы о священных книгах какого-нибудь талантливой священника возбуждают у народа слишком живой интерес, то их запрещают под тем предлогом, что они “отвлекают рабочих и крестьян от их общественных интересов”... Проповеди в церкви против атеизма, *как нам авторитетно объяснили на нашем процессе*, есть *политическая агитация*, поскольку они подрывают основания коммунистической идеологии. Подобная проповедь возможна в церквях при том условии, что присутствующие имеют право возражать проповеднику... Также за политическое и контрреволюционное действие считается *отлучение коммунистов*. Хотя советская власть неуклонно требует, чтобы лица, вступающие в коммунистическую партию, были совершенно нерелигиозными, а при малейшем намеке на религию безжалостно изгоняет их из партии, тот же самый подход со стороны духовенства рассматривается как деспотизм в отношении свободы верующих. Священник не имеет права “терроризировать” прихожан, он может их только убеждать. Если духовенство с кафедры противится гражданскому браку и разводу во имя исключительно религиозных принципов, оно совершает “преступное действие”, поскольку возбуждает “несознательные массы” против советского законодательства. Если духовенство наглядно демонстрирует преследование Церкви и религии и проистекающий из этого упадок нравов, оно совершает новое преступление, “дискредитируя советскую власть в глазах народа”. Если духовенство, пользуясь правом свободных граждан, ведет среди верующих деятельность для отзыва законными средствами (воззвания, петиции, резолюции и т.п.) какого-нибудь антирелигиозного закона (как это делал архиепископ Ян Цепляк в своем циркуляре, где предлагал верующим настаивать всеми “законными” средствами, чтобы добиться разрешения иметь приходские школы для детей), то это расценивается как прямой призыв к народным массам, чтобы спровоцировать контрреволюционные действия.

3. Чтобы ослабить среди народа религиозное образование и свести религию исключительно к религиозным церемониям, советская власть повсюду уничтожает книги религиозного содержания (учебники, катехизисы, богословские труды, богослужебные книги и т.д.). Искореняют даже философские труды духовного и мистического характера (например, труды Декарта, Лейбница, Якоби, Соловьева и пр.). Богословские книги, которые мы выписываем из-за границы, конфискует таможня, и они до нас не доходят. Специальный орган по делам печати опубликовал распоряжение, запрещающее публиковать книги “военные, порнографические, духовные и мистические”. Искореняют детские книги, где находят малейшее упоминание о Боге. Одного современного писателя (хоть и совершенно нерелигиозного) чуть было не осудили за то, что в описание нравов крестьян Севера России он включил описание трех религиозных видений.

4. Беря за отправную точку принцип, что дети являются “приоритетом для республики”, советская власть в ст. 121 Уголовного кодекса запрещает преподавание религии в государственных и частных школах детям младше 18 лет. Этот закон трактуется таким образом, что запрещено не только преподавать религию детям в четырех стенах самой школы, но и вообще *таким же способом, как это делается в школах*. Следовательно, священник не имеет права собирать детей и преподавать им религию даже в церкви, поскольку это уже будет “преподавание в группе”, которое запрещено для детей младше 18 лет. Подобное преподавание религии в церкви будет “выглядеть как школа”, а это не разрешается. Кроме того, детям запрещено (специальным декретом местных властей) прислуживать в алтаре и петь в хоре.

5. Желая лишить Церковь всякой возможности внешней организации и материальной поддержки, советское правительство в ст. 122 того же Уголовного кодекса постановляет: “всякое принуждение при взимании сборов в пользу церковных и религиозных организаций или групп” карается различными мерами. Даже если какая-либо религиозная организация *позже-*

лает провести добровольный сбор, достаточно жалобы одного дурного члена, который захочет навредить этой организации: если он заявит, что проводится принудительный сбор, то организацию сразу же закроют, а ее представителей будут судить.

6. Отсюда проистекает прискорбное “давление” на карманы верующих, по очень меткому выражению митроп[олита] Антонина, с целью сделать невозможным содержание храмов и духовенства. Поборы достигают колоссальных масштабов. Цель этого заключается в том, чтобы возбудить верующих против духовенства, которое, будучи доведенным до полной нищеты, вынуждено беспрестанно просить материальных ресурсов у прихожан, а порой и подаяния на улицах. Иногда священник перегружен какой-нибудь второстепенной работой, за которую он вынужден браться, чтобы выжить, так что он больше не может исполнять свои пастырские обязанности. Но представители власти часто лишают его и этого последнего заработка. Под различными предложениями (чаще всего “сокращение штатов”) его лишают работы и общественного положения. То же самое случается с сыновьями и дочерьми священников²³. Несколько дней тому назад такое случилось с одним из моих священников, отцом Алексеем Анисимовым в Саратове.

7. В ст. 123 советская власть карает “присвоение себе религиозными или церковными организациями административных, судебных или иных публично-правовых функций и прав юридических лиц” (поскольку духовенство и религиозные организации не имеют прав юридических лиц). Таким образом, даже отлучение какого-нибудь прихожанина или осуждение духовного лица или даже наложенное на кого-нибудь простое покаяния могут послужить поводом для того, чтобы обвинить духовенство в превышении власти. Тому есть уже достаточно примеров.

8. Наконец, в ст. 123 советская власть даже хочет казаться беспристрастной и заявляет: воспрепятствование религиозным обрядам, если те “не нарушают общественного порядка” и не сопровождаются “посягательствами на права граждан”, также карается. Но тут, как и во всем остальном, правительство совершенно свободно в том, какие правила устанавливать и как трактовать слова “нарушать общественный порядок” и “посягательства на права граждан”. Порой запрещают звонить в колокола, потому что это мешает работе какого-нибудь коммунистического собрания, в иных случаях запрещают религиозные процессии, потому что они могут вызвать “взрыв религиозного фанатизма”, и т.д.

9. Наконец, уже упомянутая мною линия поведения, выработанная, чтобы создать общественное мнение в деле патриарха Тихона, тоже с успехом используется, как точно заметил митроп[олит] Антонин, для того, чтобы отобрать церкви у верующих любой религиозной организации.

Подобная линия поведения советского правительства, естественно, приводит к тем скандальным и ненормальным последствиям, о которых говорится в донесении митроп[олита] Антонина. Это организованное искоренение всякой религиозной мысли, разрушение всякой религиозной организации. Руками самой Живой церкви правительство хочет вырыть пропасть и загнать в нее этих рабов в рясах, которых оно привлекло на свою службу обманчивым призраком поддержки со стороны государства и звоном золота.

Edmund A. Walsh, SJ Papers, Georgetown University Library Booth Family Center for Special Collections, Washington, D.C., Collection GTM-GAMMS239. Box 6. Folder 409. Series Diplomatic Affairs / Russia-Church. Metropolit de Moscou Antonin au Vtzik. 03/1923. Машинописная копия. Язык оригинала — французский.

²³ Описывается последствия статуса “лишенца”.

3.

Rapport**Du métropolitain de Moscou Antonin au VTzIK****Mars 1923**

Le décret sur la séparation de l'Église et de l'État jusqu'au mois de janvier 1923 privait le culte d'un soutien juridique et matériel; il n'avait qu'un côté un peu favorable c'est qu'il permettait des attaques antireligieuses à l'assaut du culte surtout de la part des agents inférieurs du pouvoir soviétique. A partir de l'année présente, il narrait que la digue s'est rompue et sur les appareils du culte, comme d'une corne d'abondance, tomba une grêle de toutes sortes d'impôts et de paiements menaçant d'étouffer le culte. En premier lieu, ce fut le paiement de la prime d'assurance pour les églises en proportion illimitée: les croyants se récrièrent, mais ils payèrent. A peine ce versement achevé, il fut suivi d'une autre exigence fort pénible au dire de tous les croyants. C'était le prix tout à fait exorbitant pour le loyer des églises: tandis que le plus haut prix pour un local de commerce est fixé à 2 cop. en or pour une toise carrée, le loyer de l'église monte à 60 cop[ecks] en or la toise. Dans la ville de Mourome toutes les églises furent fermées à cause de l'insolvabilité des fidèles. Je ne sais comment ce conflit sera-t-il apaisé. J'en ai fait part au VTzIK (Comité Exécutif Central de toute la Russie), à présent j'ajoute le cri de détresse des communautés égorgées de la ville de Pereyaslav²⁴ dans le même gouvernement de Vladimir (annexe № 2)²⁵.

Cet orage eut à peine passé que des nouvelles rumeurs commençant à se réaliser courent parmi les croyants énervés: on parle d'une exigence prochaine des patents, assurément au prix d'un milliard, pour la vente des bougies pratiquée dans les églises, quoique les églises paient déjà l'accise d'État en achetant des bougies au lieu de leur produit.

La question de l'inventaire vivant du culte n'est pas moins pénible. Le clergé est devenu, comme le miel pour les mouches, l'objet de toutes sortes de prétentions à l'impôt. L'un d'eux ce fut l'impôt professionnel, dont les dimensions n'étaient point réglées. Après que, grâce à mes instances auprès du VTzIK, le vice-président Smidovitch m'assura que le pouvoir central trouvait cet impôt injuste et qu'il serait révoqué, et, quand, basé sur cette affirmation, je donnais des explications au clergé qui m'assaillait, les agents du pouvoir local se mirent à exiger cet impôt avec une vitesse centuplée avec des menaces d'arrestations et de confiscation des biens, comme cela a eu lieu par exemple, à Podolsk, dans le gouvernement de Moscou.

S'étant rachetés par ce paiement injuste des patents, les serviteurs du culte deviennent de nouveau sujets à des taxes administratives au profit des Comités Exécutifs du district (Volispolkome); la forme et la proportion de ces exigences sont le comble de l'injustice. Les exemples de pareilles expropriations exercées sur le prêtre maltraité et insulté, sont ci-joints (remarque №)²⁶.

²⁴ В документе ошибочно: Pereiaslav.

²⁵ Текст приложения в фонде о. Э. Уолша отсутствует.

²⁶ Здесь и далее в документе номер Приложения отсутствует.

En mettant le “pope” au rang des clients pour en extraire des impôts, le même pouvoir local impose aux prêtres toutes sortes de prescriptions gênantes au sujet de leurs obligations directes du culte et limitant leurs moyens d’existence. D’après nos anciennes traditions, le jour de la fête patronale les prêtres ont coutume de faire le tour des maisons où les fidèles veulent les recevoir pour célébrer à domicile certaines oraisons. La même chose a lieu au temps du Carême, surtout pendant l’Avent et le Carême avant Pâques.

Le pouvoir local commence à se mêler d’une manière absurde de ces fonctions intimes du culte, en les soumettant à un contrôle sans façon, obligeant les serviteurs du culte à obtenir des permissions spéciales pour ces visites chez les croyants. Mais depuis le mois de février, c’est-à-dire au commencement du Carême chez les croyants, l’activité infatigable des pouvoirs locaux dépassa toute limite de convenance: les comités locaux entravaient l’accomplissement des prescriptions du culte par les prêtres, les visites à domicile, ils eurent recours aux arrestations; en outre l’administration en province applique à l’accomplissement des cérémonies du culte l’article 120 du Code pénal qui déclare: “L’emploi des procédés trompeurs ayants pour but de provoquer les préjugés des masses populaires et d’en tirer ainsi quelque profit, est puni...” etc. et déjà six prêtres de Pavlovsky Possad ont encouru le joug de l’arrestation et le mandement en justice (Annexe:). Ainsi, d’un côté dans les listes publiées de toutes sortes d’impôts: pour les loyers, les patents, le transport et autres, les serviteurs du culte sont rangés parmi les personnes *de professions libres*, de l’autre — leur profession et l’accomplissement des obligations professionnelles à domicile chez les croyants sont qualifiés comme *procédés trompeurs ayant pour but la provocation des préjugés*, c’est-à-dire actions criminelles.

Les ébauches futuristes sur l’application du décret sur la séparation de l’Église et de l’État ne pourraient aller plus loin.

A Pavlovsky Possad aux lamentations des victimes des inventions du président de l’Ispolkome ce dernier répliqua: “que le pouvoir central me le dise, si mes actions sont injustes”. De la sorte le représentant du pouvoir local veut obtenir un accroissement de sa science administrative au prix des expériences sur des serviteurs du culte innocents.

Je prie le pouvoir central de défendre les serviteurs du culte contre les persécutions pénales impossibles dans l’accomplissement des strictes obligations du culte et de garantir de la sorte le moyen d’exercer librement et sans obstacles les fonctions du culte à domicile d’après les traditions du culte.

Je ne puis pas me taire non plus sur la circonstance que la liberté de la profession du culte est menacée d’un danger plus grave, qu’en outre grâce au consentement de l’organe ecclésiastique inférieur, l’Administration du Soviet de Moscou, l’expropriation des édifices des églises les soustrayant de l’usage des croyants. Au mois de décembre on s’attaqua à une église aux environs du monastère Rojdestvensky à Moscou, sans aucun motif et au beau milieu de l’hiver, on priva les croyants de l’unique église avec chauffage; l’ancien appartement ecclésiastique destiné pour un club est fermé il y a bientôt trois mois, et les fidèles doivent s’abriter dans une niche. Dans la ville de Podolsk (gouvernement de Moscou) l’église Des douleurs (Skorbiaschensky) fut expropriée en faveur d’un club malgré l’opposition unanime des ouvriers du lieu

qui proposaient à la nommée organisation de faire réparer à leurs frais l'un des appartements inoccupés, mais l'organisation d'opinion arrêtée mena l'attaque contre l'église. A présent, même à Moscou, on veut s'emparer de force de quelques vastes églises pour les transformer en clubs ce qui cause un dommage évident aux fidèles.

Il y a quatre jours l'action des communistes a produit vis-à-vis d'une protestation silencieuse des ouvriers aux trois usines (anc[ienne] Goujon et autres) la résolution de s'emparer de l'imposante église de St Martin le Confesseur, dans la Taganka, rue Alexeevsky, afin de la transformer en club pour les ouvriers, le même sort menace la majestueuse église de St Nicolas dans la Novaia Sloboda, rue Dolgorukovsky, et dans beaucoup d'autres endroits l'expropriation de l'église menace de tomber à l'improviste sur la tête des fidèles. Mon ouïe est devenu en ces derniers jours un porte-voix pour recueillir les inquiétudes extrêmes des fidèles au sujet de la "liberté du culte", qui à part la persécution idéologique est menacée d'être étouffée et exploitée en voie administrative et économique. Le pouvoir soviétique s'inspire d'idées communistes et quoique je comprenne parfaitement bien sa sympathie pour un genre de vie athée, mais je dois examiner sérieusement le fait que 95% de fidèles sont assujettis à ce pouvoir, et même au point de vue d'athée on ne pourrait les traiter en criminels, ce sont des enfants par leur âge et le pouvoir ne doit pas leur être hostile mais bienveillant.

Le même pouvoir soviétique n'empêche pas, par exemple, le commerce de joujoux enfantins.

Le même pouvoir soviétique entend les recommandations souvent répétées par le commissaire sanitaire Semaschko au sujet des funestes suites de l'usage du tabac et néanmoins il ne met aucun obstacle à cette habitude, qui ruine la santé physique. C'est uniquement le culte qui est l'objet à une perquisition préméditée. Je n'ai rien contre la propagande de l'athéisme, je comprends la lutte idéologique des principes et des convictions, mais j'exprime un profond regret à cause des persécutions administratives officielles dirigées contre le culte comme tel tandis qu'existent en même temps de telles garanties du culte comme "la liberté de conscience", "la séparation de l'Église et de l'État" et la dénomination constante du culte, de la part du système d'impôts, comme "profession libre".

J'ai le droit de le dire parce que pas plus tard que le vendredi passé je fus mandé par le Gué-Pé-Ou (Organe principal de surveillance politique) qui m'indiqua, comme au représentant et directeur officiel de la vie ecclésiastique, que les tendances contrerévolutionnaires et antisoviétiques croissant parmi les fidèles, j'étais responsable d'une pareille disposition d'esprits. Et cependant, depuis le commencement de cette année, j'entends de tous côtés le gémissement des fidèles contre les mesures de liquidation et de l'étouffement économique du culte; je suis placé entre deux feux: d'un côté c'est l'excitation du communisme des fidèles excessive, de l'autre — un problème miraculeux — de créer la sympathie des fidèles pour le régime présent. Le pouvoir qui nie le miracle, exige de moi un miracle — c'est de vaincre le caractère contrerévolutionnaire des masses croyantes tandis que ces masses ne cessent de voir et d'entendre chaque jour des procédés qui menacent leur instinct de conservation religieuse, ce nerf si vif et reconnu par la loi.

Le décret sur la séparation de l'Église et de l'État en ce moment est annulé en pratique, le Vé-Tsé-Ou (Administration supérieure de l'Église) s'est transformé en une section du Gué-Pé-Ou, le culte est devenu l'objet d'une exploitation économique forcée, surtout en province. Tout ce qu'il y avait de précieux dans ce décret de séparation, tout ce qui donnait au moins quelques garanties de liberté du culte — tout cela a disparu. Il ne reste que le fâcheux: l'absence de tout frein, le manque de tact, les mesures continuelles à l'adresse du culte et l'exigence de son étouffement par force.

Je prie le VTzIK. Je prends en considération la psychologie tragique des fidèles qui veulent croire et prier à leur manière et demeurer citoyens fidèles de leur patrie et de leur gouvernement soviétique, créé dans l'orage de la Révolution. A ce qu'il paraît tout cela leur est garanti pleinement par les grandes chartes: la liberté de conscience, la séparation de l'Église de l'État et la déclaration officielle que le culte est une profession libre; mais, en réalité, toutes ces déclarations sont une cruelle ironie; en réalité, toi, "libre professeur", si tu as trouvé un emploi dans une institution soviétique et si tu veux travailler honnêtement, il n'en est rien. A cause de ta libre profession on te fait démissionner librement, ton atelier (ton temple) est pris en un clin d'œil, au moment voulu, sans aucun motif, par un seul caprice d'un groupe athée quelconque, et l'on te chasse dans la rue. Enfin, les fonctions de ta libre profession sont qualifiées exprès de "procédés trompeurs, ayant pour but la provocation des préjugés" et pour lesquelles on t'emprisonne librement. La seule chose que tu peux faire en toute liberté c'est de vider ta poche, sous ce rapport le pouvoir t'écrase d'impôts allant jusqu'aux ordres catégoriques mais tout à fait déraisonnables: verser une telle somme en valeur de l'an 1922, à tel endroit, et rien de plus.

En province les Ispolkomes peu conscients, surtout ceux du district, ont inauguré un vrai jeu de hasard, une course à qui mieux pour inventer des moyens de persécutions du culte; le fidèle ordinaire et surtout le libre professeur — serviteur du culte — se trouve dans la position d'un lièvre pourchassé, qu'on fait courir aux cris des chasseurs "atou" et l'abolement des chiens. Un peu plus loin, les savants observateurs montrent le lièvre du doigt en disant: "voyez, il court donc tout à fait librement, personne ne le tient et personne ne l'attrape". Quelle cruelle ironie. Il n'est pas permis de tranquilliser les croyants par les mirages de liberté et de créer en même temps une atmosphère et une psychologie de persécution. On ne peut pas déchirer un homme en deux: d'un côté lui imposant le devoir de changer la politique de l'Église, et de l'autre exposant chaque jour ces mêmes hommes à la fureur des croyants et une impossibilité psychologique d'ascendant moral sur les croyants, lorsque ces [prêtres]²⁷ sont fictivement nommés "des personnes de profession libre" et qu'en réalité ils sont battus chaque jour et harassés de paiements.

Je demande non pas une grâce, mais une attention sérieuse, au dire de Hegel, un moyen poli de faire démissionner Dieu, c'est-à-dire la tolérance.

²⁷ В документе ошибочно: "croyants".

Перевод**Донесение****Митрополита московского Антонина во ВЦИК****Март 1923²⁸**

Декрет об отделении Церкви от государства до января 1923 года лишил религию юридической и материальной поддержки; у него была лишь одна немного благоприятная сторона — то, что он позволял антирелигиозные нападки на веру только со стороны внутренних агентов советской власти. С нынешнего года, как говорят, дамбу прорвало, и на служителей веры, как из рога изобилия, пролился дождь всевозможных налогов и платежей, которые грозят удушить религию. В первую очередь, это была выплата страховой премии за церкви в невообразимой пропорции: верующие возопили, но заплатили. Едва прошла эта плата, как за ней последовало новое, крайне мучительное, по словам верующим, требование. Это была совершенно астрономическая плата за аренду церквей: в то время как самая высокая цена на торговое помещение установлена в размере 2 коп[еек] золотом за квадратный туа²⁹, арендная плата для церкви составляет 60 коп. золотом за туа. В Муроме все церкви были закрыты из-за неплатежеспособности верующих. Не знаю, как будет улажен этот конфликт. Я сообщил о нем во ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет), а теперь передаю вопль отчаяния от обобранных общин Переславля в той же Владимирской губернии (приложение 2)³⁰.

Едва прошла эта буря, как новые слухи, начинающие сбываться, ходят среди встревоженных верующих: говорят о скором требовании патентов, явно по цене в миллиард, на продажу свечей в церкви, хотя церкви уже платят государственный акциз, пользуясь покупными свечами вместо собственных.

Не менее болезненный вопрос о живой описи служителей культа. Духовенство, как мед для мух, стало предметом всевозможных претензий на налоги. Одним из них был профессиональный налог, размер которого не был урегулирован. После того как, благодаря моим настояниям во ВЦИК, заместитель председателя Смидович уверил меня, что центральная власть находит этот налог несправедливым и что он будет отменен, и когда на основе этих утверждений я давал разъяснения осаждавшему меня духовенству, агенты местной власти принялись требовать этот налог в сто раз активнее и угрожали арестами и конфискацией имущества, как это случилось, например, в Подольске в Московской губернии.

Служители веры выкупили себя, несправедливо оплачивая патенты, но теперь снова стали предметом административных поборов в пользу Волисполкомов (Исполнительных комитетов волостных советов); форма и размеры этих претензий являются верхом несправедливости. Прилагаю (примечание № ³¹) примеры подобных экспроприаций, которым подвергается гонимый и оскорбляемый священник.

Поставив “попа” в ранг клиентов, чтобы требовать у него налоги, та же местная власть налагает на священников всевозможные стеснительные предписания насчет их прямых обязанностей по отправлению культа и ограничивающие их средства существования. По нашим древним традициям, в день престольного праздника священники имеют обыкновение обходить дома, где верующие хотят их принять и отслужить дома определенные требы. То же самое происходит во время постов, особенно Рождественского и Великого поста перед Пасхой.

Местная власть начинает абсурдно вмешиваться в сокровенные функции культа, подвергая их невообразимому контролю, обязывая служителей культа получать особые разрешения на такие посещения верующих. Но с февраля, то есть с начала Великого поста у верующих, неустанная деятельность местных властей превзошла все пределы допустимого: местные комитеты препятствовали исполнению предписаний культа священниками, посещениям домов, прибегали к арестам. Кроме того, администрация в провинции применяет к исполнению религиозных обрядов статью 120 Уголовного кодекса, где говорится: “Совершение обманных действий с целью возбуждения суеверия в массах населения, а также с целью извлечь таким путем какие-

²⁸ Название и дата документа даны, очевидно, о. Л. Федоровым.

²⁹ Французская мера длины, использовавшаяся до введения метрической системы, 1 туа = 1,949 м. — *Прим. пер.*

³⁰ Текст приложения в фонде о. Э. Уолша отсутствует.

³¹ Здесь и далее в документе номер Приложения отсутствует.

либо выгоды, карается...” и т.д., и уже шесть священников из Павловского Посада испытали бремя ареста и предстали перед судом (Приложение:). Таким образом, с одной стороны, в опубликованных списках всевозможных налогов — на аренду, патенты, транспорт и прочее — служители веры относятся к лицам *свободных профессий*, с другой, их профессия и исполнение профессиональных обязанностей на дому у верующих квалифицируются как *обманные действия с целью возбуждения суеверия*, то есть преступные действия.

Футуристические наметки применения декрета об отделении Церкви от государства не могли бы пойти еще дальше.

В Павловском Посаде на жалобы жертв изобретений председателя Исполкома последний ответил: “пусть центральная власть скажет мне, если мои действия несправедливы”. Получается, представитель местной власти желает увеличить свою управленческую ученость ценой опытов на невинных служителях культа.

Я прошу центральную власть защитить служителей культа от невозможных уголовных преследований при исполнении строгих предписаний культа и гарантировать тем самым средство для свободного и беспрепятственного отправления богослужебных функций на дому, согласно церковной традиции.

Я также не могу умолчать о том обстоятельстве, что свобода проповеди находится под более сильной угрозой, что к тому же, благодаря согласию нижестоящего церковного органа, Президиума московского совета [l'Administration du Soviet de Moscou] (свободе проповеди угрожает еще большая опасность, а именно, что [решением] Президиума Московского совета, с согласия нижестоящего церковного органа, церковные здания могут быть экспроприированы и т.д. — *Прим. ред.*), церковные здания могут быть экспроприированы, став недоступными для использования верующими. В декабре набросились на церковь в окрестностях Рождественского монастыря в Москве, без какого-либо мотива и прямо посреди зимы верующих лишили единственной отапливаемой церкви. Бывшая квартира духовенства, предназначенная для клуба, закрыта почти три месяца, и верующие должны укрываться в подворотне. В Подольске (Московская губерния) Скорбященская церковь была экспроприирована в пользу какого-то клуба, вопреки единодушному сопротивлению местных рабочих, которые предлагали указанной организации отремонтировать за свой счет одну из незанятых квартир, но упорная организация вела наступление на церковь. В настоящее время даже в Москве хотят силой захватить несколько просторных церквей, чтобы превратить их в клубы, что причиняет верующим очевидный ущерб.

Четыре дня тому назад коммунисты, несмотря на молчаливый протест рабочих трех заводов (бывший Гужона и др.), решили захватить величественную церковь св. Мартина Исповедника на Алексеевской улице, на Таганке, чтобы превратить ее в клуб для рабочих; та же судьба угрожает великолепной церкви св. Николая в Новой слободе, на Долгоруковской улице, и во многих других местах экспроприация церквей грозит пасть на верующих, как снег на голову. В последние дни мои уши полны тревожными сетованиями верующих насчет “свободы культа”, которой, помимо идеологических преследований, грозит опасность быть задушенной и эксплуатируемой административным и экономическим путем. Советская власть вдохновляется коммунистическими идеями, и хотя я прекрасно понимаю ее симпатию к атеистической жизни, мне нужно серьезно изучить тот факт, что 95% верующих подчиняются этой власти, и даже с атеистической точки зрения их нельзя было бы рассматривать как преступников: по своему [умственному] развитию это дети, и власть должна быть к ним не враждебна, а снисходительна.

Та же советская власть не препятствует, к примеру, торговле детскими игрушками.

Та же советская власть слышит часто повторяемые наркомом здравоохранения Семашко рекомендации относительно пагубных последствий употребления табака и все же никак не препятствует этой привычке, подрывающей физическое здоровье. Только поклонение Господу становится предметом планомерных преследований. Я не имею ничего против пропаганды атеизма, я понимаю идеологическую борьбу принципов и убеждений, но выражаю глубокое сожаление по поводу официальных административных преследований, направленных против поклонения Господу как такового, в то время как существуют такие его гарантии, как “свобода совести”, “отделение Церкви от государства” и постоянное определение культа в системе налогообложения как “свободной профессии”.

Я имею право говорить это, потому что не далее, как в минувшую пятницу, меня вызвали в ГПУ (Главное политическое управление), где мне как представителю и официальному руководителю церковной жизни указали, что среди верующих растут контрреволюционные и антисоветские настроения, и я ответствен за подобные умонастроения. Между тем с начала

года я со всех сторон слышу стенания верующих по поводу мер уничтожения и экономического удушения церковной жизни. Я нахожусь меж двух огней: с одной стороны, чрезмерное возбуждение верующих к коммунизму, с другой — задача из разряда чудес — взрастить в верующих симпатию к нынешнему режиму. Власть, отрицающая чудо, требует от меня чуда — сломить контрреволюционный характер верующих масс, при том, что эти массы неперестанно, изо дня в день, видят и слышат происки, угрожающие их инстинкту религиозного самосохранения, этому живому нерву, признанному законом.

Декрет об отделении Церкви от государства в настоящее время на практике отменен, ВЦУ (Высшее Церковное Управление) превратилось в отделение ГПУ, культ стал предметом усиленной экономической эксплуатации, особенно в провинции. Всё, что было ценного в этом декрете об отделении, всё, что хотя бы давало какие-то гарантии свободы культа, — всё это исчезло. Осталось лишь возмутительное: отсутствие всяких тормозов и такта, постоянные меры в отношении культа и требования силой его задушить.

Я прошу ВЦИК. Я принимаю во внимание трагическую психологию верующих, которые хотят верить и молиться по-своему и оставаться верными гражданами своей родины и своего советского правительства, созданного в бурю Революции. Как кажется, всё это полностью гарантируется главными законами: свобода совести, отделение Церкви от государства и официальное объявление культа свободной профессией, но в реальности все эти заявления — это жестокая ирония. В реальности ты, “лицо свободной профессии”, если и нашел работу в каком-нибудь советском учреждении и хочешь честно работать, ничего не получится. Из-за твоей свободной профессии тебя заставляют свободно уволиться, твою мастерскую (храм) захватывают в мгновение ока, как только пожелают, без всякой причины, просто по капризу какой-нибудь атеистической группы, а тебя выгоняют на улицу. Наконец, функции твоей свободной профессии намеренно квалифицируются как “обманные действия с целью возбуждения суеверия”, и за них тебя свободно сажают в тюрьму. Единственное, что ты можешь делать совершенно свободно, это опустошать свои карманы: в этом отношении власть давит тебя налогами вплоть до категорических, но совершенно безумных распоряжений — выплачивать такую-то сумму за 1922 год, в таком-то месте, и ничего более.

В провинции несознательные Исполкомы, особенно волостные, затеяли настоящую азартную игру: гонку за тем, кто придумает новые способы преследовать поклонение Господу. Рядовой верующий и, в особенности, лицо свободной профессии — служитель культа — находится в положении зайца, на которого охотятся: его гоняют охотники криками “ату” и лаем собак. Чуть поодаль ученые наблюдатели показывают на зайца пальцем и говорят: “Смотрите, он бежит совершенно свободно, никто его не держит и не ловит”. Какая жестокая ирония. Нельзя успокаивать верующих миражами свободы и в то же время создавать атмосферу и психологию преследований. Нельзя раздрать человека надвое: с одной стороны, вменить ему в долг изменить политику Церкви, а с другой — каждый день сталкивать тех же самых людей с яростью верующих и психологической невозможностью нравственного авторитета в глазах верующих, если этих [священников]³² фиктивно называют “лицами свободных профессий”, а в действительности каждый день бьют и мучают поборами.

Я прошу не милости, а серьезного внимания, по выражению Гегеля, — вежливого способа отправить Бога в отставку, то есть терпимости.

Edmund A. Walsh, SJ Papers, Georgetown University Library Booth Family Center for Special Collections, Washington, D.C., Collection GTM-GAMMS239. Box 6. Folder 409. Series Diplomatic Affairs / Russia-Church. Metropolit de Moscou Antonin au Vtzik. 03/1923. Машинописная копия. Язык оригинала — французский. Вверху первого листа рукописная помета по-английски: *Протест во Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) от архиепископа Антонина из Красной церкви.*

³² В оригинале ошибочно: “верующих”.

Список сокращений:

ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет

НКЮ — Народный комиссариат юстиции

ЦК РКП(б) — Центральный комитет Российской коммунистической партии (большевиков)

Литература

1. Архивы Кремля — Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1-2 (1997–1998). М. Новосибирск.
2. Беглов 2019 — Беглов, А. Л. (2019). Мольбы о помощи. Письма православных верующих Папе Римскому 1931 г.: Новые документы из архивов Ватикана. *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви*, 91, 135–152.
3. Беглов, Токарева 2018 — Беглов, А. Л. и Токарева, Е. С. (2018). Судебный процесс над католическим духовенством 1923 г. в освещении посланца Ватикана в России. *Электронный научно-образовательный журнал "История"*, т. 9, 4(68) [Электронный ресурс]. doi:10.18254/S0002218-8-1.
4. Белякова 2021 — Белякова, Н. А. (2021). Поездка кардинала Ф. Кёнига по Советскому Союзу в 1980 г.: церковная дипломатия в условиях холодной войны. *Российская история*, 5, 97–104. doi:10.31857/S086956870016596-6.
5. Бурман 1966 — Бурман, В. фон. (1966). *Леонид Федоров: Жизнь и деятельность*. Рим.
6. Косик 2013 — Косик, О. В. (2013). *Голоса из России: Очерки сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е — начало 1930-х годов)*. М.: ПСТГУ.
7. Кривова 1997 — Кривова, Н. А. (1997) *Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства*. М.: АИРО.
8. Левитин-Краснов, Шавров 1996 — Левитин-Краснов, Э. и Шавров, В. М. (1996). *Очерки по истории русской церковной смуты*. М.; Kusunacht.
9. Парфентьев 2004 — Парфентьев, П. (2004). "С терпением мы должны нести крест свой...": документы и материалы о жизни и деятельности блаженного священномученика экзарха Леониды (Федорова). СПб.
10. Петров 2002 — Петров, С. Г. (2002). *Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925)*. М.
11. Петров 2006а — Петров, С. Г. (2006). "Социалистическое государство стало на путь эксплуатации культа": обновленческий митрополит Антонин (А. А. Грановский) о незаконных налогах на духовенство. *Гуманитарные науки в Сибири*, 2, 85–89.
12. Петров 2006б — Петров, С. Г. (2006). Советские налоги и Православная Церковь в первой половине 1920-х годов. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*, 5, вып. 1 (дополнительный): История, 57–62.
13. Токарева 2003 — Токарева, Е. С. (2003). Отношения СССР и Ватикана: от переговоров к разрыву 1922–1929 гг. (краткий обзор по материалам отечественных архивов). *Россия и Ватикан в конце XIX — первой трети XX века*. Ред. Е. С. Токарева, А. В. Юдин. М. СПб., 260–320.
14. Токарева 2007 — Токарева, Е. С. (2007). Проблемы статуса католической иерархии в переговорах СССР и Святого Престола в 20-е годы XX века. *Россия и Ватикан*, 2. М., 147–180.
15. Токарева 2020 — Токарева, Е. С. (2020). Эдмунд Уолш, планы Ватикана и российская действительность 1922–1923 гг. *Российская история*, 4, 188–204. doi:10.31857/S086956870010787-6.
16. Фадеев, Шебалин 2021 — Фадеев, И. А., Шебалин, Д. Д. (2021). "Правительство само регламентирует догматы Церкви так, как это ему кажется более выгодным..." Экзарх Л. Федоров о религиозной политике Советской власти. *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение*, 95, 109–122. doi:10.15382/stur1202195.109-122.
17. Фриз 2020 — Фриз, Г. (2020). "Entangled History" и религиозная повседневность в СССР. *Электронный научно-образовательный журнал "История"*, 11, 7(93) [Электронный ресурс]. doi:10.18254/S207987840010690-8.
18. Юдин 2002 — Юдин, А. (2002). *Леонид Федоров*. М.
19. Freeze, Beglov, Beliakova, Tokareva 2020 — Freeze, G., Beglov, A., Beliakova, N. and Tokareva E. (2020). "Catholics in the Soviet Union: New Research and New Sources on Everyday Religious Life (1917–1958)." *The Catholic Historical Review*, 106(3): 477–489. doi:10.1353/cat.2020.0050.
20. Maillieux 1964 — Maillieux, P. (1964). *Exarch Leonid Feodorov: Bridgebuilder Between Rome and Moscow*. N. Y.

References

1. Arkhivy Kremliia — *Archives of the Kremlin. The Politburo and the Church. 1922–1925*. Kn. 1–2 (1997–1998). M. Novosibirsk.
2. Beglov 2019 — Beglov, A. L. (2019). Plea for Help. Letters of Orthodox Believers to the Pope in 1931: New Documents from the Vatican Archives. *Vestnik PSTGU. Serii II: Istorii. Istorii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 91, 135–152.
3. Beglov, Tokareva 2018 — Beglov, A. L. and Tokareva, E. S. (2018). The Trial of the Catholic Clergy in 1923 in the Coverage of the Vatican Envoy in Russia. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istorii"*, 9, 4(68) doi:10.18254/S0002218-8-1.
4. Beliakova 2021 — Beliakova, N. A. (2021). Cardinal F. Koenig's trip to the Soviet Union in 1980: Church Diplomacy in the Cold War. *Rossiiskaia istoriia*, 5, 97–104. doi:10.31857/S086956870016596-6.
5. Burman 1966 — Burman, V. fon. (1966). *Leonid Fedorov: Life and Activity*. Rome.
6. Kosik 2013 — Kosik, O. V. (2013). *Voices from Russia: Essays on collecting and transmitting information abroad about the situation of the Church in the USSR (1920s – early 1930s)*. M.: PSTGU.
7. Krivova 1997 — Krivova, N. A. (1997). *Power and the Church in 1922–1925. Politburo and GPU in the struggle for church values and political subordination of the clergy*. M.: AIRO.
8. Levitin-Krasnov, Shavrov 1996 — Levitin-Krasnov, E. and Shavrov, V. M. (1996). *Essays on the History of the Russian Church Troubles*. M.; Kusnacht.
9. Parfent'ev 2004 — Parfent'ev, P. (2004). *"With patience we must bear our cross...": documents and materials on the life and work of the blessed Hieromartyr Exarch Leonid (Fedorov)*. SPb.
10. Petrov 2002 — Petrov, S. G. (2002). *Documents of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) as a source on the history of the Russian Church (1921–1925)*. M.
11. Petrov 2006a — Petrov, S. G. (2006). "The socialist state has embarked on the path of cult exploitation": the Renovationist Metropolitan Antonin (A. A. Granovsky) on illegal taxes on the clergy. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2, 85–89.
12. Petrov 2006b — Petrov, S. G. (2006). Soviet taxes and the Orthodox Church in the first half of the 1920s. *Vestnik NGU. Serii: Istorii, filologiiia*, 5, vyp. 1 (supplement): Istorii, 57–62.
13. Tokareva 2003 — Tokareva, E. S. (2003). Relations between the USSR and the Vatican: from negotiations to rupture 1922–1929. (a brief overview of the materials of the national archives). *Russia and the Vatican at the end of the XIX – first third of the XX century*. Red. E. S. Tokareva, A. V. Iudin. M. SPb., 260–320.
14. Tokareva 2007 — Tokareva, E. S. (2007). Problems of the status of the Catholic hierarchy in the negotiations of the USSR and the Holy See in the 20s of the twentieth century. *Rossiiia i Vatikan*, 2. M., 147–180.
15. Tokareva 2020 — Tokareva, E. S. (2020). Edmund Walsh, Vatican Plans and Russian Reality 1922–1923. *Rossiiskaia istoriia*, 4, 188–204. doi:10.31857/S086956870010787-6.
16. Fadeev, Shebalin 2021 — Fadeev I. A., Shebalin D. D. (2021). "The government itself regulates the dogmas of the Church in the way it seems more profitable to it..." Exarch L. Fedorov on the religious policy of the Soviet government. *Vestnik PSTGU. Serii I: Bogoslovie. Filosofii. Religiovedenie*, 95, 109–122. doi:10.15382/sturl202195.109-122.
17. Friz 2020 — Friz G. (2020) "Entangled History" and religious everyday life in the USSR. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istorii"*, 11, 7(93). doi:10.18254/S207987840010690-8.
18. Iudin 2002 — Iudin, A. (2002). *Leonid Fedorov*. M.
19. Freeze, Beglov, Beliakova, Tokareva 2020 — Freeze, G., Beglov, A., Beliakova, N. and Tokareva E. (2020). "Catholics in the Soviet Union: New Research and New Sources on Everyday Religious Life (1917–1958)." *The Catholic Historical Review*, 106(3): 477–489. doi:10.1353/cat.2020.0050.
20. Mailleux 1964 — Mailleux, P. (1964). *Exarch Leonid Fedorov: Bridgebuilder Between Rome and Moscow*. N. Y.

Проповеди Августина — “свидетельства бурлящей жизни”: вдохновение для нового прочтения

Хубертус Р. Дробнер

Публикация представляет перевод открытого доклада, состоявшегося 30 января 2021 г. в Римском институте Гёрресовского общества в Кампо Санта Тевтонико в Ватикане. Проф. др. Х. Дробнер (Германия, Падерборн) — один из ведущих современных исследователей и переводчиков гомилетического наследия блж. Августина, представил перспективу интерпретации некоторых из его проповедей, в которых наиболее ярко проявились подробности живой и бурной повседневности христианской общины Северной Африки. Эти проповеди, насыщенные бытовыми деталями и специфическим африканским колоритом, мало привлекали внимание средневековых переписчиков и были “обретены” для научного мира только в конце XX в., оказав значительное влияние на изменение восприятия гомилетического и богословского наследия блж. Августина. Проф. др. Дробнер особенно акцентирует важность этих проповедей в качестве исторического и богословского источника по истории Церкви начала V в.

Ключевые слова: Августин, перевод, Дробнер.

Перевод осуществлен И. Н. Бузыкиной и М. Перст с разрешения автора.

Оригинальная публикация: *Römische Quartalschrift*. 2021;116(1-2):1-13.

Рукопись получена 20.12.2021

Принята к публикации 24.12.2021

Для цитирования: Hubertus R. Drobner. Проповеди Августина — “свидетельства бурлящей жизни”: вдохновение для нового прочтения. *Российский журнал истории Церкви*. 2021;2(4):66-79. doi:10.15829/2686-973X-2021-78

Augustins Predigten: “Dokumente prallen Lebens”. Animation zu frischer Lektüre

Hubertus R. Drobner

This publication is a translation of the original transcript of the public lecture, presented on January, 30, 2021 at Roman Institute of Goerres Society in Campo Santo Teutonico, Vatican. Prof. Dr. Dr. Hubertus R. Drobner (Germany, Paderborn), one of the leading researchers and translators of St Augustine’s homiletic legacy, has presented a perspective of interpretation for some of St Augustine’s sermons containing the most vibrant details of turbulent life of North African Christian community. These sermons filled with everyday details, which were characteristic and important for local community did not draw much attention among mediaeval scribes and were discovered for the scientific research only by the end of 20th century and had a great impact on the reception of St Augustine’s homiletic and theological legacy. In his interpretation of homiletic part of St Augustine’s heritage, Prof. Dr. Drobner particularly emphasizes the importance of these sermons as a historical and theological source on the history of the Church in the early 5th century.

Keywords: Augustine, translation, Drobner.

Translated by I. N. Buzykina and M. Perst with the author's permission.

Original publication: *Römische Quartalschrift*. 2021;116(1-2):1-13.

Received: 20.12.2021

Accepted: 14.12.2021

For citation: Hubertus R. Drobner. Augustins Predigten: "Dokumente prallen Lebens". Animation zu frischer Lektüre. *Russian Journal of Church History*. 2021;2(4):66-79. (In Russ.) doi:10.15829/2686-973X-2021-78

Около тридцати лет назад, в 1990 г., французский филолог Франсуа Дольбо обнаружил в одной из рукописей, хранящейся в городской Научной библиотеке Майнца (HS I 9) и датируемой около 1470 г., 26 новых аутентичных проповедей великого отца Церкви — Августина Иппонийского¹. Эта рукопись изначально принадлежала библиотеке майнского картезианского монастыря. Когда монастырь был упразднен курфюрстом-архиепископом Фридрихом Карлом Йозефом фон Эрталем ради финансирования нового университета Майнца в 1781 г.², рукопись вошла в состав университетской библиотеки. Когда французские оккупационные власти закрыли в 1798 г. университет, рукопись была передана в Майнцскую городскую библиотеку, где она хранилась почти 200 лет некаталогизированной³. Только каталог 1990 г. вернул ее в поле зрения общественности⁴.

В настоящее время сомнений в истинности 26 новых проповедей Августина не остается. Их аутентичность бесспорно подтверждалась как внутренними, так и внешними свидетельствами. Однако встал вопрос: почему эти проповеди сохранились в единственной рукописи, и к тому же настолько поздней, датируемой около 1470 г.?

Известный биограф Августина, Питер Браун, так объясняет их судьбу⁵: "Проповеди Дольбо, как я предполагаю, переписывались в Средние века реже, чем другие ... проповеди Августина, именно из-за *тех* их качеств,

¹ Augustin d'Hippone, Vingt-six sermons au peuple d'Afrique. Retrouvés à Mayence, édités et commentés par François DOLBEAU (= Collection des Études Augustiniennes, Série Antiquité 147), Paris 1996; 2e édition revue et corrigée, Paris 2009. Vgl. Gerhard May/GEESCHE HÖNSCHEID (Hrsgg.), Die Mainzer Augustinus-Predigten. Studien zu einem Jahrhundertfund = VIEG 59 (2003).

² Если быть точнее, архиепископу пришлось распустить несколько монастырей ради поддержания жизни и реформирования Университета. Однако спустя десять лет в ходе бурных событий Французской революции и жизни недолговечной Майнской республики Университет пришел в упадок и возрожден был только после Второй мировой войны, в 1946 г., по инициативе французского оккупационного правительства (Университет имени Иоганна Гуттенберга в Майнце). — Прим. пер.

³ Cp. Annelen OTTERMANN, La Bibliothèque de Mayence est mise à la disposition de la commune. Geburtsjahre einer Bibliothek: DIES./Stephan FLIEDNER (Hrsgg.), 200 Jahre Stadtbibliothek Mainz (= Veröffentlichungen der Bibliotheken der Stadt Mainz 52), Wiesbaden 2005, 31-34.

⁴ Die Handschriften der Stadtbibliothek Mainz, Band I: Hs I 1 — Hs I 150. Beschrieben von Gerhard LIST und GERHARDT ROWITZ, Wiesbaden 1990, 31-37. Рукопись была уже в 1977 г. однажды осмотрена, но ее значение не было установлено; cp. Rainer KURZ, Die handschriftliche Überlieferung der Werke des heiligen Augustinus V/2: Bundesrepublik Deutschland und Westberlin. Verzeichnis nach Bibliotheken. Unter Mitarbeit von Werner JOBST und Erich ROTH = SÖAW.PH 350 (1979) 268.

⁵ Peter Brown, Augustine the Bishop in the Light of New Documents: Patristica. Proceedings of the Colloquia of the Japanese Society for Patristic Studies, Supplementary Volume 1 (2001) 131-152, hier: 134 f.

которые делают их столь увлекательными для современного историка: они были слишком богаты деталями повседневной жизни, слишком мало заняты вневременными богословскими темами, слишком укоренены в земле далекой Африки V в. Монахи и клирики Северной Европы, которые все еще усердно читали и переписывали формальные труды Августина, уделяли мало внимания этим *свидетельствам бурлящей жизни*⁶. Они были слишком наполнены деталями мира, который средневековое христианство обошло вниманием. Что касается самого Августина, то Франсуа Дольбо, первооткрыватель Майнцских проповедей, нашел совершенно точные слова: чтение таких проповедей — это опыт, который можно сравнить только с чувством, которое вызывает запись голоса давно ушедшего друга⁷. Но каков в действительности тон этого голоса? Одно должно быть нам ясно. Это не голос Августина-философа и лишь изредка — богослова. Это голос епископа Августина⁸.

Можно добавить такую трактовку: это голос Августина как собрата, христианина и пастыря душ, который не только провозглашает высокое богословие, но в то же время проповедует смело и злободневно, находя при этом понятные слова, и всегда имеет в виду конкретную ситуацию своих слушателей и настоящего момента. Об этом живо свидетельствуют не только *Проповеди* Дольбо, но весь корпус его проповедей.

I. “Горячая мостовая” Карфагена

(*Sermo Dolbeau 2*)

Сколь жарок климат Северной Африки, столь же горячо вскипает кровь ее жителей, — это довелось испытать Августину во время одной из проповедей в Карфагене на собственном опыте (*Sermo Dolbeau 2*)⁸.

Аврелий, епископ Карфагена⁹, настоятельно призывал Августина в середине зимы [произнести] ряд проповедей. И хотя Августин неохотно путешествовал зимой, он все же ради дружбы принял это приглашение. Публичная речь такого знаменитого оратора, как Августин, была событием, на которое тогда люди стекались, как на поп-концерт¹⁰. Августин сам свидетельствует в той же проповеди о “великом рвении” и “очевидном стремлении что-то услышать” (§ 1).

Сидячих мест или билетов для слушателей, естественно, не было. Люди стояли в церкви. Только проповедник, епископ, сидел обыкновенно в центре апсиды на синтроне. Поэтому те, кто хотели его хорошо слы-

⁶ В оригинале — *des prallen Lebens*, буквально “бурной, насыщенной, настоящей жизни”, или “бьющей ключом”. — *Прим. пер.*

⁷ Cp. François DOLBEAU, *Nouveaux sermons de saint Augustin pour la conversion des païens et des donatistes* (III): REAug 38 (1992) 50-79, hier: 51 [= DOLBEAU 1996/²2009 (oben Anm. 1), 315-344, hier: 316].

⁸ DOLBEAU (oben Anm. 5) 50-79 = 315-344. Zur Charakterisierung der nordafrikanischen Bevölkerung vgl. Frits van den MEER, *Augustinus der Seelsorger. Leben und Wirken eines Kirchenvaters*, Köln ³1958, 151, 161, 281.

⁹ Cp. André MANDOUZE, *Aurelius 1: Prosopographie chrétienne du Bas-Empire 1: Prosopographie de l'Afrique chrétienne* (303-533), Paris 1982, 105-127; Anne-Marie LA BONNARDIÈRE, *Aurelius episcopus: Augustinus-Lexikon* 1 (1986-1994) 550-566.

¹⁰ Cp. *The Works of Saint Augustin. A translation for the 21st Century. Sermons I (1-19) on the Old Testament*, introduction Cardinal Michele PELLEGRINO, translation and notes Edmund HILL, editor John E. ROTELLE, Brooklyn/NY 1990, 254 Anm. 1, 279 Anm. 11.

шать, должны были своевременно прийти в церковь, чтобы занять лучшие места перед апсидой. В случае Августина это было особенно важно. Ибо, какими бы блестящими не были его проповеди содержательно и стилистически, он не обладал таким сильным, звучным голосом, как Абрахам а Санта Клара¹¹, который мог наполнить огромную Пьяцца Навона в Риме. И к тому же зимой Августин постоянно страдал простудами, хрипотой, болями в горле и груди, которые мешали ему говорить¹². Предсказуемым образом, 22 января одного из годов между 401 и 411, в день памяти весьма почитаемого в Северной Африке мученика диакона Викентия Сарагосского¹³, целая очередь из горожан, пришедших в церковь заранее, с нетерпением ожидала речи Августина возле ступеней апсиды.

Из-за своего слабого голоса Августин решил в тот день встать в середине церкви на переносной амвон, чтобы те, кто стояли дальше позади также могли его лучше слышать. Но при этом он упустил решающее обстоятельство, а именно — горячность своих слушателей.

“Вернись назад!” — со стороны апсиды.

“Подойдите ближе ко мне, тут еще довольно места”, — пригласил их Августин.

“Нет, это ты должен к нам идти, или можешь вообще не проповедовать”, — прозвучало ему в ответ. И поскольку он не вернулся, недовольные скандировали “*Missa est, missa est, missa est!*” — время отпуста (катехуменов), то есть, время начинать совершение Евхаристии (§ 6).

Они разыграли такой спектакль, что Августину действительно не удалось в тот день произнести проповедь. Мы знаем все эти подробности потому, что в проповеди на следующий день, 23 января, Августин рассказывает о них и выбирает темой своей речи послушание. Он также упоминает одно происшествие из времени своей юности:

“Мы все знаем, какие разнузданность и беспорядок происходили здесь прежде между мужчинами и женщинами, ибо мы в прошлом также в них участвовали. ... Когда я, будучи юношей, учился в этом городе, я стоял на всеобщих с женщинами, и они терпели такие бесстыдства со стороны мужчин, что возможно, даже их целомудрие порой подвергалось испытанию” (§ 5).

¹¹ Абрахам а Санта Клара — прозвище немецкого монаха ордена босоногих августинцев Иоанна Ульриха Мегерле (2.7.1644-1.12.1709), известного барочного проповедника, писателя и поэта. — Прим. пер.

¹² Cp. Bernhard LEGEWIE, Die körperliche Konstitution und die Krankheiten Augustins: Miscellanea Agostiniana II: Studi agostiniani, Rom 1931, 5-21; VAN DER MEER (oben Anm. 6) 431; Michele PELLEGRINO, Introduzione generale: Sant'Agostino, Discorsi I (1-50) sul Vecchio Testamento. Testo latino dell'edizione maurina e delle edizioni postmaurine. Introduzione Michele PELLEGRINO, traduzione e note P. BELLINI, F. CRUCIANI, V. TARULLI, indici Franco MONTEVERDE (= Nuova Biblioteca Agostiniana 29), Rom 1979, IX-CII, hier: LXXIV = The Works of Saint Augustin I (см. выше прим. 10), 11-131, здесь: 100 f.; Miguel FUERTES LANERO/Moisés M.ª CAMPELO, Nota complementaria 49. La salud de San Agustín: Obras de San Agustín VII: *SERMONES* (1.º). Edición bilingüe. Traducción de Miguel FUERTES LANERO y Moisés M.ª CAMPELO. Cuarta edición corregida y ampliada (= Biblioteca de Autores Cristianos 53) Madrid 1981, 760 f.; George LAWLESS, Augustine of Hippo as Preacher: Fannie LeMOINE/Christopher KLEINHENZ (eds), Saint Augustine the Bishop. A Book of Essays, New York-London 1994, 13-37, hier: 25 f.

¹³ Cp. François DOLBEAU, *Sermones (ad populum): Augustinus-Lexikon* 5/1-4 (2019-2020) 244-399, здесь: 313, 361 Прим. 549 к *sermo* Dolbeau 2 на следующий день. О празднике св. Викентия ср. Hubertus R. DROBNER, Die *Passio* des hl. Vinzenz von Saragossa nach den Festpredigten Augustins (*sermones* 4, 274-277 A, 359 B): *Tempus implendi promissa*. Homenaje al Prof. Dr. Domingo Ramos-Lissón. Bajo la dirección de E. Reinhardt (= Colección Historia de la Iglesia 33), Pamplona 2000, 133-166.

Если думать о привычных непристойностях, наблюдаемых в то время в театре, можно представить себе эти “бесстыдства”, которые мужчины позволяли себе в отношении женщин, не только как намеки, но и вполне наглядным, даже осязаемым образом.

Тот же епископ Аврелий, который пригласил Августина, стал епископом Карфагена между 390 и 393 гг. и незамедлительно положил конец безобразию, разделив пространственно [оба] пола, устроив два обособленных пути, входы и места в церкви, “чтобы эти скверные и бесстыжие рабы не начинали в узком проходе то, что они позже намеревались совершить, а именно, — то, что они кричали проходившим мимо них матронам” (§ 5).

Поскольку епископ точно не мог определить путь вне территории церкви, то представлять “раздельные пути” перед входом в церковь нужно как пути через расположенный перед ней атриум. Раскопанная в Карфагене *Basilica Maiorum* соответствует этому [описанию] (рис. 1). И, как уже было доказано, Августин неоднократно произносил там проповеди, возможно, в том числе и эту.

В североафриканских базиликах встречаются отмеченные на полу большие четырехугольники, которые, вероятно, определяли места для разных групп.

Конечно, от этих происшествий можно было бы отмахнуться, как от курьезов чуждой повседневности, не имеющих никакой связи с богословием, как, очевидно, и поступали средневековые переписчики.

Однако в действительности сам факт того, что Августин не просто критикует безобразия своих слушателей, но истолковывает их с точки зрения нравственного богословия и использует для того, чтобы преподать своей публике правильное поведение в христианском духе, уже является первым указанием на вполне богословскую и духовную релевантность этих проблем.

Это относится в большей степени ко второму примеру из собственной — абсолютно не всегда образцовой — юности самого Августина. Почему Августин вообще это упоминает? Он вполне мог обойти это мол-

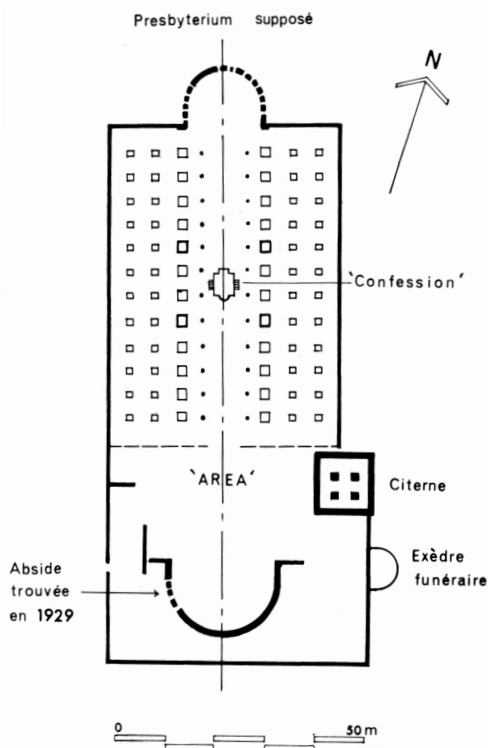

Рис. 1. Basilica Maiorum Carthaginesis. План по: Noël Duval, “Études d’architecture chrétienne nord-africaine”, Mélanges de l’École française de Rome. Antiquité, vol. 84, no 84-2, 1972, p. 1116.

чением, даже если в Карфагене довольно многие члены общины могли еще об этом помнить, — возможно даже, кто-то из его тогдашних приятелей присутствовал при проповеди.

Также не получается отнести слова Августина к риторической части *delectare*, которой оратор по правилам мастерства привлекает внимание своей публики. Заручиться доверием через напоминание о совместных проделках точно не было целью Августина. Ибо он представляет их как пример того, что все, кого это касается, включая его самого, совершенно изменившись в настоящем, смотрят на проделки юности с отвращением и раскаянием. Почему же он все-таки их упоминает?

Причина представляется мне одновременно богословской и пастырской. Карфаген был местом возникновения донатизма и его оплотом. Здесь во время диоклетиановых гонений (311 г.) произошел раскол, проявившийся с тем характерным для Северной Африки ригоризмом, какой можно заметить уже у Тертуллиана и Киприана. В донатизме догмат веры о “единой святой Церкви” понимается как требование индивидуальной, практической святости христиан, особенно клириков. Грешный служитель считался ими недостойным и неспособным исполнять свое служение и совершать таинства, которые были бы действительны¹⁴.

Прошлая жизнь Августина, отнюдь не святая, стала известна всем, самое позднее, после публикации *Исповеди* (около 400 г.), — что для донатистов стало настоящей находкой, как очевидно следует из *Enarratio in Psalmum* 36/3,19–20. В глазах донатистов прежняя, вовсе не праведная жизнь Августина делает его недостойным, и, таким образом, неспособным действительно участвовать в таинствах.

Следовательно, донатисты также подвергали сомнению действительность крещения, которое Августин принял в Милане. Затем он был “недействительно” поставлен священником и епископом в Гиппоне. Он не был ни христианином, ни клириком, и потому не только его действия в сане, но также и его аргументы против них были безосновательными — и они не колебались об этом открыто заявлять.

Понятно, что Августин отмахивается от таких обвинений, как от обычной клеветы, происходящей от полного отчаяния. Поскольку донатисты не могли ничего возразить богословски против его убедительных аргументов, они прибегали к дешевому риторическому приему, пороча его личность. Но одного этого мало, ибо не только он лично, но и члены общины оказывались перед лицом этого обвинения. Как они должны были на него отвечать?

Они должны — и это хочет внушить им Августин — на примере его собственного и их обращения показать недействительность донатистского богословия святости и по примеру своего епископа должны сами дальше трудиться над собственным совершенствованием. В итоге, в этом примере речь идет, ни много ни мало, о фундаментальной экклесиологии.

¹⁴ Cp. W. H. C. FREND, *The Donatist Church. A Movement of Protest in Roman North Africa*, Oxford 1971; Serge LANCEL/James S. ALEXANDER, *Donatistae: Augustinus-Lexikon* 2 (1996–2002) 606–638.

II. Странные обычаи

(*Sermo* Dolbeau 26)

Не только против донатистов, но и против язычников Августин вынужден был выступать полемически, как показывает *sermo* Dolbeau 26¹⁵. *Sermo* Dolbeau 26 — проповедь, которая была произнесена 1 января и записана. Это — самая длинная из всех сохранившихся проповедей Августина, насчитывающая около 17000 слов. Франсуа Дольбо и Питер Браун предполагают, что ее произнесение заняло более двух часов, Эдмунд Хилл — даже три часа или больше¹⁶. Они объясняют непривычную длительность проповеди тем, что Августин хотел как можно дольше задержать своих слушателей в церкви, чтобы помешать им участвовать в языческом праздновании новолетия, которое, как он сам говорит в проповеди, сопровождалось “игрой в кости, пьянством, распеванием похабных песен, похотью, бессмысленным шумом на улицах, бесстыдством в театре, дикостями в цирке, разнузданными проделками, гадкими шутками и прочими разными сумасбродствами” (§ 8).

Поэтому главной темой проповеди стала ничтожность языческих богов и обычаев в их честь. Августин порицает бессмысленность и бесполезность почитания материальных статуй богов и их изображений, но при этом должен защищаться от странного встречного обвинения язычников (§§ 10-11):

“Ты обвиняешь другого, что он почитает идолов... А что говорит кажущийся более разумным и образованным язычник (*peritior paganus et doctior*) тебе? Так делают только неразумные язычники (*imperiti pagani*), когда они изображению бога как таковому молятся, также как и среди вас есть некоторые, которые почитают колонны в церкви.

§ 11. Потому я вам говорю, братья: не делайте ничего, за что нас могут осмеивать; входите в церковь так, чтобы не давать язычникам никакого повода не войти в Церковь.” (Обращает на себя внимание тонкая игра слов с “входить” и “церковь”. Христиане входят в здание церкви, язычники входят в церковную общину)¹⁷.

В § 16 он еще раз возвращается к этой проблеме:

“Мы начали говорить о как бы образованных язычниках ... потому что они нам говорят: “И среди вас есть те, кто молится колоннам и иногда даже изображениям”. О, если бы их не было, и дай Бог, да не будет! В любом случае, это не то, чему учит Церковь. Который из ваших священников когда-либо взошел на кафедру и оттуда велел народу молиться идолам, тогда как мы открыто во Христе проповедуем, что нельзя молиться колоннам или камням зданий на святых местах, или изображениям?”

¹⁵ François DOLBEAU, Nouveaux sermons de saint Augustin pour la conversion des païens et des donatistes (IV): Recherches Augustiniennes 26 (1992) 69-141 [= DOLBEAU 1996/2009 (oben Anm. 1), 345-417]; Hubertus R. DROBNER, Augustinus von Hippo, Predigten zu NEUJAHR und Epiphanie (*Sermones* 196/A-204/A). Einleitung, Text, Übersetzung und Anmerkungen (= Patrologia 22), Frankfurt 2010, 107-297.

¹⁶ Ср. DOLBEAU (см. выше прим. 15) 76 = 352; BROWN (см. выше прим. 5.) 134; The Works of Saint Augustine. A Translation for the 21st Century. *Sermones* III/11: Newly Discovered Sermons. Translation and Notes Edmund HILL, editor John E. ROTELLE, Hyde Park/NY 1997, 180-237, здесь: 229 Прим. 1.

¹⁷ Ср. также *De utilitate ieiunii* 10.

Итак, если обстоятельства были настолько ясны, откуда берется встречное обвинение язычников? Должна быть, по крайней мере, внешняя видимость почитания колонн и изображений. И это подтверждают другие источники.

Иоанн Златоуст говорил в своей проповеди на 2-е Послание к Коринфянам в 392/393 г.¹⁸:

“Не видишь ли ты, как многие из вас целуют паперть этого храма? Некоторые склоняются, другие прикасаются к ней рукой, и затем проводят рукой по устам”.

Павлин Ноланский пишет около 400 г. в своем *Carmen* 18, 247-250:¹⁹

“Он поспешил бегом к священному жилищу Феликса²⁰

и вступил с обильными слезами в святое здание.

В дверях он остановился

и осыпал дверной косяк поцелуями (*postibus oscula figit*)”.

Тот факт, что Павлин здесь обыгрывает цитату из *Энеиды* 2, 490 “*amplexaeque tenent postes atque oscula figunt*” (дословно: “и держат в объятиях двери они, поцелуями осыпая. — *Прим. пер.*”), указывает не только на древность этого просительного жеста (*Supplikationsgeste* — жест прошения, молюбы), но также и то, что оба обычая для непосвященного, стороннего наблюдателя, особенно образованного язычника, — должны были представляться идентичными.

Как это следует понимать?

Архитектурное убранство церквей часто включает колонны на входе в нартекс или непосредственно перед ним, как, в частности, в церквах, связанных с культом мучеников, как базилика в Тебессе (Февесте) и сама базилика Киприана в Карфагене²¹.

Епифаний Саламинский (310/20–402/03) сообщает, что он видел в одной палестинской деревне под названием Анаута (Анауфа?) церковные врата, декорированные завесами с изображениями святых²².

Открытый двойной портик базилики Сан Витале в Риме также представляет подобный пример; кстати, он тоже вполне мог закрываться тяжелыми завесами²³.

Ноэль Дюваль считает наиболее вероятным объяснение, что колонны в церкви могли быть украшены изображениями крестов, которые известны по церкви александрийского патриарха Феоны (281/282–300)²⁴:

¹⁸ *Hom in II Cor* 30, 1-2 (PG 61, 606-607).

¹⁹ *Carmina*, rec. Guilelmus DE HARTEL = CSEL 30 (1894) 108.

²⁰ Св. епископ Феликс из Тиббуки принял мученическую смерть 15 июля 303 г., погребен в базилике Фауста в Карфагене, где его почитали вместе с другими мучениками. — *Прим. пер.*

²¹ Cp. Frits VAN DER MEER, *Die Ursprünge christlicher Kunst*, Freiburg 1982, 117 Abb. 67; Noël DUVAL, *L'évêque et la cathédrale en Afrique du Nord: Actes du XIe Congrès International d'Archéologie Chrétienne*. Lyon, Vienne, Grenoble, Genève et Aoste (21-28 septembre 1986), vol. I = SAC 41 (1989) 345-403, особенно 355.

²² *Epistula ad Iohannem Hierosolymitanum*, ed. Georg OSTROGORSKY, *Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreits*, Breslau 1929 (= Amsterdam 1964), 74 [frg. 31].

²³ Cp. Pasquale TESTINI, *Archeologia Cristiana*, Bari 1980, 569 fig. 278.

²⁴ Cp. Victor MORTET, *Colonne: DACL* 3/2 (1914) 2277-2321, здесь: 2309; Noël DUVAL, *Commentaire topographique et archéologique de sept dossier des nouveaux sermons: Augustin PRÉDICATEUR (395-411)*. Actes du Colloque

на одной колонне помещен крест, на другой — хризма, в обоих случаях обрамленные венком и помещенные в киот с двумя колоннами и архитравом. Таким образом, поцелуй предназначался кресту, а не колонне.

Питер Браун указывает на то, что лобызание колонны могло быть связано с культом мучеников²⁵, и контекст §§ 15-16 проповеди Августина, где речь идет о почитании мучеников, поддерживает эту интерпретацию.

Могила [апостола] Петра была уже во времена императора Константина была отмечена монументальным декором в виде балдахина, покоящегося на четырех колоннах²⁶. С конца четвертого столетия (благодаря папе Дамасу) подобные конструкции были перенесены на многие могилы мучеников и алтари церквей, возведенных над захоронениями мучеников. Также имели место и изображения святых²⁷.

Это должно объяснять, что как изображения, так и сами колонны надгробий мучеников удостаивались благоговейного почитания поцелуем. Колонны и изображения при этом могут восприниматься равнозначно, если колонны были украшены образами святых, как в случае сохранившейся колонны кивория алтаря в катакомбах Домициллы с рельефом, представляющим мученичество святого Ахиллея²⁸.

Контекст и замысел проповеди Августина здесь вправду несет отпечаток пастырского долга, на что указывает упоминание *periti* (просвещенных, обученных) и *imperiti* (непросвещенных, невежд). Удивительным образом именно образованные язычники, те, которые, как и христиане, будучи разумными людьми, естественно, верили не в мифологический гомеровский пантеон, а в совершенно духовное божество, — вот они-то обвиняли христиан в почитании изображений.

При жизни Августина проблема, как показывает данная проповедь, состояла в том, что границы между *periti* и *imperiti* были куда менее очевидными. Не все язычники почитали изображения богов, но и не все христиане были свободны от суеверных обычаев. *Periti* и *imperiti* находились по обе стороны “фронта”. Однако если среди язычников *periti* отделяли себя от *imperiti* довольно отчетливо, то Церковь не могла себе этого позволить, потому что и *imperiti* (и в особенности они) были призваны к всеобщему спасению.

Августин также использует встречное обвинение язычников, чтобы призвать членов своей общины к духовному, мистическому пониманию их практик народного благочестия и привести к соответствующему имени христиан поведению, которое не могло бы вызывать нареканий.

International de Chantilly (5-7 septembre 1996), édité par Goulven MADEC (= Collection des Études Augustiniennes, Série Antiquité 159), Paris 1998, 171-214, здесь: 194-196.

²⁵ Cp. Peter BROWN, *Augustine and a practice of the imperiti. Qui adorant columnas in ecclesia* (S. Dolbeau 26.10.232/Mayence 62): *Augustin prédicateur* (395-411). Actes du Colloque International de Chantilly (5-7 septembre 1996), édité par Goulven MADEC (= Collection des Études Augustiniennes, Série Antiquité 159), Paris 1998, 370-375.

²⁶ Cp. Engelbert KIRSCHBAUM, *Die Gräber der Apostelfürsten St. Peter und St. Paul in Rom. Mit einem Nachtragskapitel von Ernst DASSMANN*, Frankfurt ³1974, Abb. 29.

²⁷ Cp. Christa BELTING-Ihm, *Heiligenbild*: RAC 14 (1988) 66-96.

²⁸ Cp. Umberto Maria FASOLA B., *Die Domitilla-Katakomben und die Basilika der Märtyrer Nereus und Achilleus*. 3. Auflage bearbeitet von Philippe PERGOLA, Città del Vaticano 1989, bes. 20 Abb. 3.

III. “Не прелюбодействуй”, или равные права для мужчины и женщины (Проповедь 9)²⁹

Предложенное заглавие заставит слишком многих поморщиться, но, возможно, и немного меланхолично задуматься: “В основополагающих проблемах людей в Церкви за последние 1600 лет мало что изменилось”. На самом деле, Августин свидетельствует то же самое перед своими слушателями: “Этому, как я вижу, подвержено все человечество, с этим, я вижу, сложнее всего справиться” (§11). Частота, с которой Августин обращается в своих проповедях к названной теме, подтверждает данное [высказывание]. Согласно свидетельству *Corpus Augustinianum Gissense*, в своих *Проповедях к народу* (*Sermones ad populum*) он 93 раза говорит о супружеской измене и 60 раз — о блуде (*fornicatio*)³⁰.

В случае супружеской измены римское право применяло к мужчинам и женщинам разные критерии [наказания] (букв. “мерило разной линейкой” — *Прим. пер.*). Любые внебрачные отношения “благородной” (*honorata*) женщины были наказуемы. Для мужчины — только измена с “равной по достоинству” матроной, поскольку он нарушал брачное право ее супруга на свою жену. Рабы и женщины, которые в силу своего образа жизни не считались “благородными”, не совершали прелюбодеяния [т.е. измена с рабом или женщиной неблагородного происхождения не считалась изменой. — *Прим. пер.*]³¹.

Этот подход применим также и к Августину и его общине.

“Таким образом проникший повсюду обычай почитают вместо закона, что, похоже, уже и женщины убеждены в том, что это разрешено мужчинам, но не дозволено женщинам. Вы же обычно слышите, что женщины, уличенные [в любовной связи] со своими рабами, предстают перед судом на форуме. Чтобы мужчина предстал бы перед судом за такие отношения со своей служанкой, никто не слышал” (§ 4).

Логика легко развивается еще дальше — здесь чувствуется [атмосфера общения] в тесном кругу мужской компании, и вероятно, сказанное относится также и к ним [мужчинам из общины и Августину лично. — *Прим. пер.*]:

“Настолько велика развращенность человеческого рода, что целомудренного стыдят распутники... Если один из вас совершит убийство, да сохранит Вас от этого Господь, то вы пожелаете изгнать такого из вашей земли, и, если возможно, никогда не допустить его обратно. Если кто-то из вас пойдет на грабеж, вы его возненавидите и не захотите больше видеть. Если кто-то предоставит ложное свидетельство, вы отвернетесь от такого и не будете считать его за человека. Если кто-то на чужое имущество и добро позарится, того сочтут вором и преступником. Когда же

²⁹ Hubertus R. DROBNER, Augustinus von Hippo, Predigten zu den Büchern Exodus, Könige und Job (*Sermones* 6-12). Einleitung, Text, Übersetzung und Anmerkungen (= Patrologia 10), Frankfurt 2003, 153-220.

³⁰ Cp. Anne-Marie LA BONNARDIÈRE, *Adulterium*: Augustinus-Lexikon 1 (1986-1994) 125-137; Jan DEN BOEFT, *Fornicatio*: Augustinus-Lexikon 3 (2004-2010) 52-58.

³¹ Cp. Gerhard DELLING, Ehebruch: RAC 4 (1959) 666-677.

кто-то волочится за своей служанкой, ему оказывают симпатию, дружески привечают и раны обращают в веселье³².

Если же есть некто, кто говорит, что он целомудрен и не прелюбодействует, и известно, что он этого не делает, он стыдится присоединяться к тем, которые не его рода (или склада), чтобы те не унижали его, не насмехались и не говорили, что он не мужчина” (§ 12).

Со стороны мужчин, которым, как мы видим, Августин противостоял как пастырь, выдвигалось два главных аргумента:

(1) “Невозможно”. Тут Августин подлавливает мужчин из своей общины на их гордости, их предполагаемо столь превосходящей все мужественности (если не сказать “преувеличенной маскулинности” — *Прим. пер.*), и переворачивает перспективу с якобы “неспособности” на “нежелание”:

“Не говорите: это невозможно. Это отвратительно, братья мои, и позорно, что мужчина говорит, что не может то, что под силу женщине. Это преступно, когда мужчина говорит: я не могу. Женщина — может, а мужчина — нет? Что же, неужели у нее нет тела? ... Целомудренные женщины свидетельствуют вам, что возможно: чего *не хочешь* делать, то и говоришь, что *не выходит*”³³.

Но, возможно, вы думаете, что той легче это дается, потому что она хорошо защищена: супружеское попечение, а также устрашение гражданским законом. Многие сторожа делают женщину более целомудренной, а мужчину — напротив, заставляют доказывать свою мужественность. Ты более свободен, потому что ты сильнее. ... Выше тебя — Бог, только Бог” (§ 12).

(2) “Я не совершаю прелюбодеяния, я же хожу к своей служанке, моей домашней рабыне, а не к женщине со стороны”.

Здесь Августин пускает в ход концепцию, совершенно чуждую нехристианской Античности: равенства всех людей перед Богом, вне зависимости от их пола. (Когда сейчас люди борются за равенство, тот факт, что именно христианство впервые принесло эту идею в нашу культуру, обычно забывается.)

“Не ходите туда, куда она за вами не должна следовать. Неужели ты хочешь услышать, как твоя жена скажет: “Разве я иду к чужому мужу? Я иду к своему рабу”. Ты говоришь: “это не чужая жена, к которой я хожу”. Неужели ты хочешь, чтобы тебе было сказано: “я иду не к чужому мужчине?” Нет, этого она не должна говорить” (§ 11).

Совершенно очевидно, что среди мужской части общины Августин таким образом не мог завоевывать друзей. Он даже исходит из того, что его проповедь вызовет ссоры между супругами:

“Если даже сегодня кто-то ощутит, что его жена [стала] решительнее и более открыто возмущается, кому казалось раньше, будто мужчинам это позволено, а в церкви услышал, что не разрешено ... и [она] говорит:

³² Августин имеет в виду, что таким образом раны, т.е. грехи — повод для слез и раскаяния — превращаются в повод для шуток и веселья. — *Прим. пер.*

³³ Августин намекает, что его собратья даже не утруждают себя тем, чтобы пресекать подобные поползновения. — *Прим. пер.*

“непозволительно то, что ты делаешь. Мы оба это слышали. Мы — христиане. Я обязана быть верной тебе, ты обязан хранить верность мне, и мы оба должны быть верными Христу. Даже если меня ты обманешь, Того, кому мы оба обязаны, ты не обманешь, ты не можешь ввести в заблуждение Того, кто нас искупил”.

Слыша *эту* и подобные речи, к которым он не привык, он сердится на меня, потому что для себя самого не желает быть благоразумным. Он гневается и ругается. Возможно, он даже говорит: “Зачем он вообще сюда пришел, или почему моя жена именно в этот день пошла в церковь?” Но говорит это он, я полагаю, только в своих мыслях, потому что вслух такое произнести он едва ли осмелится наедине со своей женой. Если он разразился бы именно такими словами, она бы, возможно, ответила ему: “Что же ты хулишь того, кому только что рукоплескал? Мы же с тобой супруги. Если ты с языком своим не в ладу, как ты можешь жить в согласии со мной?” (§ 4).

Разумеется, хотя шестая (у Августина, кстати, она — пятая³⁴) заповедь говорит только о супружеской измене (*adulterium*), однако в целом она включает блуд (*fornicatio*), как Августин недвусмысленно объясняет. Потому как холостяки, очевидно, возражали ему:

“У меня же нет жены, я могу делать, что хочу, потому что я не грешу за спиной моей супруги. ... Я устремляюсь в бордель, отправляюсь к блуднице, иду к проститутке и не нарушаю ту заповедь, которая звучит как “не прелюбодействуй” (Исх. 20:14; Втор. 5:18). Я не преступаю также ту заповедь, которая говорит “не возжелай жены ближнего твоего” (Исх. 20:17; Втор. 5:21). Если я иду в общественное место³⁵, против какой заповеди я грешу?” (§ 14).

Ответ Августина предлагает видеть две таблицы Декалога (три связаны с Богом, семь — с соплеменниками) как вмещающие двойную заповедь любви — к Богу и к ближнему, двойная заповедь же включена во всеобъемлющее “Золотое правило” — “Не делай другому того, чего не хочешь, чтобы сделали тебе” (Тов.4:16³⁶; ср. Мф 7:12; Лк 6:31)³⁷.

“Ты же говоришь: когда иду к публичной девице, кому я причиняю то, чего не должно произойти со мной?”

Ответ: “Самому Господу, что гораздо более тяжкий грех”. Здесь Августин разворачивает свою редукцию десяти заповедей до двух и до одной

³⁴ Cp. Alfred SCHINDLER, *Decalogus*: Augustinus-Lexikon 2 (1996-2002) 246-255.

³⁵ В издании PL — *ad publicam*, “к проститутке”, в издании Дробнера — *ad publicum*, “в место общественного пользования”. Вероятно, тут имеет место игра слов. — Прим. пер.

³⁶ В такой форме этот стих (Тов 4:16) присутствует только в части изданий Библии, восходящих к Иеронимовой Вульгате: *Quod ab alio oderis fieri tibi, vide ne tu aliquando alteri facias*. В Септуагинте таких слов нет, есть более пространный пассаж: *ἐκ τοῦ ἀγίου σου δίδου πεινῶντι καὶ ἐκ τῶν ἱματίων σου τοῖς γυμνοῖς· πᾶν, ὃ ἐὰν περισσεύῃ σοι, ποίει ἐλεημοσύνην, καὶ μὴ φθονεῶσάτω σου ὁ ὀφθαλμὸς ἐν τῇ ποιεῖν σε ἐλεημοσύνην*. Несоответствие текстов в данном случае объясняется тем, что, согласно принятому мнению, блаженный Иероним мог переводить книгу Товита с неизвестного, не дошедшего до наших дней арамейского текста. — Прим. пер. (За текстологический комментарий благодарю Анну Ашарину).

³⁷ Cp. Albrecht DITLE, *Die Goldene Regel. Eine Einführung in die Geschichte der antiken und frühchristlichen Vulgärethik*, Göttingen 1962; DERS., *Goldene Regel*: RAC 11 (1981) 930-940; Hubertus R. DROBNER, *Augustinus von Hippo, Predigten zu den Büchern Exodus, Könige und Job (Sermones 6-12)*. Einleitung, Text, Übersetzung und Anmerkungen (= *Patrologia 10*), Frankfurt/M. 2003, 103-106.

обратно: раз в “Золотом правиле” заключена двойная заповедь любви к Богу и к ближнему, обе таблицы Закона, то правильно “Золотое правило” следует понимать так: “Не делай ни Богу, ни ближнему того, чего не хочешь, чтобы сделали с тобой”.

Если кто-то вдруг поверил, что такая фундаментальная аргументация могла убедить оппонентов, он заблуждается.

“Чем я обидел Господа?”, — отвечает он.

“Ты вредишь себе сам”.

“И почему же я оскорбляю Бога тем, что сам себе причиняю вред?”

“По той же причине, почему оскорбляет тебя тот, кто будто хочет побить камнями твой образ (портрет), который списан с тебя и в твоём доме самонадеянно и ради твоего тщеславного самолюбия висит и не может ничего ни чувствовать, ни говорить, ни видеть. Если же кто-то бросает в него камни, не намерен ли он оскорбить тебя?”

Если же ты — образ Бога ... нечестивыми действиями и безудержностью похоти погубляешь, ты придаёшь значение тому, что ходишь к ничьей жене, ты рассуждаешь о том, что ничего не делал за спиной своей жены, потому что нет у тебя супруги. Но тебя не волнует, чей образ ты своими непозволительными страстями разврата разрушаешь?...

Послушай Апостола: *Разве не знаете, что вы храм Божий и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог* (1 Кор. 3:16-17). Вы видите, как он угрожает? Ты не хочешь, чтобы твой дом был разрушен, так зачем ты разрушаешь дом Господа?”

Этот метод аргументации, который Августин здесь применяет на примере шестой/пятой заповеди, можно считать типичным и основополагающим для его проповедей.

(1) Он не теоретизирует, но выхватывает практическую пастырскую проблему “из самого центра бурлящей жизни”.

(2) Он говорит исключительно прямолинейно, его описания конкретны и выразительны, но не грубы и не оскорбительны (что могло бы весьма легко произойти при обсуждении таких неловких тем, как сексуальность).

(3) Он вступает в диалог со своим слушателем, который не просто представляет подобающую риторическую персонификацию (*Prosopopoeie*), но очевидно отражает спор, который он ведет в реальной жизни со своей паствой. Таким образом, он не только поддерживает интерес своих слушателей (что еще не превосходило бы цель безупречной риторики), но и показывает им, что их проблемы он хорошо знает, понимает и принимает всерьез.

(4) На основании этого глубокого знания людей он обращает свой чрезвычайно острый аналитический ум, который не просто критикует, но выстраивает удивительно новым способом привычную перспективу, в которой его слушатели обычно видят проблему, — причем не для того, чтобы переиначить ее абсурдным или непонятным образом, а чтобы на библейских и богословских основаниях предложить ошеломляющее и в то же время убедительное практическое решение.

Это, как мы в начале цитировали Питера Брауна, “голос епископа Августина”, попечителя душ, который связывает — и это можно опреде-

лить как главную характерную черту его существа и пастырской деятельности — глубокое знание и понимание человеческого бытия со всеми его взлетами и падениями с чрезвычайно острой аналитической способностью и ясным разумом, что приводит к совершенно новым возможностям/перспективам и убедительным решениям.

Эпилог

Ряд примеров из около 580 сохранившихся проповедей Августина³⁸ можно продолжать стократно. Тридцать лет прошло с момента открытия *Sermones Moguntini*, и они радикально изменили с различных точек зрения исследовательский ландшафт. Не настолько сильно, как если бы они содержали ниспровергающе новые знания о богословии Августина, но потому, что они дали импульс читать его проповеди по-новому, с точки зрения повседневной жизни своего времени³⁹.

То, что вменялось в вину средневековым переписчикам — что они интересовались только “вневременными богословскими вопросами”, а не “подробностями повседневной жизни”, не чуждо также и современным редакторам. Можно только мечтать о том, чтобы современные исследования рассматривали проповеди Августина так, как они создавались: не только с точки зрения источников мышления Августина, но и как “свидетельства непосредственной жизни” его времени.

³⁸ Cp. DOLBEAU (oben Anm. 10) 244-399.

³⁹ Cp. Hubertus R. DROBNER, Augustine of Hippo Preaching on the Abuse of Power: Studies of Religion and Politics in the Early Christian Centuries. Edited by David LUCKENSMYER and Pauline ALLEN (= Early Christian Studies 13), Strathfield NSW 2010, 227-242; DERS., Daily Life in the Preaching of Gregory of Nyssa and Augustine of Hippo: *Scrinium* 9 (2013) 105-119; DERS., “Stretch Yourself on the Rack of Your Heart” (S. 13.7). Reality, Spirituality, and Emotions in Augustine’s Imagery: Augustine on heart and Life. Essays in Memory of William Harmless, S. J. Edited by John J. O’KEEFE and Michael CAMERON (*Journal of Religion & Society. Supplement Series* 15), Omaha/NE 2018. <<https://dspace2.creighton.edu/xmlui/bitstream/handle/10504/119168/2018-21.pdf>>.

№ 1. Врачебное ремесло и церковная история.

Выпускающий редактор — Родионова Юлия Валентиновна, cardio2008@yandex.ru

Прием статей до 7 февраля 2022 года.

Срок выхода электронной версии — 14 марта 2022 года.

Срок выхода печатной версии — март.

Основные темы: отношение к болезни; молитвы о здравии; чудеса исцеления и специализированные святые; отражение врачебного ремесла в рукописной и книжной традиции; организация лечебниц при монастырях; медицинские факультеты; роль личности врача в церковной истории.

№ 2. Женщины в церковной истории.

Выпускающий редактор — Белякова Надежда Алексеевна, beliacovana@gmail.com

Прием статей до 9 мая 2022 года.

Срок выхода электронной версии — 6 июня 2022 года.

Срок выхода печатной версии — июнь.

Основные темы: женщины Древней Церкви; модели святости для женщин; практики женской активности в религиозных сообществах; роль женщин в гонимых общинах; рукоположение женщин; история женщин в церковных структурах; исторический опыт женского учительства; история диаконисс; история женского монашества.

№ 3. После Халкидонского собора: формирование идентичности и образа «другого».

Выпускающий редактор — Брюн Сергей Павлович, sbrun@mail.ru

Прием статей до 15 августа 2022 года.

Срок выхода электронной версии — 19 сентября 2022 года.

Срок выхода печатной версии — сентябрь.

Основные темы: литургические традиции мелькитов и миафиситов в V-XIII веках: эволюция богослужения, путь от единства к разделению; мелькиты, марониты и миафиситы в средневековой Сирии и Месопотамия: история противостояния и сосуществования; армяне-халкидониты: литургические традиции, искусство, образ в миафиситских источниках; мелькиты на Ниле: идентичность и литургические традиции египетских христиан халкидонитов, взаимоотношения коптов и мелькитов в средневековом Египте, литургия Св. Марка и ее употребление среди коптов, нубийцев и египетских мелькитов, греческий язык в миафиситском Александрийском Патриархате (Коптской Церкви и Церквях Нубии); богословский диалог, гонения, и прецеденты перехода чад двух Церквей; «рокировки» VII века: переход Грузии в стан миафиситов и царства Маккурай в стан халкидонитов.

№ 4 Реформация: новации и континуитет в богословской, политико-правовой и исторической мысли.

Выпускающие редакторы — Паламарчук Анастасия Андреевна, Фадеев Иван Андреевич, fadeyev.ivan@yahoo.co.uk

Прием статей до 17 октября 2022 года.

Срок выхода электронной версии — 21 ноября 2022 года.

Срок выхода печатной версии — ноябрь.

Основные темы: литургические тексты и практики эпохи Реформации: преемственность и трансформации; античные и средневековые политико-правовые модели в реформационных дискурсах.; верховная власть и община королевства: реформационные модели взаимодействия; история народа, история Церкви: конструирование прошлого в исторических нарративах эпохи Реформации.

Собираются предложения по дополнительным блокам.

План работы журнала Российский журнал истории Церкви на 2022 год

№ выпуска	Прием статей, в текущий номер (до)	Срок выхода электронной версии	Срок выхода печатной версии
1	07.02.2022	14.03.2022	Март
2	09.05.2022	06.06.2022	Июнь
3	15.08.2022	19.09.2022	Сентябрь
4	17.10.2022	21.11.2022	Ноябрь

